

ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Научный журнал

№ 1 • ноябрь • 2003

Санкт-Петербург

Журнал основан в 2003 г.
УЧРЕДИТЕЛЬ
Санкт-Петербургский
государственный университет
культуры и искусств
Главный редактор
П.А. Подбоготов
Заместители главного редактора
В.В. Головин, О.М. Зусьман
Ответственный редактор
С.А. Владимирова
Редакционная коллегия
И.А. Антипова, Т.В. Захарчук,
С.Н. Иконникова, В.Д. Лелеко
О.И. Марченко, Г.В. Михеева, В.Е. Триодин

ВЕСТНИК Санкт-Петербургского
государственного университета
культуры и искусств • № 1 • ноябрь • 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово ректора

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Философия, социология

- Тульчинский Г.Л.** Имперская культура
как потенциал свободы 6
Марченко О.И. Риторика как философия,
этика и эстетика слова 9
Баренбаум И.Е. Французская литература
по вопросам этики в русских переводах
(2-я половина XVIII века) 19

Культурология

- Щученко В.А.** О некоторых актуальных
проблемах теории истории культуры 26
Грицкевич В.П. Формы передачи
исторических знаний в музейедческой
и экскурсоведческой практике 34

Информационно- библиотечные исследования

- Ванеев А.Н.** Библиотека как социальный
институт и проблемы ее комплексного
изучения 44

- Брежнева В.В., Минкина В.А.**
Информационное обслуживание как
сервисная деятельность 52

- Ильина О.Н.** Личные библиотеки как
источник по истории культуры 63

- Михеева Г.В.** Ретроспективная
библиография периодических
изданий в 1917-1921 гг. 69

191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 2. СПбГУКИ.
Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Отпечатано в типографии «Турусел».
191186, СПб., ул.Миллионная, д.1.
Тел.311 54 74. Лиц. ПД № 2-69-571
05.11.2003. Формат 60x84 1/1, Печ. л.20.
Печать офсетная. Тир.200. Зак.

Компьютерная подготовка В. Долгова, М. Ковалева, М. Лисовская
Оригинал-макет, дизайн обложки С. Владимировой

© Санкт-Петербургский гос.ун-т культуры и искусств, 2003

Теория и история литературы

- Мультатули В.М.* Мольер в жизни Булгакова 80
- Лукъянец И.В.* Миф о Ж-Ж. Руссо и «Неточка Незванова» В.М. Достоевского 87
- Артмановский С.Н.* «Созвучие времен нам недоступно»: из лирики Германа Гессе 92
- Интервью с народным артистом РСФСР зав. кафедрой хореографии, проф. Б.Я. Брегвадзе 94

Архив, воспоминания

- Баренбаум И.Е.* На Дворцовой 100
- Personalia** 107

Эльмар Владимирович Соколов

- Артмановский С.Н.* «Я никогда не говорил того, во что не верил. Но иногда мне приходилось молчать». Э.В.Соколов как человек и ученый 110

Конференции года

- «Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы историко-культурного моделирования цивилизации» 119
- Детские чтения: «Формовка детского писателя: рычаги, стимулы, среда» 123
- Современные проблемы межкультурных коммуникаций 128
- Литературные чтения 129
- XIII Смирдинские чтения 131
- IV Кирилло-методиевские чтения 133
- Менеджмент, бизнес и культура 137
- XIII Виноградовские чтения: Детский фольклор и культура детства: методология собирания, описания, изучения 138

- «Искусство и религия» 144

- Русская народная песня как предмет науки 146
- «От библиографии техники к информационному управлению» 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

- Рефераты диссертаций 154
- Издания СПбГУКИ 2002 года 160
- Книги преподавателей СПбГУКИ, вышедшие в других издательствах 161
- Рецензии на работы преподавателей СПбГУКИ 162
- Сведения об авторах 163

Уважаемые читатели !

Уже 85 лет существует наш вуз, и столько же лет издаются монографии, учебники и сборники научных трудов наших педагогов. У всех книг разная судьба – некоторые постоянно цитируют и переиздают. Например, книги наших выдающихся профессоров, текстологов, литературоведов, библиографоведов С.А. Рейсера и Б.Я. Бухштаба, вышедшие еще в 20-30-х годах¹. Тираж книг замечательного историка и драматурга, по сей день радующего студентов лекциями, Д.Н. Аля достиг полу-миллиона экземпляров². Только за последние два года три монографии наших профессоров напечатаны в престижных американских и европейских университетах³. Мы гордимся своими профессорами, вышедшими как из наших стен, так и из школ академиков Е.В. Тарле, Д.С. Лихачева, М.П. Алексеева, А.М. Панченко, В.М. Жирмунского, профессоров С.Б. Окуни, В.В. Мавродина, В.А. Мануйлова, Ю.М. Лотмана (все они непосредственно были научными руководителями многих наших преподавателей). Мы также гордимся современными научными школами – главным признаком университета – профессоров М.А. Ариарского, И.Е. Баренбаума, А.Н. Ванеева, В.Я. Гречнева, С.Н. Иконниковой, В.А. Минкиной, Б.Н. Петрова, И.А. Шомраковой. Их ученики уже стали докторами наук и профессорами, авторами известных монографий. Университет хранит научные и творческие традиции: более полувека продолжается выпуск «Трудов университета» (а ранее института и академии), ежегодно издается до 50 книг наших преподавателей, они читают лекции в престижных мировых университетах, являются постановщиками грандиозных праздников, в том числе посвященных 300-летию Санкт-Петербурга, ставят балетные сцены в Мариинском театре, дирижируют и исполняют музыкальные произведения в залах Академической Филармонии и Капеллы.

Пять лет мы носим звание университета и этот статус обязывает нас не только хранить, но всячески развивать научную деятельность. Поддерживая новые научные направления, мы не должны забывать о специфике университетской науки: фундаментальности и академичности, за которую так ратовали наши учителя.

Продолжая научные традиции университета мы предлагаем Вам новое научное издание – «Вестник СПбГУКИ». В нем будут публиковаться научные статьи, архивные материалы, воспоминания и интервью, отчеты о конференциях, рецензии на книги университетских педагогов. В первом выпуске, кроме научных статей, мы публикуем интервью с выдающимся танцовщиком и педагогом, народным артистом России, лауреатом Государственной премии СССР, заведующим кафедрой хореографии нашего университета, профессором Б.Я. Брегвадзе и воспоминания одного из виднейших профессоров И.Е. Баренбаума.

«Вестник СПбГУКИ» является принципиально открытым изданием. Мы искренне приглашаем наших отечественных и зарубежных коллег к сотрудничеству в журнале и ждем критических рецензий на наши труды.

С уважением,

П.А. Подболотов

*доктор исторических наук, профессор, ректор СПбГУКИ,
главный редактор
«Вестника Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств»*

¹ Аронсон М.И., Рейсер С.А. Литературные кружки и салоны. – Л., 1929; Аронсон М.И., Рейсер С.А. Литературные кружки и салоны. – СПб.: Акад. проект, 2001; Бухштаб Б.Я. Судьба литературного наследства А. Фета // Лит. наследство. – Т. 22/24. – М. 1936. – С. 561-602; Бухштаб Б.Я. Фет и другие: Избр. работы / Сост. Н.Д. Эльзон. – СПб.: Акад. Проект, 2000. – 555 с.

² Альшиц Д.Н. (Д.Аль). Библиография научных трудов и художественных произведений. СПб., 1994.

³ Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. – New-York: E. Mellen Press, 2002. – 420с.; Иконникова С.Н. История культурологических учений. – New-York: E. Mellen Press, 2001. – 264с.; Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Abo, Abo University Press, 2000. – 451 с.

С Т А Т Ъ И И С С Л Е Д О В А Н И Я

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

Г.Л. Тульчинский

Имперская культура как потенциал свободы

Многими исследователями декабризма отмечается имперская составляющая, как мировоззрения, так и подоплеки конфликта декабристов с Александром I. Декабристы – не просто молодые образованные офицеры, цвет российской элиты начала XIX столетия. Это поколение победителей, офицеры армии, перемоловшей наполеоновскую армаду, прошедшей всю Европу и поившей своих коней водой Сены. И эти офицеры видели в политике императора отход от интересов российской империи. Поэтому, говоря о декабристских корнях российского либерализма, сразу же натыкаешься на «имперский след». Дело, однако, не только и не столько в конкретных взглядах декабристов. Проблема намного глубже и интересней.

В идее империи и в имперском наследии заложен парадокс. Империя – это отнюдь и не во всем плохо. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Более того, можно утверждать, что цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями. В идеи империи много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению. Не являлась исключением из этого ряда и Российская империя, символом которой и стал Санкт-Петербург. Как и всякая империя она была не только «тюрьмой народов», но и несла этим народам просвещение, условия развития, совместного существования.

Более того, имперское культурное наследие обладает существенным потенциалом развития открытого общества. В подтверждение этого тезиса можно привести два примера.

Первый – это содержание недавнего доклада Совету Европы о содержании и источниках идеи европейской (европейской идентичности). Согласно авторам доклада, европейская идентичность вклю-

чает в себя: мультикультуральность, демократия, толерантность, вера в исторический прогресс, права человека. Причем источники формирования этих базовых ценностей авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир. [*In From the Margins*] Имперское по самой своей сути – общечеловеческое. Или претендует на таковое.

Вторым примером может служить Санкт-Петербург. Суть дела не только и не столько в культурно-историческом наследии, символике, сколько в системе ценностей, разделяемых петербуржцами, ценностей, прежде всего – духовных, нравственных [*Quality of the St. Petersburg Population*]. Нынешняя питерская идентичность парадоксальна. Как любая культурная идентичность она апеллирует к культурному наследию, культурным корням, славному прошлому, его героям. А культурно-историческое наследие, величие города связаны с империей, статусом имперской столицы. Питер и возникто именно как столица новой России, строящейся провозгласившим себя императором Петром. И Санкт-Петербург вошел в российскую историю второпрестольной столицей, противопоставленной первопрестольной Москве – собирательнице земель русских. И эта двуполюсность сохраняетс до сих пор.

Российские и советские правители не любили и не любят Санкт-Петербург. И я полагаю – не случайно. Он раздражает их своей инаковостью. Этот город чрезвычайно специфичен и парадоксален – особенно и именно в российском контексте.

Парадокс-то и заключается в том, что имперский по самой своей сути город оказывается противостоящим неким глубинным основам российско-советской империи. Неспроста и Сенатская площадь – часть исторического центра этого города!

Это парадоксальность имперского наследия как основы новой демократии и открытого общества. Думается, что здесь-

Имперская культура как потенциал свободы

то и проходит главный нерв питерской идентичности, только нащупав который и можно говорить о нынешних перспективах питерской идеи и города.

Для петербургской культуры характерны внеэтничность, наднациональность, или как сейчас говорят – мультикультуральность, некоторая космополитичность. Но Питер не только город-космополит, он и город – интеллигент. Его культуре присуща веротерпимость, рациональность, общая толерантность и корректность. Проблема трагедии маленького человека, противостоящего безличной государственности – фактически, зародыш проблемы прав человека – возникла (пушкинский «Медный всадник», гоголевская «Шинель») и могла возникнуть только в Санкт-Петербурге. Более того, питерской идентичности свойственны особая рациональность, ориентация на исторический прогресс и модернизацию. Космополитичность, наднациональность, мультикультуральность и терпимость, уважение к личности, рациональность и нацеленность на развитие – все это и образует содержание питерского стиля, особого питерского достоинства.

Совпадения с европейской идеей разительно буквальные. Санкт-Петербург, действительно, оказывается носителем и представителем европейского начала в культуре России, носителем импульса ее развития. Буквально – остров Петербург в архипелаге Россия. Свой среди чужих, чужой среди своих.

Апелляция к имперскому началу до сих пор – явная часть питерской идентичности. Но только не к империи как таковой – претензии эти будут безосновательны и ведут в тупик Некрополиса, города – памятника самому себе. Речь идет об апелляции к конструктивному содержанию имперской культуры, фактически – к нереализованной утопии европейского города-государства в составе России, не о ностальгии о безвозвратно ушедшем прошлом, а о том, что могло быть, но осталось еще нереализованным.

Похоже, что только в Санкт-Петербурге возможна конструктивная трансформация имперской идеи, вещь невозможная в других регионах. Например, в Москве, обреченной на образ собирательницы земель русских, в том числе и неоднозначными методами. Или в Калининграде, апелляция к прошлому в котором оказывается

весьма причудливой: то ли к прошлому Германской империи, прусскому величию, то ли к советскому прошлому.

И эта конструктивно трансформированная питерская идея оказывается главным условием модернизации жизни города. Не апелляцией к сохранению величественного прошлого, а с опорой на это прошлое – импульсом к новому развитию!

Разумеется в своем нынешнем состоянии Санкт-Петербург весьма далек от реального открытого общества: преступность, демонстративно разнознанные СМИ, амбивалентное правительство, дозааточное состояние гражданского общества, либерально голосующие избиратели и неоднозначное губернаторское окружение... Но я и говорю не о реальности, а о потенциале. Санкт-Петербург – утопический город, город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни. Помимо прочего, и в том смысле, что этот город – то место, где утопии имеют склонность к реализации. Так почему бы не говорить о петербургской мечте, дающей новые импульсы историческому развитию России. Санкт-Петербург был и остается городом-инноватором для России, источником и транслятором большинства российских политических, экономических и культурных инноваций последнего столетия.

Таким образом, культурное наследие империи содержит очевидный конструктивный либеральный потенциал. Повторюсь, но это важно: имперское – значит общечеловеческое. Имперские культуры не только своеобразные культуры культур, вбирающие в себя, аккумулирующие многообразный мультикультуральный опыт, но и стимулируют выработку и продвижение общечеловеческого опыта и общечеловеческих ценностей и стандартов. В этом плане они оказываются важным ресурсом формирования и развития открытого общества, что особенно важно в свете глобалистских тенденций развития современной цивилизации.

Но что же тогда мешает нынешней России реализовать этот потенциал? Почему либералистски ориентированные реформы не только пробуксовывают, но и приводят к деградации общества по многим векторам? Думается, что эта проблема связана, как минимум, с двумя обстоятельствами.

Г.Л. Тульчинский

Первое. Либерализм – как мировоззрение, как политическая и правовая технология предполагает консолидированное и стабильное общество. Либерализм – доктрина и технология, процедурная по самой своей сути. Акцент в ней делается на систему процедур, гарантирующих учет различных интересов и позиций. А это предполагает наличие неких общих оснований, базовых ценностей, выносимых за скобки, но без которых ни процедуры, ни гарантии, ни их критерии выработаны быть не могут.

Беда же современной России, как и любой распадающейся империи, то, что ее социум не консолидирован. На протяжении всей своей истории Россия являла собой общество с разорванной культурой, в котором элита (правящий и образованный классы) отождествляла и отождествляет себя с европейской культурой, а низовые культуры этой идентичности были в изрядной мере чужды. Недаром властную элиту всегда тянуло на запад, в Европу как в военной экспансии, так и в образовании, проведении свободного времени, тогда как народные массы бежали на восток за землей, волей, просто от собственной власти. Именно за счет разбега наиболее здоровой и энергичной части базового этноса Россия и колонизировала шестую часть суши, не ведя, практически, серьезных колониальных войн – кроме одной, до сих пор не оконченной – на Кавказе.

Теперь же эта расколотость культуры усилилась распадом империи. И ситуация наиболее травматична для базового этноса (нации) империи. Вообще-то, мировая история изобилует примерами исчезновения этносов, обеспечивших формирование и рост империи, после распада этой империи. Плоды же имперского культурного наследия обычно пожинают другие. Обратных примеров не так много: современные Франция, Испания, Великобритания, отчасти – Германия. И то – даже неспециалисту очевидны интенсивные и неоднозначные этнические изменения в этих странах. Станет ли Россия исключением – вопрос открытый. Все зависит от внятности, рациональности и ответственности правящей элиты.

Но дело усугубляется вторым обстоятельством. Нынешнее российское руководство демонстрирует органическую неспособность и нежелание конструктивной консолидации общества. Такая консолидация возможна только на основе содержательного компромисса, на основе глубокой общности интересов и идентичности. Невозможно объединить нацию, раздав всем сестрам по серьгам: кому триколор, кому красный флаг, кому гимн, а кому – собственность. Такое куличество не удовлетворяет, а только раздражает: у каждого возникает свой повод для недовольства. Конструктивных же идей у нынешнего российского истеблишмента нет, а у власти оказались силы, способные только и исключительно на противостояние, стравливание и манипулирование. Поиск внешних и внутренних врагов, спецоперации – работа «на холоде», во вражеском окружении – это то, чему они обучены, к чему привыкли и что только умеют делать и чем занимаются. А в условиях объективно исключительно благоприятной международной ситуации и общей обессиленности общества военные авантюры и охота на ведьм самоубийственны – и не только для безответственного руководства.

В этом плане особенно важен рассмотренный пример Санкт-Петербурга – апелляции к конструктивному содержанию имперской культуры, апелляции не к сохранению величественного прошлого, а с опорой на это прошлое – импульса к новому развитию.

В истории не было, нет и, думается, никогда не будет народа, добившегося успеха только за счет самоуничижения и посыпания головы пеплом. Но и гордиться неоднозначным прошлым тоже не стоит. Невозможно взять в будущее только плюсы. Надо трезво и спокойно понять свое прошлое, увидеть свое настоящее, принять их как факт и строить будущее. Не выкачивать и выбрасывать очередных поклонников, а понять самих себя, кто мы такие, с кем мы и по какому поводу. Мы не можем жить только прошлым, каким бы великим оно не было. Разобравшись с ним, приняв его, надо идти дальше.

О.И. Марченко

Риторика как философия, этика и эстетика слова

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...»
Ф.И.Тютчев

Нам не дано предугадать... Но если и не стараться этого делать, то тревожная тенденция неумелого и безответственного обращения со словом, пренебрежения к нормам языка, утрата его образной красоты и силы, неумение говорить, слушать и слышать другого, приходить с ним к согласию в процессе общения, сделают нашу речь причиной многих несчастий. И тогда поэтическую метафору заменит народная мудрость: язык мой – враг мой.

Язык – сложная система, реальной стихией многомерного функционирования которой является живая, звучащая, воздействующая речь. Речевая деятельность – совокупный результат физиологических, психических, умственных сил человека, необходимое условие существования и развития человеческого общества, важнейший элемент духовной культуры народа. Культура немыслима без речевого взаимодействия, и одной из организующих сил его выступает риторика.

На протяжении многих веков риторика является одной из классических гуманитарных дисциплин. Она изучает действующего речью человека и рекомендует правила искусной, целесообразной и убедительной речи. В прошлом риторика принадлежала семи свободным искусствам и вместе с грамматикой и диалектикой составляла образовательный тривиум.

Риторика – нормативная дисциплина, она налагает на выбор действия универсальные и частные ограничения. Человек стремится говорить так, как принято говорить на данную тему, с данным собеседником в данной ситуации, и для достижения желаемого результата старается делать это наилучшим образом. Журналист и политик, адвокат и преподаватель придерживаются системы «внутренних и внешних координат», которые определяют выбор оптимальных языковых и речевых средств из ряда возможностей, предоставляемых языком.

В своей универсальной постановке проблема языка и речи является исконным предметом риторического анализа. Язык – это форма жизни, это стиль жизни. Сам факт существования языка всегда вызывал удивление, а природа его становилась предметом размышлений и догадок. В философской литературе не раз звучало, что язык понимает мир, отражает, обозначает, выражает мир. Только человек из всех живых существ одарен речью. Именно дар речи, как это замечено многими мыслителями, отличая человека, и делает его человеком. Причем это не является одной из многих человеческих способностей, одним из видов человеческой деятельности, этой особенностью определяется сущность человека как такого.

Вторая сигнальная система связана с абстрактным мышлением, способностью образовывать понятия. Слово, передающее впечатления, ощущения и представления об окружающей среде, является сигналом первых сигналов. И сигнал этот является материальным знаком определенной знаковой системы, как любая вещь, доступным чувственному восприятию. Реализуются знаки в высказываниях как речевые действия.

Слово помогает наладить духовную связь человека с человеком, дает возможность личности выразить себя, передать другим этот личностный смысл, причем в искусном и убедительном качестве, которое способно довести этот смысл до понимания другим человеком. Проблемы речевого взаимодействия и взаимопонимания – это проблемы риторики.

Предмет риторики сложен и неоднозначен. Она исследует многовековую культуру единственного слова, которая является частью нас самих. Риторикой пронизана повседневность, красноречие растворено в обыденном общении. Риторика представляет значительный интерес как сама реальная речевая деятельность; как учебная

О.И. Марченко

дисциплина, основанная на богатой культурной традиции; как искусство речи и технология этого искусства; как целостная программа преобразования идеи в слово, как общая теория мыслеречевой деятельности. В любые времена риторика в своих лучших образцах всегда составляла органическое единство мысли, слова и дела, оспаривая классическую фигуру псевдориторики «*res, non verba!*» (лат.) – «дел, а не слов!»

Риторике известны периоды расцвета и упадка. В античном представлении риторические усилия отождествляются с понятием *пайдея*, т. е. воспитанностью и образованностью (с чем будет связано формирование новоевропейского понятия *культуры* как специфически человеческого способа преобразования природных запасов и возможностей). В центре воспитательных планов по «изменению всего человека в его существе» находится риторика. Наука о приемах убеждения есть та сила, которая, согласно античным взглядам, призвана усовершенствовать человеческую жизнь и создать для нее максимально справедливые формы. В средние века искусство красноречия постепенно заменяется теорией литературной риторики, риторикой письменного текста. Ее основными направлениями становятся риторика проповеди, искусство написания писем, стихосложение. Средневековую риторику отличали склонность к мистицизму, стремление возвыситься до сферы святости, космичности, уровня теологии. Столкновение традиций и новаторства, усиление литературного компонента отличает дальнейшее развитие риторики в эпоху Возрождения и в новое время. XIX век, когда новая наука стилистика потеснила риторику, принято считать временем кризиса древней классической дисциплины и угасанием интереса к ней. Больше того, именно о времени перехода от классицизма к романтизму будет сказано: «Эстетика начинается там, где кончается риторика» [11, с. 137]. Риторика XX века отличается тем, что она стала частью индустрии массовой коммуникации. Риторика есть «изучение недопонимания между людьми и поиск средств к устранению этого, к предупреждению и устраниению потерян в процессе коммуникации» [14, с. 3]. Некоммуникабельность расценивается как крайняя форма взаимного отчуждения ин-

дивидов, свидетельствующая о распаде социальных связей. «Неориторика» приспособливает свои открытия к современным социальным реалиям.

При попытке установить предмет риторики следует считаться с тем фактом, что за две с половиной тысячи лет ее существования в качестве определения использовались сотни формулировок. Чаще всего риторика понималась как наука о речи. Речь, безусловно, есть основной организующий фактор человеческого общения. Для специфически риторического подхода сошлемся на суждение, согласно которому, говоря язык, «мы подразумеваем речь, знаем ее как нашу деятельность» [12, с. 260]. Язык – только определенная, правда, важнейшая, составляющая речевой деятельности. Желая определить сферу риторики, мы сознательно оставляем в стороне понимание языка как устойчивого готового продукта (с его лексической, грамматической, фонетической составляющими, непрекаемыми для индивидуального сознания). Язык входит составной частью в более масштабную единицу речевого поведения, назовем ее *риторической ситуацией*.

Внесловесная ситуация организует саму форму речи, приводит в действие все невербальные компоненты, оживляет высказывание смыслом. Можно сказать, высказывание тысячью нитей вплетено во внесловесный жизненный контекст. Риторический текст, как единое целое, слагается из словесно-осуществленной (актуализированной) части и подразумеваемой, обусловленной контекстом (понимаемом в самом широком смысле этого слова как исторический, социальный, психологический и т. д.). Изолированно взятое слово может оказаться совершенно бессмысленным. Слово ориентировано на реального собеседника. Абстрактного собеседника не может быть, с ним у нас не было бы общего языка ни в буквальном, ни в переносном смысле. Подразумеваемое включает в себя общий пространственный и смысловой кругозор говорящих. Невысказанное связывает между собой участников ситуации, как соучастников, одинаково знающих, понимающих и оценивающих ситуацию (момента, дня, года, эпохи; семьи, рода, нации...). Речевое взаимодействие «опирается на их реальную, материальную принадлежность

Риторика как философия, этика и эстетика слова

одному и тому же куску бытия, давая этой материальной общности идеологическое выражение и дальнейшее идеологическое развитие» [3, с. 67]. Внесловесная ситуация не является только внешней причиной высказывания, дающей импульс извне, ситуация входит в высказывание как необходимая составная часть его смыслового состава.

Для риторической системы важно то, что и язык, и речь связаны со всей совокупностью чувственного и мыслительного поведения человека, они организуют его жизнь, познание, общение, творчество. Чтобы подчеркнуть синcretичность риторики как феномена культуры, скажем, что это онтологическое, гносеологическое, философское, этическое, эстетическое явление. Этот синcretизм, эта нерасчлененность отражена в важнейших классических риторических источниках. Риторика, рассматриваемая как теория речи, является особым действенным устремлением многих наук. Эта интегративная гуманитарная дисциплина предполагает требовательность к качеству речи по многим параметрам. Интеллектуальные, этические и эстетические предписания и представления нацелены на совершенствование речевого поведения. Риторика, изучая то, что действительно существует, ориентирует на нормативное, идеальное; оценивая то, как есть, учит тому, как должно быть. Норма выступает средством для достижения идеала. Норма является коррелятом системы. Понимание же нормы как меры желаемого и должного, несомненно, один из сложнейших вопросов человеческой культуры.

Определим норму как совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых», «идеальных») средств речевой деятельности, складывающихся как результат выбора-отбора-использования элементов из числа наличествующих в процессе социально-культурно-исторической, в широком смысле, оценки этих элементов.

Именно в общении людей, в межсубъектных отношениях возникает необходимость в риторике, именно в общении может проявить себя уникальность и самостоятельность каждого партнера на основе потребности в другом. Убедительность (или действенность) как главное качество речи, диалога, общения, составляющее отдельную область исключительно

феномена риторики, дает возможность рассматривать и другие явления культуры под риторическим углом зрения. Риторика – это система разнообразных элементов, в своей целостности ведущих к убедительности речевого взаимодействия.

Истоки науки об убедительном речевом поведении предоставляют возможность увидеть этот акцент в исторически первом определении предмета софистом Кораксом: «красноречие есть работница убеждения» [13, с. 815], а также в общей позиции софистической философии, видащей главную цель оратора не в раскрытии истины, а в *убеждении* при помощи вероятного. Античная наука определяет риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Дело риторики – не убеждать, по мнению Аристотеля, но в каждом данном случае находить способы убеждения. (В античном понимании то же можно сказать относительно и всех остальных искусств, ибо дело врачебного искусства, например, заключается не в том, чтобы сделать всякого человека здоровым, но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели.) В отечественной традиции вопрос об эмоционально-воздействующей силе слова был обострен Ломоносовым следующей поправкой: в первой редакции Риторики 1744 года (этот труд при жизни автора оставался в рукописи и был впервые опубликован в 1895 г.) при определении красноречия *материю следовало пристойными словами изображать так, чтобы слушателей о справедливости ее удостоверить*; в конечной редакции предпочтение было отдано влиятельности речи, что выразилось в определении риторического искусства о *материи красно говорить*, чтобы тем самым преклонять других к своему мнению [8, с. 89].

Поиски убедительности обеспечили риторике множественные связи с различными направлениями гуманитарного знания, позволили аккумулировать в себе огромный круг идей многих наук. Именно это и обострило проблему предмета самой риторики.

Наиболее распространенным сегодня в отечественной науке является утверждение, что риторика – филологическая дисциплина. Конечно, вне языка, «словолюбия» не может быть риторики. Язык –

О.И. Марченко

это, прежде всего, «словесное орудие», это «язык слов», система, включающая такие структурные ярусы, как лексика, грамматика, фонетика.

Лингвист должен как бы «остановить» данный в непосредственном наблюдении процесс речи, понять его как проявление языка в его структуре, определить единицы этой структуры в их системных отношениях и таким образом прийти к своему основному объекту. Объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя. Центральным понятием здесь является понятие правильности речи – литературно-языковая норма. Она диктует речевой деятельности способы организации этой деятельности внутри отдельного высказывания. Грамматические, лексические, орфоэпические нормы языка отражают процессы, явления и закономерности, происходящие внутри языка.

Отношения между системой языка и языковой способностью – это предмет психолингвистики. Психолингвистику интересуют отношения между экспрессивными и коммуникативными потребностями и средствами, предоставляемыми языком.

Речь может быть устной и письменной, прямой и косвенной, деловой и художественной, монологической и диалогической и т. д. Все эти разные возможности использования языка, разные формы применения языка изучаются языковедением.

Объекты, к которым относятся основные понятия литературоведения (идея, содержание, форма, замысел, материал, образ, стиль и т. д.), задают свой угол зрения: описывают изучение текста как художественного произведения.

Социальная природа языка – одно из его внутренних свойств. Речь есть инструмент управления общественными процессами. Для социологии система языка есть частный случай социальной нормы, обеспечивающей единство социального поведения членов группы. Широкий спектр понятий, таких как «социальная роль», «социальная группа», «социальный статус», «ролевые ожидания» и т.п., позволяет соотносить речевую деятельность с анализом социальной «среды» речевой личности и регулированием социального поведения, которое осуществляется по общественно одобренным, т. е. социальным, образцам. В основе интеракционистского

подхода лежит убеждение, что человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации. Наиболее значительной из коммуникативных систем является человеческая речь.

Проблема речи с точки зрения психологии – это, прежде всего, проблема межличностного общения посредством языка; ключевыми при этом подходе являются такие аспекты, как внимание, восприятие, переживание, ощущения, желания, чувства, аффекты, воображение, интуиция. Законы языкового творчества, вне всякого сомнения, могут рассматриваться как индивидуально-психологические законы. За пределами философской мысли изучение общения прежде всего имеет место в психологической науке.

Важнейшей особенностью риторической многомерности речевого поведения является семиотический характер языка. Говорить – это «подавать знак посредством членораздельного звука» (Августин). Наукой, изучающей жизнь знаков в рамках жизни общества, является семиотика. Значениями этих знаков занимается семиантактика.

Отраженный образ вещи превращает мир предметов в мир знаков. Изъятый из естественных практических связей, он тем самым может быть включен в моделирующие связи человеческого сознания. Язык, как об этом писал Э.В.Ильинков, обеспечивает возможность для символа или знака быть непосредственным телом идеального образа внешней вещи. Образы фиксируются в языковых значениях. Философия языка выступает в качестве методологической основы концепции искусственных языков как семиотических систем.

По утверждению Ю.В.Рождественского, языковая деятельность обеспечивает назначение, истолкование и понимание всех неязыковых знаковых систем, выполняющая служебную роль в образовании общественного интеллекта: «Язык (языковая деятельность) является распорядительной частью семиотической деятельности» [10, с. 63].

Речевая деятельность есть частный случай знаковой деятельности, в которой язык есть не только одна из знаковых систем, но первичная, наиболее сложная и универсальная знаковая система. Точно так же речевая деятельность является ос-

Риторика как философия, этика и эстетика слова

новным видом знаковой деятельности, логически предшествуя остальным ее видам. Обычная наша речь, как метко заметил А.А. Реформатский, – это набор цитат из известного нам языка.

Единицы, в которых логика измеряет мышление, такие как понятия, суждения, умозаключения, не совпадают с другими важными элементами языка: морфемами, словами, предложениями, или же его структурными ярусами: лексическим, грамматическим, фонетическим. В неориторике брюссельской логической школы Перельмана методология, свойственная развитию философского мышления, задается не формальной логикой, а риторикой.

Философский взгляд устремлен на мышление и познание как фрагменты речевого взаимодействия субъекта с объективным миром. Философию интересует материализация и объективизация мысли и речь как процесс превращения мысли в слово. Само слово, взятое изолированно, как чисто лингвистическое явление, не может быть ни истинным, ни ложным. Истина как таковая также аксиологически нейтральна, т.к. она представляет собой соответствие знания познаваемой реальности. Однако, намеренное искажение истины – это результат речевого действия человека.

Итак, деятельность говорящего изучается целой совокупностью дисциплин. Риторика способна придать системе наук внутренне связующий их смысл. Каждая из перечисленных наук фиксирует внимание на своей проблеме, и ни одна не дает исчерпывающего представления о речевой деятельности. Ряд наук имеют один и тот же объект изучения, однако процесс научной абстракции протекает в этих науках по-разному, под определенным углом зрения. В отличие от них предмет риторики носит «не синхронический, а панхронический характер: ее целью является установление системы средств выражения, годной на все времена и во всех языках» [11, с. 134]. Специфика этого предмета для вечно актуальной цицероновской риторики состоит в том, что риторика «рассматривает» в речевой деятельности многомерного человека, ведет поиск «значимых», «желаемых», «должных» средств для достижения убедительности его речевых действий.

Риторика объединяет в себе философское, логическое, лингвистическое, психологическое, социологическое знание о речи и речевой личности, создавая некое обширное и богатое по своему потенциалу «культурное единство». Эта многомерная дополнительность не хаотична. Это не просто соседство различных плоскостей. Риторика не может рассматривать «мышление», «язык», «психику», «общественное» как застывшие системы, взятые в абстракции от реальной речевой деятельности. Она нацеливает на «идеальную» форму взаимодействия этих составляющих, задает подвижный культурный стандарт речевых взаимоотношений.

Речевая деятельность всегда сопряжена с действиями соратников, партнеров, оппонентов, а осознание цели (или иерархии целей), средств и способов действия предполагает определение своей тактики по отношению к другому человеку. Риторику интересует цельная личность человека, находящаяся во взаимодействии с другими такими же личностями. Риторику следует рассматривать, прежде всего, как науку о закономерностях комплексного многоаспектного моделирования речевой деятельности.

Изначально сама категория деятельности определяется как система процессов, осуществляющая общественные практические связи человека. Философская литература трактует деятельность как активность субъекта, направленную на мир объектов во взаимодействии с другими субъектами. Единичный акт деятельности есть единство трех составляющих: мотива, цели и исполнения. Он начинается планом и завершается результатом, к которому ведет динамичная система конкретных операций. Совместные действия субъектов тем эффективнее, чем выше степень духовного единства и взаимопонимания, достигнутая в ходе их диалога.

Основанием риторики является устойчивая система ее трех фундаментальных категорий:

Пафос – страсть, намерение, то есть то, что вызывает речь;

Этос – характер речи, условия взаимодействия и этический образ оратора;

Логос – мысль, т. е. интеллектуальное содержание и словесные средства воплощения замысла.

О.И. Марченко

«Пафос» – это эмоциональное воодушевление, которое является причиной действия. Этот творческий источник, давая импульс логосу и этосу, превращает слово в речевое действие. В речевом поступке каждый осуществляет активный выбор. Творчество жизни состоит в непрестанном драматическом столкновении мотивов, страстей, интересов. Психическое пространство сознания представляет собой единство аффективных и интеллектуальных процессов. Воля и разум конфликтны: воля требует уверенности и решительности, разум – сомнения и взвешенности. Эстетическое переживание и эстетическая значимость (содержащие в себе и внеэстетические моменты) как содержание нашего сознания определяют желания и поступки. Пафос – подвижная, непостоянная величина, этим он может быть противопоставлен этосу.

Речевой «этос» – это составляющая образа жизни и способ поведения и общения с себе подобными, это умение человека жить в обществе. Речь людей такова, какова их жизнь, как сказано Сенекой. Образ действий и поведения речевой личности в идеале выступает как одобряемый, поощляемый и ожидаемый. Однако там, где имеется добро, обязательно будет существовать и опасность зла. Нравственная оценка поступка возможна и необходима только тогда, когда у действующего словом человека есть свобода выбора, как цели, так и способов и средств ее реализации. Нравственная позиция есть лишь одно из проявлений избирательного отношения речевой личности к своей деятельности. С древности известен взгляд на риторическое знание как на средство очищения души, результат духовного самопроизводства человека и общества. Этические ценности, нравственные ориентиры придают смысл человеческой жизни. Они бескорыстны. Они соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале. Они объективны в том смысле, что задают «условия подлинно человеческого общежития и общения», и субъективны, потому что осуществимы «только как непосредственная сила человеческой души» [6, с. 81]. Смысл жизни для человека обнаруживается только в свете этики; добропорядочная жизнь – жизнь непременно для других. Система собственного «я» немыслима без

системы другого и «речь является опосредованием – опосредованием между субъектом и другим – и она подразумевает реализацию другого в самом этом опосредовании» [7, с. 66]. Важным условием реализации другого является то, что «речь может нас с ним объединить» (там же). Этос способствует поискам равновесия между стремлением к сближению и сплочению и противоположной тенденцией к отделению себя от других, к сохранению своей отдельности.

«Логос» (слово, мысль, разум, закон) лежит в основании риторики как практической философии. Единственно возможной средой для существования личности является «логосфера». Истина – это одновременно и действительно существующее реальное бытие, и отражение объективности – «адекватное знание субъектом объекта» [6, с. 69]. Значение слова отражает единство мышления и речи. Обобщение, присутствующее в значении слова, есть самый подлинный акт мысли. Мысль – это речь, обращенная к самому себе. Язык – одно из важных условий формирования самосознания. Слово вбирает в себя из контекста, в который оно вплетено, интеллектуальное содержание. Мысль в свою очередь перестраивает и побуждает к развитию языка. Назование есть в некотором смысле познание. При помощи слов мы стремимся осмыслить предметы. В. Гумбольдт писал, что язык данного народа не только оказывает влияние на его философию, но в буквальном смысле определяет ее характер, ибо всякий язык есть звук общей природы человека [5, с. 51].

Человеческое мышление существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей, обладающих способностью мыслить, понимать, сомневаться, желать, утверждать, воображать, чувствовать, любить. Свойство души суммировать и систематизировать впечатления и опыт в целях личностного самопоявления позволяет рассмотреть категорию личности с позиции речемыслительной деятельности. Личность неизменно находится в среде «языкового существования», т. е. «никогда не прекращающейся жизни „с языком“ и „в языке“» (Б. Гаспаров).

Каждая наука в качестве фундамента имеет наиболее общие категории, которые

Риторика как философия, этика и эстетика слова

дают возможность осваивать все бесконечно разнообразные, случайные и часто противоречащие один другому факты и создавать из них цельное единство. Риторика опирается на систему трех категорий. Пафос, Этос и Логос – эта триада лежит в основе риторической ответственности за сказанное, а значит замыленное и содеянное. Параллелизм с эстетикой, этикой и логикой имеет глубокие основания. Отсутствие хотя бы одной составляющей этого согласованного единства порождает речевое действие, которое можно назвать **квазириторическим** (может быть, поэтому столько упреков и обвинений за два с половиной тысячелетия было предъявлено риторике). Ошибочно также рассматривать эти три категории как формальный союз, их взаимоотношения не могут быть абсолютной гармонией, это скорее напряженность, соперничество, борьба полноправных оснований, являющихся вместе сутью риторического идеала. Пафос и Логос, пытающие искусство и науку, лишенные Этоса, способны придать слову безнравственную силу. Этос, «примиряя» противоположности, гармонизирует всегдашнее для реальной риторики состояние «неустойчивого равновесия». Именно эти три универсальные категории задают ценностные ориентации для сознательного (культурного) созидания убедительной речи как средства благоустройства общества, совершенствования и духовного обогащения человека, что и является **риторическим идеалом**.

Риторический идеал можно считать исчерпывающей моделью, представляющей собой своего рода совокупность всех возможных моделей речевого поведения. В этой проектной, моделирующей деятельности нашего, по словам Канта, «продуктивного воображения» присутствуют инвариантные характеристики. Потребность в Истине, Добре, Красоте пронизывает все уровни и сферы человеческих взаимоотношений. Риторика – это наука о нравственной искусственной речи.

Если Логос, Этос, Пафос являются первейшими критериями «идеальной» речи, то вторым базовым основанием риторики является традиционный античный **риторический канон**. Он задает «идеальное» направление на пути от мысли к речевому действию и включает в себя пять этапов: изобретение, расположение, вы-

ражение, запоминание и произнесение. Охарактеризуем последовательно каждый из них.

1. Инвенция, или изобретение, – это момент новизны, открытия, запрет на создание нетворческой речи. Это рефлексия субъекта, осмысляющего объективную реальность, отображающая его отличность от другого. Субъекта общения отличает его уникальность, особенность, неповторимость и свобода действий. Это одновременно и основное условие, и единственный способ плодотворного культурного диалога. Вступить в диалог – значит дополнить мир собой.

2. Диспозиция, или расположение, означает организацию, построение речи как целостного произведения, достижение пропорциональности и законченности. Именно на этом этапе происходит упорядочение частей в целом. Совершенная форма становится таковой, если ее качествами являются точность, логичность, легкость, гармоничность, отсутствие хаотичности, случайности.

3. Элокуция, или выражение, – есть словесное оформление речи: отбор слов и грамматических конструкций, украшение речи тропами и фигурами. Элокутивные нормы представляют собой совокупность наиболее устойчивых традиций, унифицированных языковых средств и правил использования языковой системы. Владение языковой культурой подразумевает умение правильно организовать свою речь с точки зрения грамматики, лексики, стилистики.

4. Память, или запоминание, – это способность воспроизводить прошлое – с древних времен считается одной из составных частей благородства, т. е. этической категорией. Память позволяет овладеть общественно-историческим опытом человечества. Однако память обременена не только сохранением и воспроизведением «истины», но и ее духовным измерением и осмыслением. Память связывает элементы жизненного опыта человека в единое целое.

5. Произнесение, или исполнение, – последний этап античного риторического канона, это, по существу, жизнь текста, само речевое действие. Оно использует всю палитру невербальных выразительных средств, прежде всего интонацию. Акустическими знаками, обозна-

О.И. Марченко

чающими определенные человеческие состояния и действия, являются ритмические, тембральные, мелодические изменения. Немаловажное значение для оживления смыслов имеет «язык» тела, его возможность быть «убедительным».

Все этапы риторического канона в последовательном и синхронном взаимодействии и взаиморегуляции реализуются в речи. В этом смысле было бы уместнее их назвать не этапами, а именно частями риторического действия, постоянно находящимися в прямых и обратных связях. В этом алгоритме нет жесткой, строго детерминированной упорядоченности. Не сухой расчет, а импровизационность, не повторимость и уникальность, а значит, и неожиданность, отличают живое слово. Речевая практика подчиняется общему диалектическому закону художественной формы: строго детерминированная содержанием конструкция оборачивается свободной «игровой» связью составляющих её элементов.

Хотя набор риторических категорий, выполняющих регулятивные и организационные функции, достаточно стабилен, жесткой детерминации тут нет; если каждый уровень общей многоярусной системы в отдельности строится по определенным структурным законам, то их сочетание может подчиняться лишь вероятностным законам и реализовываться с известной степенью независимости. Представление о риторике, нормативно оформляющей всю систему речевых средств, как о господстве схем, правил и шаблонов неверно. Риторическая культура таит в себе возможности бесконечного богатства вариантов. Нормативное «игро» риторических предписаний, границы и правила не являются однозначно и жестко заданными, они позволяют осуществлять выбор, оставляют человеку определенную степень свободы для индивидуального регулирования процесса собственной жизнедеятельности. Риторические ценности и нормы фиксируют некоторое идеальное состояние Homo eloquens. Они задают культурную вертикаль – онтологическую перспективу жизни, концентрируя и воплощая предельные устремления к совершенству.

Фундаментальными понятиями речевого взаимодействия, его содержательной стороны, являются понятия **значения** и **смысла**. Язык – это своеобразный путь

обращения к древнейшим архетипам мышления. Архетип сохраняется в языке: слово рассказывает нам о происхождении и развитии понятия. Человек всегда может использовать готовый материал языка как «матрицы» не только для известного, но и для нового. Риторика предлагает думающему человеку общие мыслительные модели, которые носят название **топосов**. Каждое называние, каждое применение слова, «эмбриона науки», как называл его Л.С.Выготский, есть критика слова, стирание и одновременно расширение значения [4, с. 191]. Нахождение и употребление «убедительных» слов изменяет и обновляет язык. Выбор слов в риторике – это изобретение названий (имен), являющихся основой для построения доводов, которые возникают из содержания-намерения.

Значение – это обобщение действительности, фиксированное и устойчивое. Смысл – это полнота значения; значение, осознанное субъектом в процессе деятельности. Для риторики, без сомнения, важна возможность «возвращения» к высказыванию, что, как нельзя лучше, позволяет осуществить письменная форма речи. Она также предоставляет возможность осуществить организацию высказывания. Письменность обеспечивает фиксированную форму знакам языка. Письмо выступает в качестве опосредствующего звена в изучении речи. Вывести слово за его лингвистические пределы, установить тесную связь слова с внесловесным контекстом способна интонация. Интонация особенно чутка ко всем колебаниям «социальной» атмосферы вокруг говорящего. Она находится на границе словесного и несловесного, она метафорична, она оживляет «дремлющее» в лексиконе слово, заставляет его грозить, ласкать, негодовать, казнить или миловать. Интонационная метафора тесно связана с метафорой жестикуляционной. Тело человека в процессе риторического взаимодействия приобретает культурные качества, становится смыслонесущим, художественно-выразительным. Тело как средство организации социальных отношений выполняет функцию общения.

Знак любой системы является средством, которым пользуются люди в коммуникативных целях. Знаки регулируют практическую жизнь, глубинные же смыслы

Риторика как философия, этика и эстетика слова

лы «говорят» языком символов. Еще одной важной риторической категорией является метафора, или же несобственный способ выражения смысла. Метафорический язык основывается на переносном значении слов, использовании косвенных смыслов. Риторическая традиция подтверждает многочисленными примерами предпочтение, отданное в диалоге «непрямому высказыванию» как наиболее действенному методу познания и общения. Метафоры выступают первичными формами бытия философских категорий. Философская идея выражается часто в художественно-образной форме. Сложный процесс экспликации универсалий культуры начинается с метафорического отражения – метафорическое сознание приводится к творческому. Семантическая неопределенность тропа, как показано у Ю. Лотмана, обусловила то, что на поверхности культуры он проявляется в системах, ориентированных на сложность, неоднозначность или невыразимость истины. Мы полностью разделяем мысль о том, что фигуры и тропы не принадлежат лишь к сфере украшения, а, образуя язык множественных прочтений и смыслов, оформляют всякое мышление. В историческом развитии искусства речи можно выделить периоды, и ориентированные на риторические метаконструкции, и эстетически отвергающие их, что, по Лотману, может расцениваться как «риторика отказа от риторики» [9, с. 416].

Риторическое творчество, аналогично художественному, – одновременно интуитивно и осмысленно. Законы этого творчества рассматривают так называемые общая и частная риторики. **Общая** риторика имеет дело с *абстрактным* – безусловным, неограниченным, а значит некоторым образом непостижимым, беспредельным, – и в этом гарантития постоянного развития риторического знания; **частную** риторику интересует конкретное – относительное, временное, зависящее от тех или иных условий и обстоятельств, и, следовательно, изменчивое, обусловленное системой отсчета и оценок, а потому несовершенное и преходящее. Частная риторика рассматривает варианты различных моделей речевой деятельности.

Частные риторики традиционно изучают судебный, академический, политичес-

кий, социально-бытовой, церковно-богословский и др. роды красноречия, проявляющиеся не только в сфере политики, науки, искусства, образования, но и в обыденном речевом взаимодействии людей (в семье, среди друзей и пр.). Сегодня в отечественной риторике различают разделы: разговорная речь, ораторская речь, дискуссионно-полемическая речь, научная речь, деловая речь, язык средств массовой информации.

Риторика рассматривает речевую деятельность как сложную иерархию действий и операций, нацеленных на убедительность как наилучший оптимальный результат речевого взаимодействия. Важнейшей отличительной чертой, отделяющей речевую деятельность от других, является то, что Л.С. Выготский назвал единством общения и обобщения. Деятельность может быть направлена на мир объектов и на других субъектов. Последняя есть общение, основным средством осуществления которого является речевая деятельность. Общение имеет и практический, и духовный характер. В общении оба партнера являются субъектами, полноправными собеседниками, соучастниками общего дела. Это касается не только тех случаев, когда общение является контактом друзей, но, например, и в ситуации спора идейных противников, в котором также происходит совместный поиск возможной общей позиции, что и делает это столкновение мнений равноправным диалогом (или полилогом). Диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу.

Слово вездесуще, оно проникает во все сферы культуры. Невозможно исчерпать все богатство социально-речевой практики. Сложные взаимоотношения с чужим словом, с чужим речевым поведением во всех сферах деятельности пронизывают всю жизнь человека, начиная от освоения речи и кончая освоением богатств человеческой культуры. Гуманитарная культура диалогична. И диалог – не совпадение, а равноправие точек зрения. Черты субъекта, проявляющиеся в диалоге, это «конкретность (имя), целостность, ответственность, неисчерпаемость, незавершенность, открытость» [2, с. 343].

Именно в диалоге, в межсубъектных отношениях людей возникает необходимость

О.И. Марченко

мость в риторике, именно в общении может проявить себя уникальность и самостоятельность каждого партнера на основе потребности в другом. Исходным условием общения является индивидуальное своеобразие партнеров, глубинная диалектика их различия и стремление к единству, которое должно привести не к стиранию этих различий, а к «единству многообразия». Этот духовный процесс может затрагивать как глубины самосознания личности, так и диалогический контакт различных культур. «Диалог – столкновение разных умов, разных истин, несходных культурных позиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру» [1, с. 137].

Именно общение включает всю сознаваемую глубину взаимной сопричастности людей. Оно есть универсальный атрибут и основное условие человеческого бытия. Теряя общение, человек теряет самого себя. Диалог позволяет каждому измерить самого себя. Концепция человеческого бытия как межличностного общения оценивает формирование самосознания личности в соотнесении с сознанием другого в герменевтическом измерении. В общении мы отстаиваем, развиваем, познаем свое «я». Взаимодействуя с другими людьми, человек не только идет навстречу общему, но и обнаруживает неповторимые черты своей личности, борется за них, утверждает свое оригинальное, творческое, уникальное бытие. Можно сказать, что риторика выступает инструментом вербализированных мироощущения, мировосприятия, миропредставления, миропереживания, миропонимания. Осмелимся утверждать, что риторика как философия, этика, эстети-

ка слова есть то, что связывает, соединяет людей друг с другом, она есть совместный опыт согласия и сотрудничества. Предоставляя возможность устроения разумной и благополучной совместной жизни, риторика готова взять на себя ответственность за то, как «слово отзовется».

Литература

1. **Баткин Л.М.** Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления / Л.М. Баткин. – М., 1978.
2. **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М., 1986.
3. **Воюшинов В.Н.** Философия и социология гуманитарных наук / В.Н. Волошинов. – СПб., 1995.
4. **Выготский Л.С.** Мышление и речь. Психологические исследования / Л.С. Выготский. – М., 1996.
5. **Гумбольдт В.** Язык и философия культуры / В. Гумбольдт; Пер. с нем. – М., 1985.
6. **Каган М.С.** Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб., 1998.
7. **Лакан Ж.** Семинары. Кн. I. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / Ж. Лакан; Пер. с фр.; Ред. Ж.А.Миллер. – М., 1998.
8. **Ломоносов М.В.** Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7 / М.В. Ломоносов. – М.; Л., 1952.
9. **Лотман Ю.М.** Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб., 1998.
10. **Рождественский Ю.В.** Принципы современной риторики / Ю.В. Рождественский. – М., 2000
11. **Тодоров Ц.** Теории символа / Ц. Тодоров; Пер. с фр. Б. Нарумова. – М., 1998.
12. **Хайдеггер М.** Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; Пер. с нем. – М., 1993.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. В 81 т. Т. 52.– СПб., 1890–1904.
14. **Richard J.A.** The Philosophy of Rhetoric / J.A. Richard. – N. Y., 1965.

И. Е. Баренбаум

Французская литература по вопросам этики в русских переводах (2-я половина XVIII века)

Литература по вопросам этики во многом перекликается с переводами по вопросам просвещения, философии и религии. Этические идеалы просвещения пронизывают рассуждения авторов, сочинения которых привлекают внимание российского гражданина. Здесь мы найдем и общие рассуждения о долге и назначении человека, и наставления о поведении в обществе и семье, и наставления, предназначенные для родителей и юношества, в том числе и адресованные особо воспитанию девиц и т. п. Аксиоматической представляется вера в бога и важность соблюдения принципов веры, христианского учения, этических норм Ветхого и Нового заветов. Вместе с тем пафосом всех переводимых на русский язык переводимых сочинений о воспитании Гражданина, согласующего свое поведение с нормами существующего Закона, которые выработаны в результате общественного согласия. Веропослушание и законопослушание, мораль, построенная на гуманистических принципах, на принципах добродетели, уважения Личности, самосовершенствования – таковы основные принципы идеи французских произведений по разделу этики.

В 1769 г. в типографии Шляхетного кадетского корпуса в Петербурге печатается книга Э.Ф. Вернажа «Человек доволной, научаящий хорошо жить. При чем самые лучшие правила из нравственной философии представляются в примерах исторических, могущих служить ко упрощению наших страстей, люблению добродетели и отвращению от пороков» (перевод Фомы Халчинского). «Человек доволный», пишет автор в предисловии, – представленный мною в книге сей не тот гордый философ, который кичится быть счастливым и приписывает свое благополучие уму своему».

О характере произведения можно судить по подробному оглавлению. Вот некоторые названия глав: «В чем состоит спокойствие жизни», «Довольным быть не можно тому, кто не имеет покойной совести», «Надлежит желать того, что Бог хочет, чтобы жить в покое», «Надлежит каждый

день проводить так, как бы он был последний...», «Блаженная жизнь есть совершенное спокойствие человеку праведному».

Как видим, автор усматривает счастье и благополучие жизни в спокойствии и умиротворенности, в приготовлении к жизни посмертной. Здесь нет церковного аскетизма, автор исповедует идеи протестантизма – простоты, скромности, веротерпимости. В завершающей главе – «Рассуждение о всей книге сей, какую от нее пользу иметь можно», автор рассуждает: «Поелико все благополучие жизни сея состоит в благополучной смерти, то все помышления, все слова, и все действия наши, не должны иметь иного предмета, кроме того, чтоб хорошо жить, дабы хорошо умереть» (с. 276). И далее: «...Смерть, которой и одно воспоминание причиняет душам богатых величое смущение, бывает утешением убогих; ибо их победоносное терпение на земли делает приуготовления для их торжества на небеси» (с. 284).

В сходном духе написано сочинение Ш. Роллена «Прямая слава и истинное величество», Книга в переводе учителя Троицкой семинарии Александра Никольского была издана Н.И. Новиковым в его московской типографии в 1783 году. Подобно другим произведениям Роллена, книга изобилует многочисленными примечаниями, почерпнутыми из античной и европейской истории. Авторское резюме мы находим в главе VII «В чем состоит прямая слава и истинное величество». Роллен пишет: «Прямое величество, которому подражать гордость и с которым пышность сравниться не может, находится в личных качествах и благородстве мысли. Быть добрым, щедрым, благодетельным, великолдушием, уважать богатства только для того, чтобы оныя раздавать, чтобы служить отечеству своему; силу и достоверность, чтобы быть в состоянии низлагать порок и приводить в почтение добродетель; быть человеком истинно честным, не ища таковым казаться; сносить нищету с благородством, озлобления и обиды с терпением, сдерживать гнев свой и делать всякие услуги неприятелю, коему отомстить можно; предпочитать всему общественное благо;

И. Е. Баренбаум

жертвовать оному своим богатством, по-коем своим, своею жизнью; даже честию своею, если то потребно. Вот что делает человека великим и прямо достойным по-чтения» (с. 110).

Рассуждения Роллена более глубоки, отличаются большей широтой взглядов, чем Вернажа, но и у него мы находим те же мысли об умеренности, смирении, готовности жертвовать своим положением, богатством во имя общего блага. Последнее воспринимается как альтернатива смерти, которая есть ничто иное, как то же Благо, но дарованное Богом праведно живущему человеку.

Религиозные реминисценции мы обнаружим в книге «Подвиг христианина против искушений» (М., 1794). Книгу перевел «с иностранного языка» лекарь и проректор Московского университета Иван Андреевский. Речь в книге идет о многих материалах – о преодолении зла и борьбе с врагами человечества, о добродетелях и пороках, о средствах отражать диавола, о мучениях Христовых «и как много мы можем оттуда научиться состраданиям», «Благодарении Богу», «о испытании совести», наконец «о четырех способах нападений вражиих на нас при часе смертном, а особенно о том, который употребляют они против веры, и как от них должно защищаться». Этические нормы подаются в книге «обряженными» в церковные формы, это должно делать их более убедительными для верующего человека, стремящегося к преодолению «суетной славы» и ищущего путь спасения от «отчаяния» и «сомнения».

Книги об этике чаще всего содержат весьма подробную регламентацию поведения человека в семье и обществе, своеобразный Катехизис моральных правил. Примером может служить сочинение Ж.Э. Сиго де ла Фона «Училище благополучия или картина общественных добродетелей, представляющая посредством наставлений, с примерами соединенных, надежный путь к достижению щастия» (М.: Типография Компании типографической, 1786).

Приведем названия некоторых глав сочинения: 1. О прощении обиды. 2. О благотворении. 3. О милостыне. 4. О благодарности. 5. О великодушии. 6. О бескорыстии. 7. О честности. 9. О детской любви. 10. О супружеской любви. 11. О целомудрии. Подобный или близкий к этому набор рассуждений мы найдем и в других книгах этого ряда. Резюмирует автор свои рассуждения следующим образом: «Да помогут

собранные нами примеры, предложенные в сем сочинении, произвести над читателем все из того чаемое действие. Тогда прославленные нами добродетели будут для человека удобоисполнительны; а общество, составленное из людей, возможным образом щастливых, спокойно наслаждаться плодами сих доброжелателей. В том и состоит вся цель трудов наших и предмет всех улований» (с. 270).

К мыслям о человеческой добродете ли обращается Ш. Сент-Эвремон, сочинение которого «Три разговора разноправных человек» было издано «Собранием старающимся о переводе иностранных книг» в 1770 г. Следует отметить дух терпимости, которым пронизано сочинение Эвремона. Противопоставляя мнению человека «поврежденного» мнению человека «добродетельного», автор предупреждает против «добродетели излишне строгой» и «гнусного интереса», взыскивает к терпимости и здравому смыслу, ибо человек разновелик и людей совершенных нет. В качестве примера добродетельной жизни и поведения человека в книге использованы анекдоты из жизни Колумба, Франциска I, Тюрення, Диогена, Генриха IV, Альфонса V, Казимира II, Карла Великого, Людовика XII.

Отметим книгу «Китайский мудрец, или наука жить благополучно в обществе». Переведенная с китайского языка на английский, а затем на французский, эта книга пользовалась большим успехом у российского читателя, о чем говорит ее трехкратное издание – в 1773, 1777 и 1785 годах. Французский перевод сделан с сочинения Роберта Додсли «The economy of human life». Высказывается предположение, что граф Честерфилд дополнил книгу переводом 3 статей первой главы книги Ж.Ж. Руссо «Esprit, maximes et principes». В издании 1773 г. на титуле указано – «переведена с приобщением повести, сыскания на Востоке сей книги, и с дополнением рассуждений о Христианском законе, Европейского мудреца». В «Предисловии» к этому изданию переводчика В.Г. Рубана излагается история перевода и, в частности, указано, что мысли мудреца о Христовом законе взяты из книги «L'Esprit de Rousseau» для сходства материи.

Интересные мысли Рубана о значении переводов. Он пишет: «Англия, Франция, Германия и другие державы многия издают книги, разных переводов: и в России их есть уже несколько. Сим образом чис-

Французская литература по вопросам этики в русских переводах (2-я половина XVIII века)

тится и обогащается язык, и узнает одно пред другим превосходство перевода. Одни малосыланные раскольники почитают за непростительный грех, древния книги переводить вновь или новопереведенные читать, не смотря, что старого перевода книги, им совсем невразумительны и непонятны. Удивительно, что новой бумаги и новых чернил, на переписку старых книг они не стыдятся <...>, но не ради их, а для просвещенных светом истинны, издается книга сия» (с. VIII–IX).

Выступление Рубана в защиту перевода свидетельствует, что консервативная часть русского общества препятствовала под разными предлогами переводческой деятельности, которую сам Рубан расценивает, как дело большой просветительской важности.

Содержание рассматриваемого сочинения весьма разнообразно. Книга состоит из семи частей. В первом отделе первой части речь идет «о рассмотрении самого себя, или о должности человека, как нераздельного члена общества». Второй отдел о «смиренном мудрости», третий — о трудолюбии, четвертый — о благородстве, шестой — о твердости и непоколебимости духа, седьмой — о удовольствии, восьмой — о умеренности. Вторая часть именуется «О страстиах» (о надежде и страхе, о радости и печали, о гневе, о жалости, о страстном вожделении любви). В остальных частях автор рассуждает о жене, о браке, об отце и сыне, о братьях, о проведении, о разумном и невеже, о богатом и убогом, о государе и поданных его, о должностях в обществе, о вере.

И вновь, в который раз, мы встречаемся с призывами к умеренности, ибо «довольствоваться малым есть совершенство премудрости» (с. 7). Утверждается вера в Бога, который «есть один — создатель и правитель мира сего, всемогущ, хотя Творец непостижим».

Немало полезных советов могли почерпнуть российские читатели таких книг, как «Руководство к удовлетворению жизни обоего пола людям» (СПб., 1780).

Так, автор «Руководства удовлетворений жизни...» дает следующие советы: внимание, прилежание, благопристойное поведение; скрывай свои несчастья, распознавай свои дарования; лучше повиноваться, нежели повелевать, научайтесь знать самого себя, извиняй пороках ближнего, убегай тщеславия, снискай добро-

желательство, снискивай себе друзей, не досадуй на все, принимай советы и т. п.

Небольшая изящного оформления книжка с золотым обрезом, в маркено-вом переплете «Наука быть учтивым», изданная в Петербурге в 1744 году, наставляла: «учтивость <...> состоит в стыдливости и честности, которая всякий должен наблюдать в своих словах и действиях». Книга издавалась дважды — Обществом, старающимся о напечатании книг и Компанией типографической Н.И. Новикова (1787).

В университетской типографии, у Новикова, была издана книга «Опыт о надобности средствах нравиться» (1787). Книга переведена Я.Д. Тяжеловесным языком. Новикова это произведение могло привлечь своей просветительской направленностью, обращением автора к авторитету Монтеня, Деламбера, Лабрюйера и Лафонтена. Вторая часть книги была посвящена воспитанию детей. В приложении были приведены сказки нравоучительного характера: «Одарения волшебниц или сила воспитания», «Остров вольности», «Предки или личное достоинство», «Путешественницы».

Сходный характер носит «Энциклопедия или Собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материалах, сочиненная по алфавиту...». Книга была переведена Иваном Приклонским (М., 1763). Выдержанная в духе христианского гуманизма, «Энциклопедия...» пестрит ссылками на Монтеня, Лабрюйера, Ларошфуко, Беллегарда, Бэкона, Эпиктета, Сенеки, М. Аврелия и других писателей-моралистов. Об умозрении составителя «Энциклопедии...» (очевидно, и переводчика книги) можно судить по такому, например, определению: «Империя. Основатели Империй или Государств: должны утверждать власть свою больше на любви своего народа и своих воинов, нежели на любви дворянства. Разрушение многих Империй происходило от того, что Государи старались больше о своей пользе, нежели о выгоде своих подданных» (с. 31).

Встречаем мы среди книг по рассматриваемой тематике и сочинения в духе аллегорических нравственных повестей. Такой, к примеру, была книга «Храм моды, или нрав поврежденный истекающего века» (М., 1792), переведенная с анонимного издания «Le temple de la mode» (Lausanne, 1789). Действие повести протекает в вымышленном утопическом царстве. Перемежающаяся историческими экскурсами (на-

И. Е. Баренбаум

пример, судьба Трои), повесть ратует за верность, дружбу между людьми и странами. В благополучных полях, Сеною орошаемых, царит Храм, «коем молва промчала славу до пределов света». Это царство Парасофии – богини Моды, по которому ведут героев книги некий Гений (Панефор), покровительствующий различным странам. За вымышленным царством читателю не трудно было угадать Францию и ее столицу-Париж, Город Моды, любви и страстей человеческих.

Как бы перекликается с «Храмом моды» небольшое сочинение «Критика одного француза на нравы своих одноземцев», издававшаяся в 1769 и 1788 гг. Предлагая лекарство от «болезней» своих соотечественников, автор пишет: «По довольно размыщении... думаю, что необходимо надобно заимствовать у разных народов, из чего бы требуемое лекарство составить. И так соединяю я часть непророчества Англичанина с некоторыми драхмами остроты Италианца, несколько лотов степенности Гишпанца, строгостию Немца, и несколько скрупулей легкости французской. Вот состав, который должен произвести здравый рассудок к нашему излечению...» (с. 31).

Назидательный характер носит книга «Училище благополучия или картина общественных добродетелей, представляющая посредством наставлений путь к достижению щастия» Сига де ла Фона (М.: Типограф. компания, 1768; перевод Павла Малиновского). Написанная в повествовательной форме книга де ла Фона содержит обычный для такого рода сочинений набор назидательных историй о детской и супружеской любви, о благотворительности, о дружеских должностях и прощении обиды и т. п. «Да помогут собранные нами добродетели, предложенные в сем сочинении, — пишет в заключении автор, — произвест над читателем все из того чаемое действие! Тогда прославленные нами добродетели будут для человека удобоисполнительны; а общество, составленное из людей возможным образом счастливых, спокойно насладится плодом сих добродетелей. В том состоит вся цель трудов наших и предмет всех упоманий» (с. 270).

Примыкает к такого рода сочинениям нравоучительная повесть о любви П.Ж.Б. Нугаре «Картина глупостей нынешнего века, или страстей различного возраста» (М.: Унив. типография, у Н. Новикова, 1782; перевод кн. Алексея Голицына).

Значительная часть литературы этого рода адресована юношеству. Свообразную оду старости, обращенную к молодежи, представляет книга аббата Ж. Руа «Друг старых» (Типографическая компания, 1787). Переводчик посвятил книгу своим родителям. В главе первой автор утверждает: «Почтение к старости основано на природе и рассудке». Невинность первых веков отличалась почтением к старшим. С тех пор положение изменилось, «отцы и матери мало почитаемы в городах; зрелище сельских нравов утешительно для престарелых». Далее автор указывает на причины подобного положения. Это «гордость, источник презрения к старости», «презрение к старости», которое «есть источник величайших злополучий». Описывая нравы древних греков, Рима, древних франков и Китая, Ж. Руа видит причины их величия в уважении к старости. По его мысли, «почтение старости должно способствовать миру». Венцом стремлений должно быть желание вечного мира и мудрое отношение к старости — один из залогов к этому. Как видим, проблема «отцов и детей» решается в данном случае в этическом плане, более того, ей придается глобальный характер.

Общий характер носит книга «Руководство к благонравию или правила жизни с присовокуплением относящихся к тому разсуждений, сочинение полезное для юношества» (СПб., 1789). Книга состоит из многочисленных правил. Приведем некоторые из них: «Не мсти никогда, разве благодеянием», «не издевайся никогда над законом», «умей проигрывать и выигрывать не изменяя лица», «не огорчайся обличением твоих погрешностей», «исправляй детские погрешности без суровости», «покоряйся законам и будь добрым гражданином», «готовься непрестанно умереть христианином». Как видим, предлагаемая программа поведения отвечает общим этическим принципам, характерным для Века Просвещения.

Н. Анненским была переведена книга «Лодоик или прекрасные наставления для полезных увеселений юношества» (СПб., 1799). Она была впервые издана в Лондоне на английском и французском языках. В «Предуведомлении» от переводчика читаем: «Нельзя не восхищаться пленительностью его (произведения — И.Б.) простотою и приятностию, которая наипаче старалася я соблости и на нашем языке, не считая впрочем за нужное переменять имен и

Французская литература по вопросам этики в русских переводах (2-я половина XVIII века)

названий в нем встречающихся». Герой повествования Лодоик — мудрый наставник и воспитатель беседует с госпожой Розой и ее детьми — Викторией (10 лет) и Амедеем (7 лет), знакомя их с нормами поведения, моральными принципами, искусством обращения в обществе.

В 1786 году из Типографии Компании типографической вышел «Путеводитель юношества, или Наставления отца к сыну; с приобщением краткого сочинения под заглавием: Чувствительность». Это одно из тогдашних изданий подарочного типа, в изящном формате, страницы книги обрамлены гравированными рамками. В книге три части: 1. Должность человека к Богу. 2. Должность человека к самому себе. 3. Должность человека к себе подобным. «Три вещи, любезный сын, — пишет сочинитель, — должны быть первым предметом твоих размышлений: начало и естество человека, и последний конец его». (с. 5). Любопытно, что эта книга была конфискована в 1787 г. в московских книжных лавках (622 экз.), что было связано с ревизией, проведенной по указанию Екатерины II у Новикова, которому запрещено было (как, впрочем, и другим светским типографиям) печатать книги, к «святости относящихся».

Отличается тонкими наблюдениями, вкусом, тактом, разумными здравыми суждениями и советами небольшая книга «О нравственном воспитании детей. Взято из нравственных наставлений покойного г. Геллерта» (М.: Типограф. компания, 1787).

В 1792 г. были конфискованы отпечатанные в Курске экземпляры книги «Разговор отца с детищем», переведенная штаб-лекарем Гасселькивистом.

Любопытна также книжка под названием «Мысли десятилетнего сочинителя», переведенная лейб-гвардии Преображенского полка фурьером Василием Лисаневичем (СПб., 1776). Примечателен возраст автора, сентенции которого, впрочем, ничем не отличаются от приведенных уже выше. В посвящении сенатору Е.А. Щербинину переводчик пишет: «Перевод сей книги, выбранной по моим летам и понятию от моего учителя, желание имел я приписать моим родителям, яко первый плод моего во французском языке упражнения, и в знак должной за попечение их о моем воспитании благодарности». Но затем юный же переводчик предпочел посвятить свой перевод своему покровителю — Щербинину.

Популярны были сборники нравоучительных правил, назидательных наставле-

ний и поучений. Один подобный называется: «Увеселительные исторические и нравоучительные выписки, выбранные из разных авторов, для употребления юношества, переведенные императорского сухопутного шляхетного корпуса воспитанниками Дмитрием Закревским и князем Сергеем Хованским» (СПб., 1785). Обращение к генерал-поручику, инспектору Шляхетного корпуса графу А.Б. Балману гласило: «Знаем... что ваше намерение есть сделать нас добродетельными и просвещенными чадами; сие то и побудило нас к избранию для перевода сих поучительных повестей, которые краткостью и простотою слога удобны для всякого понятия, чем оне и могут привлечь к чтению воспитанников; а как часто безделками вкус поселяется к важному, то может быть забавностью оных внушиш им вкус к чтению того, что более подает им наставлений».

Сходный характер носят «Нравоучительные разговоры, драммы и сказочки, служащие к просвещению благородного юношества обоего полу; с приобщением некоторой части натуральной истории» (М., 1794), и книга под названием: «Нравоучение, представленное на самом деле или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов, могущих внуширить любовь к добродетели и усовершенствовать молодых людей в искусстве повествования» (М., 1790) «Авторово предуведомление» гласит: «Разум занимаясь долгое время одним предметом притупляется некоторым образом; он лучше поддерживается в разности. Мы не устаем в самом обширнейшем саду, когда находим на каждом шагу различные украшения, различные цветы, различные статуэтки, увеселяющие и научающие». Набор наставлений традиционен для книг подобного рода: о патриотических поступках, о добродетелях и благородстве, о роскоши, храбости и любви, скромности и щастии добродетельного человека.

Среди нравоучительных сочинений встречаем мы и специально посвященные воспитанию девиц. «Опыт о воспитании благородных девиц» — так именно называется сочинение «госпожи***», переведенное Михаилом Семчевским (СПб., 1778). «Сочиняя сей опыт о воспитании, — пишет сочинительница в своем предисловии, — я не имела другого предмета, как только драгайшую мою племянницу, которая будучи еще в самых нежных летах уже много обещает. И так данные мною советы, были со-

И. Е. Баренбаум

веты данныя ея матери, а не кому другому». Автор находится под влиянием педагогических идей Руссо: «Чтение Эмиля и разсуждения мои о пренебреженном воспитании девиц, не смотря на то, что иногда вся наша жизнь от онаго зависит, подали мне случай к сему сочинению».

В сочинении особая глава посвящена чтению (с. 24–32). «Выбор делать в чтении книг, — пишет сочинительница, — есть крайняя важность». Свое предпочтение она отдает истории. Полезным считает автор знание геральдики, мифологии, «для сего давать им (девицам — И.Б.) Овидиевы Превращения, Одиссею, Идиллию и все прочия эпические поэмы» (с. 29). Осторожным должно быть, по мнению автора, чтение романов. Сочинительница пишет: «Я находя в чтении романов великую опасность, не прежде позволила бы молодым девицам их читать, как когда разсудок их придет до такого совершенства, что удобно различить могут справедливое от ложного» (с. 26). Чтению романов предпочтитаются сказки: «Если вы захотите дать ей (дочери — И.Б.) читать единственно для одного увеселения, то я бы предпочла здесь сказки о волшебницах или Арабских наилучшему роману» (с. 27).

Проблема чтения романов часто возникает и дискутируется в переведенных с французского сочинениях. Чаще польза от чтения романов отрицается или подвергается большому сомнению. Автор данной книги придерживается, как мы видим, последнего.

«Не читайте без разбора книг», — советует другой автор «Наставления от отца дочерям», перевод Николая Загоровского. (М.: Унив. типография, у Новикова, 1784).

Придворный паж Павел Пущин перевел небольшое сочинение госпожи Лив Эпинати «Разсуждения нравоучительныя и любопытныя матери с дочерью» (СПб., 1798). Это еще один перевод, сделанный юным переводчиком. «Милостивому государю дедушке» — читаем мы в посвящении генералу М.М. Филозофову.

Последняя книга по этому разделу, которой мы хотели бы коснуться, «Письмо Иоанна Каласа к жене его и детям» А. Блена де Сенмора, переведенная «некоторою украинскою стихотворкою» (СПб., 1787). Хотя книга не содержит прямых нравоучительных наставлений, подобно рассмотренным выше, однако этическое ее воздействие на читателя могло быть и было велико.

Суть события изложена в предисловии сочинителя. «1762 года, — пишет де Сенмор, — старик протестантского вероисповедания, имени Иоанн Калас, почтенный по своим нравам, был обвинен, что будто повесил он двадцати осмилетнего своего сына: полагали, что желание оказываемое сим молодым человеком к отречению от своего закона побудило отца к сему ужасному убийству... Марта 9 дня он был приговорен Тулусским парламентом быть колесованным и потом сожженным».

Таким образом, речь шла об убийстве по религиозным мотивам. Калас решительно отвергал предъявленное ему обвинение, но судья — Сент Давид Тулусский был непреклонен. По словам сочинителя, этот «наиревностнейший гонитель» Каласа и его семьи «умирал с великим беспокойством, вскрикивая несколько раз: „Ах! Любезный Калас, для чего я был причиной твоей смерти!“».

Публикуемое далее письмо Каласа к своим родным написано в стихах, Калас перед лицом жестокой смерти остается верен своим убеждениям, отрицает свою вину и взыскивает к веротерпимости и гуманности:

«Иль тот плачевный век опять настал
когда за веру всяк кровь брату проливал.
В нас страхом поселить хотят свое ученье.
Оставьте, варвары, сие вы заблуждение» [с. 13].

Обращаясь к Богу, Калас восклицает:

«Но есть ли гнать меня Сенату дал Ты власть,
за сына сию вкушаю люту часть,
коль за его вину терплю я наказанье,
то оставляю я малейшее роптанье.
Страдать всем праведным своим Ты предписал:
невинней быв меня, Ты более страдал» [с. 15].

Калас прощается с родными:

«Простите... час уже последний мне грозит:
Подобны бедствии моим увы! Кто знает?
Стучат... свершилось все... Отец ваш умирает! [с. 17].

Трагедия Каласа не могла не взволновать читателей, вызывала к добрым чувствам, милосердию, правосудию. С горечью Калас восклицал:

«Но где же льстивые теперь мои друзья?
Напрасно к ним была горячность вся моя.
В благополучии они мне верны были:
узвев меня в беде из сердца исключили» [с. 11].

Переводчик этого сочинения не указан, но нельзя не обратить внимание на достаточно (для своего времени) искусный перевод, выполненный «некоторою украинской стихотворкою».

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В.А. Щученко

О некоторых актуальных проблемах теории истории культуры

Теоретические проблемы истории, и в том числе истории культуры, не получили в отечественном обществознании того развития, которое они должны были бы получить в эпоху великих сдвигов, кардинальных общественных перемен отечественной истории XX столетия. Большинство научных работ – как специально исторических, так и освещающих процессы исторического развития конкретных областей культуры опираются либо на марксистские положения, либо на позитивистские схемы, либо, наконец, и это бывает чаще всего, – на наивный, описательный подход, на бесхитростный рассказ о событиях, протекающих в историческом пространстве и времени.

Уточним, менее всего хотелось бы усомниться в теоретических завоеваниях позитивизма, гегельянства и тем более марксизма в теоретическом осмыслиении истории. Надо, однако, иметь в виду, что теоретические установки этих направлений сложились в XIX столетии, а на историческом «дворе» – XXI век. И именно XX в. стал периодом кардинальных сдвигов в подходах к истории. Более того, именно в XX столетии тема культуры вошла в историческую науку в качестве наиважнейшей ее составной части.

Если попытаться выразить одним словом содержательную тенденцию свершившегося поворота, то этим словом стало бы слово – *многомерность*. Историческая мысль отказывается от поиска неких магических и раз навсегда данных формул постижения смысла истории, все решительнее настаивает на том, что теоретические измерения, которые используются в ходе научного исследования исторического процесса, столь же многообразны, сколь многообразна, многогранна и изменчива историческая действительность. Очевиден отход от узко понятых «формул прогресса», раз и навсегда данных и все объясняющих законов исторического развития.

Известный философ, автор впервые опубликованного в 1949 году труда «Историки истории и ее цель» К. Ясперс подчеркивал, что рождается новое историческое сознание и новый научный подход к исто-

рии, важнейшими характерными чертами которого он называет «всесторонность, точность исследовательских методов, осмысление бесконечного переплетения каузальных факторов, а затем и объектива-ции в совсем иных, некаузальных категориях, а именно в морфологических структурах, в закономерностях, в идеально-типовых построениях»¹. «Простого изложения событий» сегодня недостаточно; надо идти к «аналитическим методам», к «многомерной понятийности», к использованию «старого метода сравнения» с целью более ясного осознания «тайны единичного и неповторимого»².

Историческое знание, во-первых, стремится к конкретизации, не замыкается на социологических и идеократических моделях, а идет вглубь, к постижению своеобразия исторического генезиса, вариативных исторических состояний – в общем, к объективному анализу прошлого, настоящего и вырастающего из этого настоящего будущего. Завоевания XIX века, согласно которым в истории действуют законы, повторяющиеся, подобные один другому, процессы, ритмы и циклы (что было характерно для просветителей и позитивистов, гегельянцев и марксистов) – разумеется, не отвергаются. Уходит, однако, представление о том, что знание однажды открытых социологических законов, действующих, конечно, и в исторической конкретике, «проявляющихся» в ней, находящихся в коррелятивных связях с историческими фактами, источниками, само по себе способно объяснить часто неожиданные повороты исторических процессов, индивидуализированных, существующих в конкретной органике, а не как случайные, и второстепенные по своему значению «проявления» этих законов. Объективный, не только законосообразный, но и индивидуализированный смысл исторических процессов при таком подходе ускользает, как бы «проваливается», ибо факты, источники, весь многообразный исторический материал снова и снова подтверждает лишь истинность законов, а не специфику конкретного исторического генезиса, не «логику» и «органику» ин-

О некоторых актуальных проблемах теории истории культуры

индивидуального исторического процесса – «логику», поскольку конкретно-исторический, индивидуальный процесс причинно и с необходимостью обусловлен как унаследованным специфическим состоянием, так и особенностями условиями исторического процесса, а «органику», поскольку причинно-следственные и необходимые связи характеризуют именно этот, конкретный исторический организм, относятся лишь к этому историческому индивидуальному, а не ко всем «родственным» по своему генезису историческим индивидуальностям, когда способом обобщения становится общесоциологический закон, а не конкретно-историческая форма или культурно-исторический тип.

Сторонники новых подходов (Г. Рикерт, М. Вебер, К. Ясперс, Р. Дж. Коллингвуд, Э. Трельч и др.)³ видели проблему исторической науки в том, как исследовать саму историческую ткань общественной жизни, становление конкретно-специфических форм этой жизни, причинно-следственные, генетические связи между индивидуальными состояниями конкретных общественных процессов, смену одних исторически конкретных форм другими, а не просто одних всеобщих законов другими, как утверждали Г. Гегель, О. Конт или К. Маркс. Речь не идет, разумеется, об отказе от изучения общесоциологических, общеисторических или даже общечеловеческих законов, которые, конечно, существуют в глубинных слоях исторической действительности. Проблема в том, чтобы определить пути и способы обнаружения индивидуально-самобытных начал, обусловленных органикой данной исторической системы, историческими антецедентами, случайностями, реализацией тех или иных вариантов и альтернатив.

Задачей любой науки, и история здесь не исключение, является объективная реальность, проявляющая себя в конкретной, в том числе и эмпирически данной форме. Однако, если в естественно-научных областях знания господствует количество и математическое счисление, пренебрегающее зачастую индивидуальной формой проявления, то в науках исторических (общественных) важно обнаружить индивидуальный характер исторического формообразования, где качественно своеобразные, ценностно-ориентированные формы не исчезают бесследно, но вступают во все новые и новые культурные синтезы.

Так, было бы нелепо изучать историческое развитие России 90-х годов XX столетия как своеобразную историческую кальку, снятую с процессов «примерного» развития от общества феодального типа к обществу капиталистического, рыночного типа в Западной Европе XVII – XVIII вв. Законы рынка, демократической политической системы, проявляют себя в российском обществе последнего десятилетия XX столетия настолько специфически, что всякое сравнение истории России 90-х годов и классики буржуазного развития Запада при всей методологической значимости такого сравнения все-таки недостаточно для обнаружения «тайны» исторического индивидуального России. Хотя бы потому, что между специфически развивающейся системой царской России и России 90-х годов XX века лежит никогда не существовавшая в предшествующей истории человечества советская эпоха, в рамках которой сложилась своя специфическая экономическая система, свой политический строй и своя культура. Наше сегодняшнее историческое формообразование протекает не на основе первоначального накопления капитала, как на Западе, не на основе парламентской борьбы третьего сословия за свои права, не на гребне религиозных движений (Реформации) и т. д., а на основе исторически обусловленных форм и псевдоморфоз советской эпохи, которые еще и сегодня нуждаются в объективном, а не идеологически пристрастном изучении. Опыт Англии XVII века и Франции конца XVIII века, конечно, пригодится здесь, так же как и опыт развития современного Запада, но надеяться на метод «калькирования», как о том мечтали «завлабы» 90-х годов, не приходится. Здесь и сегодня наше общество снова и снова «натыкается» на свои антецеденты, на свои специфические условия, на свой менталитет и свои культурные традиции. В итоге вдумчивый аналитик приходит к выводу, что в сегодняшней России снова формируется никогда и нигде не существовавшая историческая реальность, на которую повлияют, конечно, глобальные процессы современного мира, но которая явится, вне всякого сомнения, своим «ответом» на вызовы современности, а не будет механически перенесена в российскую действительность извне, тем более, что всякая попытка механического приспособления «чужого» к «своему», к са-

В.А. Щученко

мобытно протекающим органическим процессам оказывается, как правило, опасной, катастрофической или просто карикатурной.

Вторая проблема может быть обозначена как *проблема культурного синтезирования исторических индивидуальных состояний*. И она связана с первой проблемой как проблемой изучения и исторического индивидуального. Индивидуализирующий подход к истории культуры – важнейший ключ к построению методологии историко-культурного исследования. Ведь всякая историческая индивидуальность – это ценностно-значимая форма, обусловленная индивидуальными, текучими процессами деятельности современников (своих и иноземных), а также усвоением и переработкой (синтезированием) духовного, ценностного опыта, накопленного в историческом бытии прошлых индивидуальностей и несущего универсальное, общезначимое, «вечное». История культуры может быть осмыслена как процесс перманентного синтезирования духовного материала, поставляемого историческими индивидуальностями. В индивидуальных, дискретных образованиях культуры формируются неповторимые ценностные миры (исторической эпохи, этноса, социальной группы, личности, отдельного произведения и т. д.), связанные друг с другом отношениями преемственности, наследования, сосуществования своего и чужого – притом таким образом, что каждая новая историческая индивидуальность является синтезом предшествующих или существующих.

Процессы развития – это в сущности своей процессы, в которых осуществляется синтез различных элементов, их соединение в единое целое – «живое», системно организованное, усложненное, конкретизированное. В общественной жизни проявляют себя различные формы синтеза, такие, например, как материально-практический синтез, и человечество тут делает еще первые шаги (ибо аналитическое разъединение природных компонентов в ходе предметной деятельности еще и сегодня, как кажется, преобладает над соединением, синтезом), познавательно-логический синтез, в процессе которого формируются понятия, строятся теоретические обобщения, осуществляется движение от абстрактного к конкретному и, наконец, культурный синтез, «отвечающий» за процессы исторической

преемственности, формирования традиций, диахронических и синхронических взаимосвязей между историческими индивидуальностями.

Культура синтетична по определению. Она не только хранит однажды созданные формы, но и использует эти формы в процессе творческого созидания новых синтезов – в сущности, новых духовно-ценостных форм. Культурные синтезы, если сравнивать их с синтезами в природе и общественной жизни, проявляют себя специфически.

Культурный синтез есть, во-первых, результат процесса исторической конкретизации, процесса, имеющего, с одной стороны, некий исток, некое начало, «оначаленный», а с другой, – уходящий ко всем новым историческим состояниям, синтезам. Существенно важно здесь то, что значимые результаты пройденных исторических этапов удерживаются в культуре в своих индивидуальных синтетических образованиях – притом не только в форме эксплицитно, явно данных источников (памятники культуры, документы и т. д.), но и в форме имплицитной, неявной, ментальной. Явные и неявные формы «осовремениваются» в процессе синтезирования. Культурный синтез, таким образом, историчен и конкретен.

Синтез культуры, во-вторых, аксиологичен и представляет собой результат соединения унаследованного ценностного содержания (ценостной предметности) и оценок, рожденных современностью. Именно в процессе синтезирования осуществляется выбор и последующая «приватизация» чужих ценностных миров – будь то усвоение ценностей прошлого, ионационные заимствования или взаимовлияния, охватывающие разные сферы культуры.

В-третьих, синтез в культуре осуществляется на основе волевых импульсов, исходящих от всех индивидов, всех социальных групп, народа в целом. Причем глубинный смысл рождающихся ценностных синтезов осознается далеко не сразу и далеко не всеми. В культуре исключительно важен момент духовного водительства. Пророки и вожди, писатели и философы усваивают сущность новых синтезов раньше своих рядовых современников, а главное – на основе всестороннего осознания ценностных смыслов, заключенных в этих синтезах, тенденций становления новых

О некоторых актуальных проблемах теории истории культуры

синтезов. Именно выдающиеся носители культуры, наделенные сильной и целеустремленной волей, обеспечивают духовные взлеты, ориентированные на абсолютное, совершенное и возвышенное, другими словами, – духовность синтеза.

В-четвертых, культурный синтез никак не является случайным, агрегатным соединением элементов. Синтезированная целостность системна, представляет собою органическое единство и способна к саморазвитию, изменению форм своего исторического бытования. Важно уточнить здесь, что современность, настоящее всегда формирует новые системно организованные культурные синтезы, сохраняя, удерживая при этом сложившиеся ранее опредмеченные, системно организованные формы культурного синтеза, произведения культуры в широком смысле слова. Там, где отсутствует признак системности, появляются псевдоморфозы, агрегатные состояния, которые быстро и бесследно исчезают из памяти человечества.

Наконец, культурный синтез, в-пятых, складывается на основе определенным образом целенаправленных волевых, аксиологических ориентаций индивидов, социальных групп, носителей духовных устремлений эпох и этносов. Культурный синтез в этом смысле выступает всегда как селективное комбинирование различных составляющих. Одни и те же составляющие, один и тот же «материал» используются многократно, будучи то используемыми, то отбрасываемыми (к примеру, отступления и возвраты мистико-романтических волн). Итак, культурный синтез строится на основе волевого выбора исторических субъектов и всегда селективен.

Культурный синтез был и остается проблемой историко-культурного исследования. Серьезных исследований на эту тему – немного. Из русских мыслителей можно было бы назвать В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского, Г.П. Федотова⁴, а из западных Э. Трельча⁵, специально и всесторонне изучавшего проблематику культурного синтезирования (масштабы и культурный синтез, культурный синтез современности и другие).

Изучение проблем культурного синтезирования особенно актуально в сегодняшней России, где все еще сильна «аналитическая» стихия хаоса. В то же время в

российском обществе есть все предпосылки для формирования полноценных синтезов, свободных от уродливых «сростков», агрегатных образований; в нем зреет понимание необходимости интенсивной синтезирующей деятельности. Свидетельств тому немало. Само ярко проявившее себя стремление к освоению всего многообразия духовных (отечественных и западных, религиозных и светских, досоветских и советских и др.) форм является предвестием нового синтеза. Вырос интерес к культурам разных эпох и разных народов. Налицо – углубляющаяся историзация культуры, знак не только того, что очертания кризисной проблематики обозначились, но и того, что на пороге стоит новый синтез, что рождается новая историческая индивидуальность, новая культура.

Третья проблема, которая вошла в историческую науку XX века и была самым непосредственным образом связана с историко-культурными исследованиями, может быть обозначена как проблема одухотворения исторического процесса. Наряду с событийным планом истории, наряду с освещением экономических и политических процессов (в чем особенно сильно проявился марксизм) в исторических науках утвердилась мысль о том, что историческая, общественная жизнь пронизана сознательной волей, верой, смыслоложинными, ценностными интенциями.

С легкой руки представителей французской Школы «Анналов» история была объявлена «тотальной», «синтетической», включающей в свое содержательное поле не только видимые всем события (событие есть «звонкая новость», по выражению Ф. Броделя), но и невидимые процессы, в том числе и духовные, культурные, ментальные⁶. В историю вошла культура. При том не в качестве некоторого дополнительного, «фактологического» приложения к экономической и политической истории, как это зачастую бывает и сегодня, а в качестве аксиологической составляющей (верования людей, традиции, историческая ментальность и др.), пронизывающей и экономическую жизнь, и политику, и все многообразие социальных процессов.

Иначе решается сегодня и проблема прогресса. Теперь все реже связывают прогресс только с развитием науки и техники, но все чаще говорят о духовных измерениях прогресса, о прерывности и противоречивости исторического прогресса,

В.А. Щученко

об эпохах упадка и эпохах подъема или даже о «катастрофическом прогрессе»⁷. Сколь не разнились бы взгляды пессимистов и оптимистов по поводу возможностям или невозможности прогресса, все они повторяют мысль о том, что прогресс невозможно редуцировать к цивилизационным (научно-техническим) достижениям, что понятие прогресса всегда насыщено ценностными, культурно-историческими смыслами.

Историческое сознание современности не только не отказывается, но, напротив, снова и снова обращается к мыслительным структурам, рожденным христианством. И здесь могли бы быть обозначены самые разные точки такого возврата. Во-первых, прочно утвердились положение о том, что именно с появлением христианства рождается историческое сознание, утверждается историчность европейского миросозерцания. Этому способствовало персоналистическое начало христианства, привнесшего в мир «идею личной бессмертной души», «идею метафизического своеобразия человека», идею Христа, обращавшегося ко всем народам, к каждому «на своем месте, со своим языком и своими дарами»⁸. Историческое сознание тем самым конкретизировалось, индивидуализировалось, освобождалось от идей циклизма с его представлением о рожковой фатальной необходимости и повторяемости. Для вдумчивого аналитика история отнюдь не представляется глобальным, линейным развитием стран и народов, однообразным, но всечеловеческим движением индивидуальными, неповторимыми путями, где есть место хаотической прерывности, скачкам, попятным процессам.

Во-вторых, к христианскому мышлению восходит мысль о том, что предугадать пути и формы конкретного исторического движения невозможно — по крайней мере, относительно отдаленного будущего, не проросшего в настоящем. И уж совсем невозможно предсказать наступление «золотого века», или хотя бы некую всеобщность и неотвратимость прогрессирующей гармонизации общественных отношений. Ибо историческое движение сопряжено со случайностями, альтернативами, неожиданными поворотами. Познаваемы — и притом в относительной, приближенной форме лишь те буду-

щие процессы, которые уже могут быть опознаны в настоящем.

В-третьих, если и можно говорить об обобщающем, генерализирующем видении истории, то только тогда, когда исследователь выходит к метаистории, к обнаружению вечного в настоящем, временном, историческом. По мысли известного русского историка культуры П. М. Бицилли история обретает смысл в той мере, в какой она превращается в «духовную» историю как метаисторию. Историю нельзя мыслить в XX веке, подчеркивает он, в духе Лактанция, как прогрессивное движение к «золотому веку». Ближе к истине был Блаженный Августин, который за внешним фасадом истории Града Земного прозревал метаисторию Града Божьего. История в XX веке, пишет историк, «стала строже, трезвее, глубже, тоньше, свободнее, чем была в XIX веке». В то же время именно в XX веке убедительно подтвердился духовный опыт христианского святого Блаженного Августина, не верившего в пришествие «златого века», свободного от иллюзии и утопий. Ведь, именно в XX веке «массы, охваченные различными видами энтузиазма, готового в любой момент переродиться в панику, превращающую людское общество в стадо, рвутся к интегральному осуществлению всякого рода благ; когда они уже чувствуют себя на пороге „золотого века“ и грозят истребить всех, кто только может быть заподозрен в попытке встать им поперек дороги»⁹. Если и есть смысл исторического бытия, то он не в индивидуальных ходах истории, не в ее причудливых поворотах и неожиданных переворотах, а в обнаружении постоянно действующих в своем чередовании метаисторических духовных тенденций («тяги к бесконечному и способности переживания вечности», отстаивании «начала свободы и начала порядка» и др.). Но это лишь один план метаистории. Но есть и другой духовный план метаистории. В чеканных словах П.М. Бицилли смысл этого духовного плана характеризуется следующим образом: «метаистория не только область ведения, но и особый план бытия, в котором живут воплощенные в их сознаниях и тем для нас бессмертные души тех людей, которых мы, быть может, никогда не видели, которые могут быть отделены от нас тысячелетиями, но без которых мы самих себя, раз соприкоснувшись с ними, представить уже не в силах; которые в этом

О некоторых актуальных проблемах теории истории культуры

смысле для нас реальнее иных из наших современников и сограждан, может быть, – нас самих»¹⁰.

История тем самым мыслится в том числе и как история культуры, как история рождающихся и сохраняющихся в памяти человечества специфических культурных форм, индивидуальных ценностных миров. История культуры говорит о непререкаемой ценности любой значимой индивидуальной самобытной формы и тем самым как бы вбирает в себя релятивистскую, «постмодернистскую» установку. Но та же история культуры, осмысленная в метаисторическом ключе – в аспекте Высшего, Вечного и Совершенного – предостерегает против релятивизации многоликой историко-культурной действительности, обнаруживая в самой истории великих духовных подвигов пути избавления от всякого релятивизма и субъективизма в мире ценностей и оценок. Идея иерархии, «лестницы» духовных ценностей оказывается в сегодняшнем историческом знании столь же востребованной как два с половиной тысячелетия назад, в эпоху становления христианства.

Сосредоточенность историков культуры на проявлениях метаисторического характера (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, упомянутые ранее П.М. Бицилли, Э. Трельч, К. Ясперс и многие другие) – это лишь одна сторона кардинальных перемен в подходах к истории, вообще, и к историко-культурному процессу, в особенности. Ибо если и верно то, что в орбиту историко-культурного процесса попадают в первую очередь выдающиеся, «вечные» творения культуры, ее, так сказать, «представляющие», «выразительные» образцы, то не менее верно и то, что объектное поле историко-культурного исследования не может быть редуцировано к выдающимся творениям духа, в которых, как уже говорилось, откристаллизовалось «вечное во времени» как напряженное стремление духа от несовершенного и поврежденного тяжелым грузом земного к совершенному и высокому, находящемуся у границ трансцендентного. В современной теории и истории культуры вполне утвердилась мысль, что *надо изучать также и те ценностные миры, которые лишь в слабой степени принадлежат миру высших ценностей, но в сильной степени зависят от проявлений земных, витальных, цивилизационных*. Вырисовывается, таким образом, еще

одно, четвертое проблемное поле историко-культурных исследований. Проблема заключается здесь в том, что для культуры в равной степени опасны как отождествление с трансценденцией, растворение первой во второй (ибо культура не может быть сведена к трансценденции и культуре, но выступает как духовное, содержащее в себе момент трансценденции, хотя и являющее себя всегда в имманентном, телесном, феноменальном воплощении), так и имманентизация культуры в духе, например, марксистского, атеистического по характеру учения, содержавшего, впрочем, и некий парарелигиозныйrudiment, восходящий отчасти к гностицизму и средневековым иоахимитам¹¹. В культурном творчестве как раз и встречаются трансцендентные и имманентные начала бытия и все культурное поле есть место этой встречи, точнее, противоборства, за дающего ценностное напряжение как живой источник все новых и новых культурных форм.

Вот почему история культуры не может быть редуцирована к освоению памятников религии, искусства и нравственности мирового значения, выдающихся творческих достижений религиозных водителей, писателей, художников и мыслителей, но включает все без исключения культурно-исторические артефакты, т. е. как выдающиеся «представляющие образцы» культуры, так и культуру повседневности.

Понятен в этой связи интерес историков и историков культуры XX века к концепции так называемой «тотальной», «синтетической» истории культуры, создатели которой (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, П. Ренувен, Ж. Ле Гофф и др.) видели в ней не только «событийную», «предметную» сторону культуры, но и ее процессуальный план, не только культуру выдающихся образцов, но и повседневную культуру, не только культуру духовной элиты, но и культуру народных масс. Названные представители Школы «Синтезов» или иначе – Школы «Анналов» взывали к проблемному охвату всех сторон жизни общества, где наряду с профессиональными историками работали бы экономисты, социологи, географы, антропологи, демографы, а также те, кто на последнем этапе развития Школы обратился к изучению «истории ментальностей». «Концепция тотальной истории, – писал Ж. Ле Гофф, – включает в себя не только то, что другие

В.А. Щученко

традиции мысли именуют культурой или цивилизацией, — она подразумевает также и материальную культуру — технику, экономику, повседневную жизнь (ибо люди в процессе истории строят жилища, питаются, одеваются и вообще функционируют), равно как и интеллектуальную и художественную культуру...»¹²

«Тотальный», «синтетический» подход к культуре ярко проявился в связи с теоретическим и практически-историческим анализом проблемы менталитета, а в историко-культурной науке — истории ментальностей.

Где, когда и почему всплывает проблема менталитета? Какими были те исторические и теоретические запросы, на которые должны были ответить исследователи менталитета и истории ментальностей в разные исторические эпохи и у разных народов. Лингвистические корни термина «менталитет» («ментальность») — в латинском языке. В XIV веке оно пришло из английского языка во французский и уже изначально выражало коллективную окраску психики, народный способ мыслить и чувствовать. В XVIII веке его использует Ф. Вольтер в своем эссе «О духах и правах нации», употребляя это слово в аффективном смысле. На грани XIX — XX вв. термин получает устойчивую психологическую окраску и употребляется при изучении психологии первобытного общества, детской психологии и психологии маргинальных групп¹³.

В историографию термин вошел благодаря трудам французской Школы «Анналов» (Г. Бутуль, Ж. Дюби, А. Дюпрон, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф и др.). По общему мнению западных исследователей менталитет — это понятие, которое призвано вскрыть некую неочевидную, не всегда отрефлексированную духовную реальность, модель, которая стоит между людьми и миром и выступает как некая априорная форма, как невидимая линза, находящаяся между человеком (социальной группой) и реальностью¹⁴. В истории культуры можно обнаружить не только вполне явные идеи и образы, данные в творениях, произведениях, памятниках, но и не вполне явные, «недовоплощенные» следы, проявлявшие себя в повседневном поведении в психологических установках, в особенностях восприятия, в подсознательных предрассудках — притом комплексно, системно, органически, специфически,

индивидуально для каждой исторической эпохи, национальной культуры или социальной группы.

Ментальные исследования существенно расширили поле исторического анализа — от индивидуального к коллективному, от события как «звонкой новости» к времени большой протяженности, от исторически исключительного и выразительного к повседневности, от сознательного к бессознательному и подсознательному (архетипическому), от обобщающего номотетического анализа к анализу идиографическому, полицентричному и типологическому.

Следует подчеркнуть также, что исследования в духе истории ментальностей активизировали междисциплинарные подходы к анализу исторической действительности. Изучение истории культуры как истории идейного и образного материала, данного в произведениях и памятниках культуры, не может сегодня считаться самодостаточным. Точно так же не может удовлетворить сегодня и марксистский подход с его зачастую рискованными и натянутыми переходами, «прыжками» от экономической действительности к «идеям», от материи к сознанию, от общественного бытия к общественному сознанию. Сегодня важно изучать, каким образом многообразное духовное содержание (включаю сюда и неосознаваемые и подсознательные структуры) вплетено в предметную деятельность, в поведение. Другими словами, надо изучать «пограничные сферы», а здесь, как это блестяще показали представители Школы «Анналов», историк культуры должен быть и социологом культуры, и психологом, и религиоведом, и экологом, и демографом. Ибо история культуры питается не только унаследованным идейно-образным материалом, но и теми невидимыми импульсами, которые выражают себя в стереотипах поведения, в повседневной деятельности, в коллективных формах психологии, в генетических структурах психики, в мистических озарениях веры и многом другом.

Известный российский теоретик и историк культуры, много сделавший и для изучения теории ментальностей, А.Я. Гуревич подчеркивал, что ментальные подходы обеспечивают углубленное понимание принципа историзма, в частности, в той его части, где историк встречается с необходимостью учитывать встречу двух

О некоторых актуальных проблемах теории истории культуры

разных точек зрения – точки зрения современного историка, изучающего материал на основе своих научных (и добавим со своей стороны – ценностных) представлений и точки зрения людей прошлого, обусловленного картиной мира этих людей. В итоге рождается новое видение истории – «стереоскопичное», а тем самым и более правдивое и исторически верное. Тем самым, заключает он, достигается также и синтез истории общества и истории культуры. Становится очевидной историзирующая функция культуры, которая понимается теперь «не „музейно“, в качестве собрания достижений человеческого духа, но как обнаружение социальной сущности человека»¹⁵.

Таковы, скажем в заключение, некоторые актуальные проблемы и перспективы теории истории культуры. Теоретическое исследование этих и других проблем несомненно будет способствовать избавлению историко-культурных штудий (особенно в их массовом проявлении) от нарратива, поверхностной описательности (нередкой, мягко говоря, в историко-культурных исследованиях), эстетизирующего отношения к прошлому (что приемлемо в исторических романах, но не в научной литературе), от субъективизма и наивной веры в возможность «окончательного» постижения законов истории.

Примечания

¹ **Ясперс К.** Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С. 271–272.

² Там же. – С. 272.

³ См. об этом: **Риккер Г.** Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания // Риккер Г. Философия жизни. – Киев, 1998; **Вебер М.** Критические исследования в области наук о культуре // Культурология. XX век: Антология. – М., 1995; **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. – М., 1994; **Коллингвуд Р. Дж.** Идея истории. Автобиография. – М., 1980; **Трельч Э.** Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. – М., 1994.

⁴ **Соловьев В.С.** Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1988. – С. 315–318; **Соловьев В.С.** Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1988. – С. 122; **Федоров Н.Ф.** Супраморализм, или Всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Соч. – М., 1982. – С. 473–489, 496–497; **Флоровский Г.В.** Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – С. 1, 500–511,

520; **Зеньковский В.В.** Русские мыслители и Европа // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. – М., 1997. – С. 624; **Федотов Г.П.** Проблемы будущей России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избр. ст. по философии рус. истории и культуры. В 2 т. Т. 1. – СПб., 1991. – С. 265–269.

⁵ **Трельч Э.** Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. – М., 1994. – С. 142–143, 168–170 и др. Подробнее см.: **Щученко В.А.** Культурный синтез как проблема современной России // Культурный синтез России: Материалы четвертых чтений ф-та истории рус. культуры. 25 дек. 1995. – СПб., 1998; **Щученко В.А.** Вечное настоящее культуры. Теоретические проблемы историко-культурного процесса. – СПб., 2001.

⁶ См. например: **Бродель Ф.** История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. – М., 1977. – С. 118–129.

⁷ **Эрн В.Ф.** Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. – М., 1991. – С. 198–219.

⁸ **Ильин И.А.** О русском национализме // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2 т. Т. 1. – М., 1992. – С. 281–282.

⁹ **Бицилли П.М.** Кризис истории // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. – М., 2000. – С. 493.

¹⁰ Там же. – С. 494.

¹¹ **Бицилли П.М.** Элементы средневековой культуры. – СПб., 1995. – С. 198–201.

¹² **Ле Гофф Ж.** Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 6. О Школе «Анналов» существует огромная литература, в том числе и на русском языке. См., например, монографию Гуревича «Исторический Синтез и Школа „Анналов“» (М., 1993), в которой дан обстоятельный анализ становления и основного идеиного фонда Школы. См. также: Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской Школы «Анналов». – М., 1993.

¹³ **Ходонов А.С.** История ментальности в современной французской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. – Томск, 1994. – С. 139–140.

¹⁴ **Пушкирев Л.Н.** Введение // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв. – М., 1996. – С. 3–6.

¹⁵ **Гуревич А.Я.** Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989. – С. 88.

В.П. Грицкевич

Формы передачи исторических знаний в музееведческой и экскурсоведческой практике

В своей систематизационной, аналитической и презентационной практике музееведы и экскурсоведы постоянно используют предметы музейного значения, памятники истории и культуры, отображающие развитие человеческого общества (то есть исторические источники). В ходе своей работы музеевед, экскурсовед и специалист охраны памятников располагает и эти материальные объекты, и те объекты, которые отображают процессы, происходящие в природе (то есть природные источники), в хронологическом и эволюционном порядках. В этих случаях речь идет о проведении процедуры исторической научной реконструкции на различных этапах музееведческой, выставочной и экскурсоведческой практики.

Очевидно, что для этой цели специалистам следует знать, как выработать оптимальные модели распространения рациональных исторических знаний в ходе своей профессиональной деятельности.

Специфика музеев, экскурсионных организаций и учреждений по охране памятников как институционализированных феноменов культуры побуждает нас рассматривать реконструкцию исторического прошлого в ходе их деятельности не только с методологической или историографической точки зрения, сколько с культурологической точки зрения.

Приходится учитывать, что посетитель музея и экскурсант ко времени посещения музея или экскурсии располагает определенными знаниями истории. Эти знания получены ими и организованным путем (при посредстве специальных учреждений и организаций, в том числе при посредстве школы, лектория), и иными способами передачи.

В результате этого у посетителей музеев и экскурсантов уже сформировались определенные представления о прошлом, которые не всегда совпадают с научными взглядами на него.

Например, посетитель музея и экскурсант может выразить сомнение в оценке музееведом или экскурсоведом датировки определенных древних или средневе-

ковых событий, сославшись на так называемую «новую хронологию» А.Т.Фоменкол и Г.В.Носовского. И тогда людям, далеким от исторических исследований, необходимо будет доступно объяснить, почему мы уверены, в том, что определенная вещь относится к такой-то эпохе, как именно проверяются наши исходные предпосылки. При этом важно обращать внимание на то, что каждый факт в истории включается во множество пересекающихся внутренних последовательностей, а это позволяет осуществлять проверку. Подобные объяснения интересно подкреплять рассказами о мистификациях, а также о том, как их удалось разоблачить.

Обычно неспециалисты совершенно не представляют себе те гигантские объемы всевозможной информации, которые известны современным историкам. Так, мало кто из числа неспециалистов знает, что сохранились сотни тысяч клинописных табличек, что хранилища многих музеев буквально переполнены собранными предметами, и что историки имеют дело не с отдельными, изолированными фактами, которые можно истолковывать произвольным образом (как это делают творцы «новой хронологии»), а с совокупностями фактов, что позволяет проверить каждую гипотезу множеством различных способов. Тем самым, знакомя посетителей музеев или экскурсантов с проблемами исторических исследований, вовлекая их в решение этих проблем, можно надеяться на развитие у них критического мышления, умения анализировать факты и гипотезы¹.

Вопросы о том, как формулируются, бытуют и в каких формах существуют представления о прошлом среди непрофессионалов-историков ранее в сферу интересов историков не входили. Между тем, для музееведов и экскурсоводов эти вопросы представляют определенный интерес.

Для того, чтобы уметь рационально передавать посетителям музеев и экскурсантам научные знания о прошлом и понять почему среди них бытуют нередко нерациональные знания прошлого и представления о нем, у музееведа и экскурсоведа

Формы передачи исторических знаний в музееведческой и экскурсоведческой практике

должны быть, по нашему мнению, систематизированные представления о характере исторической реконструкции, о том месте, которое эта реконструкция занимает в культуре, механизмах общественного восприятия исторических знаний и сложностях процесса формирования исторического сознания общества. Ему необходимо представлять себе особенности оптимального отобранного количества исторической информации для передачи ее смысла посетителю музея и экскурсанту.

Сказанное выше побудило нас подготовить курс лекций «Формы и способы реконструкции, передачи и бытования исторических знаний и представлений в музееведческой и экскурсоведческой практике» и читать его с 1995 года студентам специальности «Музееведение и экскурсоведение» Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

В курсе рассмотрены способы передачи и восприятия исторической информации в обществе: исследовались формы исторической реконструкции научного, «околонаучного» и ненаучного характера и были представлены соображения о дидактической ценности передачи и восприятия исторической информации, заложенной в предметах музейного значения и памятниках истории и культуры.

Следует подчеркнуть, что по нашему мнению объект исследуемой отрасли знаний во многом, но далеко не во всем совпадает с объектом некоторых отраслей исторических знаний (например, изучаемые при реконструкции прошлого воспоминания и дневники, устная история изучаются в источниковедении, исторические исследования, историческая публицистика, популярная и учебная литература, равно как и историография изучаются в истории исторической науки, историческая художественная литература изучается в литературоведении).

Принципиально иное: предмет источниковедения, предмет истории исторической науки и предмет литературоведения отличаются от предмета исследования рассматриваемой нами отрасли гуманитарных знаний: в него входит рассмотрение и перечисленных источников и исследований с культурологической точки зрения, а не с историографической, или источниковой, или литературовед-

ческой, и рассмотрение других явлений, которые далеко не всегда имеют непосредственное отношение к историографии, источниковедению и литературоведению.

Цели и задачи рассматриваемой нами в учебном курсе отрасли знаний заметно отличаются от целей и задач источниковедения, историографии и литературоведения. И здесь снова приходится подчеркнуть культурологический аспект рассматриваемых нами в курсе явлений.

Возникает вопрос, как охарактеризовать рассматриваемую в учебном курсе отрасль знаний, которой определенно присущи специфические черты. Е. Матерницкий дает этой отрасли знаний характеристику ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, под которой понимает комплекс исторических ценностей и моделей поведения той или иной социальной группы в определенный временной период². В это понятие, по мнению Е. Матерницкого, входят также находящиеся в социальном обращении сообщения о прошлом, которые зафиксированы в виде исторических источников, а в их числе и предметов музейного значения и памятников истории и культуры. В более широком смысле Е. Матерницкий понимает под исторической культурой понятие, включающее в себя все отрасли и течения исторического мышления².

По аналогии с понятием «политической культуры», предложенным Э. Я. Баталовым³, можно также охарактеризовать историческую культуру как систему репрезентативных («образцовых») убеждений, представлений, установок сознания и моделей («образцов») поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования социальных институтов и образуемой ими системы, определяющих основные направления и формы непосредственных взглядов этих индивидов и групп на историческое прошлое.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением того, как в учебном курсе охарактеризованы объект и предмет исследования, каковы мотивы интереса индивидов и групп к прошлому, каковы формы передачи информации о прошлом, какое значение они имеют для работы музея и экскурсоведа.

В отличие от традиционной историографии мы попытались рассмотреть историческую культуру как социально-истори-

В.П. Грицкевич

ческую форму жизнедеятельности человека с точки зрения ее строения, причем не только в ее научной форме, но и в формах «околонаучной», «паранаучной» и вненаучной, и преимущественно ее бытования в обществе в виде жизненных установок, типов и форм ориентации. Историческая культура, по нашему представлению является сущностно-нормативной системой отношений к прошлому, которая разделяется различными социальными группами и отдельными индивидами. Исторической культурой является также совокупность индивидуальных и групповых позиций и ориентаций участников данной системы, субъективная сфера, лежащая в основе понимания исторических событий и придавания им соответствующего значения, особенности восприятия обществом и индивидами исторического прошлого, которому они в своем сознании придают специфические формы. Можно также охарактеризовать историческую культуру как исторический опыт, память социальных общностей и отдельных людей, их навыки и ориентации, влияющие на восприятие исторического прошлого.

С одной стороны, рассматриваемая таким образом историческая культура является особой частью (подсистемой) общей культуры данного общества, хотя и обладающей определенной автономией. С другой стороны, она связана с конкретными историческими сведениями и представлениями, бытующими внутри определенного общества (хотя сводить их к этому явно недостаточно).

У исторической культуры есть различные уровни: познавательная ориентация, охватывающая знания о прошлом, эмоциональная ориентация, отражающая чувства по отношению к историческим знаниям, оценочная ориентация, которая выражает личное отношение члена общества к историческому прошлому, его персонажа и их деятельности.

Отдельные элементы исторической культуры привлекали внимание отечественных исследователей⁴, однако обобщающих работ, посвященных общему понятию исторической культуры и подавляющему большинству ее элементов, в отечественной литературе нам найти не удалось.

Понимаемая в вышесказанном смысле историческая культура, по нашим пред-

ставлениям, основывается на интересе общества к истории, на понимании непрерывности исторического процесса или динаминости, на понимании органической связи между всеми областями жизни человечества (глобальности), осмыслиении живой связи между каждой личностью и конкретной исторической действительностью, осознанным стремлением к познанию закономерностей исторического процесса (номотетичности, от греческого «номос» – закон).

Ценности как элемент исторической культуры – это те черты исторического мышления, которые приняты в данной общественной группе (например, уважение к исторической правде, видение социальной действительности как способной к переменам, критицизм, оценка особых форм исторической передачи, предпочтение одних форм подобной передачи другим и т. д.).

Второй элемент исторической культуры – это модели или образцы поведения. Они представляют собой умения и знания, навыки, которые связаны с познаванием и практическим использованием исторических знаний. В данном случае речь идет о рациональном и эмоциональном видении исторических явлений, способах их выяснения, выявления реликтов прошлого в современной жизни. В сегодняшнем обществе к чертам модели поведения, примеров подражания как элементов исторической культуры относятся: непредвзятое отношение к прошлому, уважение к фактам (даже если некоторые из них противоречат нашим представлениям о прошлом), объективные отношения к персонажам прошлого, событиям, учреждениям прошлого, сдержанность формулировок оценок, ориентация на понимание и выяснение исторической действительности, теоретическое осмысливание прошлого, рациональное отношение к прошлому, умеренно контролируемый скептицизм.

Наконец, третьим элементом исторической культуры можно считать закрепленные в материальном виде или только в памяти текущих событий, сбор и сохранение исторических источников, охрана памятников, проведение исторических исследований, распространение исторических знаний, культтивирование национальных, семейных, профессиональных и других групповых традиций. Историческая культура

Формы передачи исторических знаний в музееведческой и экскурсоведческой практике

тура выражается в политических выступлениях, в топонимах, антропонимах, в законодательстве. Она распространяется в музеях, библиотеках, архивах, памятниках культуры и истории, в учебных заведениях, в государственных учреждениях, в вооруженных силах, в издательствах, в средствах массовой информации, в семье.

В учебном курсе дается характеристика научной истории как такого повествования о прошлом человечества, которое отличается относительной достоверностью, хронологической упорядоченностью, внутренней организованностью, размещением в историческом контексте, имеет не-посредственное или опосредованное отношение к исторической деятельности. Не соответствующее хотя бы одному из этих требований повествование о прошлом можно с большой вероятностью отнести к «околоистории» или «параистории». Примером этому могут служить мифы, утопии, большая часть исторической художественной литературы.

В своей практической деятельности музееведу и экскурсоведу приходится учить различные мотивы проявления интереса к истории у представителей различных контингентов посетителей музеев и выставок и экскурсантов, в том числе у специалистов различных профилей. Среди этих мотивов Е. Матерницкий выделяет познавательные, практические и более специализированные⁵.

Среди познавательных мотивов различаются следующие:

- теоретические, которые выражаются в стремлении философов, юристов, экономистов, этнологов, социологов использовать истинное знание о прошлом для широкого осмыслиения феномена человека, общественной жизни, права, государства, хозяйства, культуры;

- сугубо исторические, в которых проявляются сугубо познавательные со стороны историка цели изучения прошлого как самостоятельной ценности;

- генетические, которые позволяют выяснить происхождение существующих в данное время политических, социальных, юридических, культурных учреждений, институтов, явлений и отношений:

В число практических мотивов интереса к истории входят мотивы:

- технологические, при которых люди исходят из уверенности в повторяемости

сходных исторических ситуаций, а также из того, что знание истории может быть пригодным при решении отдельных конкретных задач общественной, политической, правовой, культурной жизни;

- культурологические, позволяющие выявить и ввести в оборот общества ценности надвременного характера (скажем, письменные источники из прошлого, ста-ринные музыкальные ноты и т. д.);

- идеологические, целью которых является подтверждение принятых определенной группой общества ценностей (например, таких, как нация, государство, религия, класс, общественное устройство, свобода, демократия, права человека и т. д.);

Этим мотивам близки следующие мотивы:

- чисто пропагандистские, согласно которым история используется для достижения непосредственного политического эффекта или для постепенного убеждения потребителя исторических знаний в справедливости идеологии данного социального движения;

- и дидактические, согласно которым истории обучаются и обучаются. Ими руководствуются в своей плановой и спонтанной деятельности учреждения образования, средства массовой информации, семья, армия, массовые, в том числе религиозные, организации при формировании исторического сознания и культуры общения людей различных возрастов.

Более специализированными мотивами можно считать мотивы:

- антропологические, когда обращаются к опыту истории, чтобы выяснить проблемы человеческого существования, познать природу и скрытые мотивы поведения человека, мир его ценностей;

- личностные (развлекательные), когда потребитель исторических знаний стремится отключиться от обыденной повседневной действительности и мысленно перенестись в мир интересных событий, прошлого, которые стимулируют его воображение;

- компенсационные – в поисках лучшего мира, утопии; и

- художественные мотивы, которым руководствуются люди мира искусства и литературы. Они находят при этом в прошлом ценные материалы для художествен-

В.П. Грицкевич

ных воплощений человеческих чувств и отражения жизни.

В музейной и экскурсионной практике приходится сталкиваться с тем, что посетители музеев и выставок и участники экскурсий достаточно часто мотивируют свой интерес к музейным предметам и памятникам культуры и истории специализированными мотивами (в первую очередь, личностными и антропологическими), а также практическими мотивами (в первую очередь, технологическими). Органы власти оказывают влияние на музейные экспозиции, выставки, маршруты экскурсий, чаще всего, исходя из пропагандистских и идеологических мотивов.

Приходится сталкиваться с необходимостью учета специфики различных форм реконструкции явлений прошлого в целях их использования в ходе работы в музее и в процессе экскурсии. В состав таких форм входят:

- историография, фиксирующая результаты научных исторических исследований;
- историческая публицистика – метафорический способ рассказа о современности в освещении опыта прошлого;
- историческая научно-популярная литература, трансформирующая передачу исторических знаний в редуцированном (упрощенном) виде;
- историческая учебная литература, приспособливающая содержание научных исторических изысканий к познавательным возможностям детей, подростков, молодежи, подчеркивающая идеально-воспитательные цели и насыщенная оценочными суждениями об исторических явлениях и персонажах, широко применяющая факты-символы;
- историческая художественная литература, отличающаяся конкретностью, образностью, изложением событий прошлого с привлечением вымышленных персонажей и событий;
- воспоминания – описания событий через восприятие их создателей – участников или очевидцев событий;
- устная история – спонтанно возникающая, антиэлитарная форма представления о прошлом, противостоящая официально излагаемой версии истории;

Среди познавательных форм исторической реконструкции наиболее ценной с познавательной точки зрения представля-

ется историография. Эта научная дисциплина изучает научно-познавательную сторону исторической науки, развитие взглядов историков на предмет, задачи и исследовательские воззрения истории, рассматривает взаимные отношения между историей и другими науками, а также процесс совершенствования исследовательских процедур историка, эволюцию понятий и форм исторического повествования и описания.

Конкретная историография является одной из наиболее разработанных методологиями истории дисциплин. С культурологической точки зрения, разработанной в меньшей степени, научным историческим исследованиям присущи приоритет познавательных целей, ориентация на объективную трактовку событий прошлого и выполнение требований исследовательской методики. Терминология историографии специфична и усложняется по мере привлечения к ее изучению материалов других гуманитарных, а также точных наук. В функции научных исторических исследований входит фиксация результатов научных исследований, передача их специалистам и в своей, и в других областях гуманитарных знаний, а также предоставление результатов исследований педагогам, популяризаторам и любителям истории.

К историографии близка историческая публицистика – метафорический способ повествования с помощью исторических образов о событиях современности. Историческая публицистика отличается от исторической науки своими целями. Эти цели заключаются в выражении и формировании общественного мнения, в особенности в отношении важных политических проблем. Представления исторической публицистики о прошлом складываются согласно априорно принятым автором публицистического произведения положениям.

Для исторической публицистики, в отличие от исторической науки, типичны следующие черты: приоритет практических задач, развития «актуализации» событий прошлого, пренебрежение требования и историографической исследовательской методики, односторонний подбор фактов, придание им символического характера, злоупотребление аналогиями, модернизация явлений прошлого, насыщение изло-

Формы передачи исторических знаний в музееведческой и экскурсоведческой практике

жения эмоциональным и элементами, смесь суждений, трактовка гипотез в качестве доказанных утверждений.

Музееведу и экскурсоведу (равно как и в подобных случаях школьному педагогу и преподавателю высшей школы) в своей практике приходится оценивать и истолковывать произведения не только историографии и исторической публицистики, но также и научно-популярной и учебной исторической литературы.

Посетители музеев и экскурсанты обычно приходят в музей и на экскурсию «заряженными» историческими представлениями, подготовленными к восприятию музейных предметов и памятников культуры и истории чтением научно-популярной литературы. У них есть свои представления о прошлом в результате восприятия исторических фактов, изложенных в доступной и привлекательной форме, что характерно для подобной формы исторической трансляции. Однако популяризацию должны характеризовать те же черты, что и научную историческую литературу, а именно: объективизм, точность и добросовестность. «Популяризированная правда» должна быть упрощенной, приспособленной к возможностям восприятия неспециалистов. Научно-популярным можно считать такой вид литературы, главной целью которого является распространение сведений о достижениях исторической науки среди непрофессионалов, а также (что встречается весьма редко) повествование о научных методах, которыми пользуются историки для получения результатов своих исследований⁶.

Учитывая знакомство посетителей музеев и экскурсантов с научно-популярной исторической литературой, музеевед и экскурсовед должны разъяснить им, что в научно-популярных исторических сочинениях, с которыми те знакомы или ознакомятся при пополнении знаний о музейных предметах и памятниках истории и культуры, является обоснованным суждением, базирующимся на изучении источников, а что представляет только гипотезу.

При привлечении научно-популярных исторических сочинений к подготовке экскурсий и при рекомендациях их посетителям музеев и выставок и экскурсантам следует учитывать большую доступность такого вида работ по сравнению с историографическими сочинениями, но при

этом учитывать степень добросовестности их авторов. Такая добросовестность авторов научно-популярных работ основана на следующем: авторы таких сочинений должны представлять читателям исключительно то, что получено в результате научных изысканий, не вправе допускать литературный вымысел и публицистические формы субъективизма и тенденциозности.

Привлекательность научно-популярного издания зависит и от общественной потребности в той или иной тематике, и от способа изложения темы, и от формы изложения. Решающее значение имеет характер изложения темы, язык, которым написана такая работа, исключается беллетризация произведения и авторский вымысел, характерные для художественной исторической литературы.

Научно-популярная историческая литература при соответствии указанным особенностям является серьезной помостью музееведу и экскурсоведу в процессе привития посетителям музеев и экскурсантам научной исторической культуры и рационального исторического сознания.

Еще один вид исторической трансляции, с которой сталкиваются в своей деятельности музееведы и экскурсоведы, – учебная историческая литература⁷. Она, в отличие от научно-популярной литературы, придает многим фактам, временами второстепенным, большое символическое значение. Эти факты в учебной литературе описываются весьма подробно.

Достаточно только упомянуть часто повторяемые в учебной литературе отдельные эпизоды истории Петербурга, Бородинской битвы, обороны Севастополя, защиты Сталинграда и т. д.

При использовании учебной (дидактической) литературы при подготовке музееведа и экскурсоведа к экскурсии следует учитывать, что оперирование символами, присущее учебным пособиям и учебником, приносит, естественно, определенную дидактическую пользу (главным образом, воспитательного характера). Оно при этом создает серьезную преграду на пути рационального постижения исторического процесса. В дидактической литературе, оперирующей символами, часто нарушается структура исторической действительности, а пропорции событий и явлений, фактов и процессов, а также точ-

В.П. Грицкевич

ки зрения на них подвергаются заметному искажению⁸.

Учебную (дидактическую) историческую литературу характеризует предпочтение дидактических целей, преимущественно идеально-воспитательной природы, приспособление содержания к познавательным возможностям ее читателей, насыщение исторического описания ценностями суждениями, перемещение акцента на эмоциональную сторону исторического повествования с рациональной, явное или скрытое морализаторство, широкое использование фактов-символов.

Одним из наиболее значительных феноменов исторической культуры сегодня является историческая художественная литература (равно как и исторические художественные радиопередачи, театральные постановки, кино – и телепередачи, в основе которых всегда находятся литературные сценарии).

Она оказывает немалое влияние на потребителя исторических знаний, приходящего в музей или принимающего участие в экскурсии.

Если раньше основным показателем такого рода литературы считали литературный вымысел и смещение хронологии событий, то в XX веке широкое распространение получила «литература факта», которая на основе исторического описания принимает форму репортажа или очерка. Вместе с тем, именно литературный вымысел остается наиболее характерным для всей остальной, преобладающей в своем количестве исторической художественной литературы. Это особенно относится к историческим романам, повестям, рассказам.

Одним из основных качеств исторического романа, повести, рассказа является их конкретность и образность. Автор такого рода сочинений избегает абстрактных понятий и суждений. Взамен них он дает богатый и выразительный образ конкретных фигур и исторических событий. Большое внимание при этом уделяется тем подробностям, которыми пренебрегает автор научного исторического сочинения. Представляя человека прошлого с его конкретным физическим и духовным обликом, автор исторического романа, повести, рассказа возбуждает воображение читателя и воздействует в первую очередь на его эмоциональную сферу. Многие люди толь-

ко под влиянием литературных произведений исторического жанра устанавливают чувственную связь с предыдущими поколениями.

Многих в исторической художественной литературе привлекает легкость ее восприятия. Главное, вероятно, не в этом, а в том, что такая литература в большей степени, чем научная литература, соответствует общественным потребностям. Литературное видение прошлого более гуманистично, чем научное его видение, поскольку последнее чрезвычайно абстрактно. Художественная же литература в человеке прошлого видит в первую очередь конкретную личность.

Кроме этого, художественная литература предоставляет читателю большую свободу в области самостоятельной конкретизации своего содержания. Контекст, в котором используются автором художественного произведения символы, аллегории, умалчивания, определяет их смысл лишь в общих чертах, а конкретизируются они только в сознании читателя.

Музеевед и экскурсовед вынуждены учитывать, что воспитанные художественной исторической литературой посетители и экскурсанты в процессе экскурсии могут проявлять недоверие к их разъяснениям и к истолкованиям фактов.

В подобных случаях посетителям музеев и выставок и экскурсантам необходимо разъяснять, что в задачи автора художественного произведения входит не столько адекватное отражение прошлого, сколько представление его в соответствующей художественной форме. Пользуясь историческими источниками, автор подобного произведения не подвергает их научной критике и извлекает из них ту информацию, которая соответствует его собственному видению прошлого.

Наиболее важными чертами и исторической художественной литературы, по нашему мнению, являются преобладание эстетической функции, «антропологическая» (гуманистическая) познавательная перспектива, заметная свобода в области использования утверждений исторической науки и ее методов, большая конкретность, образность и внушительность исторического повествования, интерпретационная открытость, которая предоставляет читателю большую свободу в сфере конкретизации содержания произведения.

Формы передачи исторических знаний в музееведческой и экскурсоведческой практике

Сходным влиянием на читателей обладают и воспоминания современников и участников событий. Объяснить это можно следующими факторами: ценностью непосредственного наблюдения автора, антропологической познавательной перспективой, то есть взглядом на историю с точки зрения одного, временами рядового, человека, большей конкретностью и образностью сочинения автора, простотой языка повествования, а в ряде случаев и литературными достоинствами сочинения.

Общественное восприятие воспоминаний (и близких к ним автобиографических источников – личной переписки, дневников) носит чаще всего спонтанный, высоко эмоциональный характер. Большинство читателей воспоминаний не способно критически отнестись к подобным сочинениям и легко поддается их эмоциональному воздействию.

В практической деятельности сотрудникам музеев и экскурсионных организаций и предприятий приходится сталкиваться с воздействием на посетителей устной истории – то есть истории масс или обыденной истории, истории, которая складывается в оппозиции к официальной или научной истории. На устную историю оказывает влияние история, пережитая живущими поколениями в данное время, устная традиция, исторические знания, полученные в ходе школьного образования, из литературы, из средств массовой информации и т. д. Речь идет об исторических знаниях, находящихся в общественном обращении, в обиходе, о том, что пересказывается устно, как правило, членом той самой общественной организации, группы, интересы которой устная история отражает, в процессе ее повседневного бытования, в пределах семейного круга, работы, развлечений и т. д.

Такая история является важным звеном исторического воспитания общества, которая в значительной степени оказывает влияние на характер и содержание его исторического сознания.

Наиболее важным элементом устной истории, понимаемой как «народная» история, являются сюжеты, возникшие из непосредственного «исторического опыта» живущих поколений. Сюда включаются устные сообщения о событиях, известных рассказчику из его личного опыта, участ-

ником или свидетелем которых он был сам. Новейшая история, рассматриваемая через призму опыта отдельного человека, отдельной семьи, профессиональной группы, локальной среды, имеет всегда конкретное выражение, эмпирически может быть подтверждено.

Такое сообщение не только воздействует на воображение слушателя, но также вызывает у него большее доверие, чем официальное историческое сообщение, передаваемое в школе или в средствах массовой информации. За «частными» сообщениями стоит авторитет очевидца, свидетеля, кого-то, хорошо известного членам семьи, соседям, знакомым и т. д.

Несмотря на определенную наивность и легкую опровергаемость сообщений, распространяемых в устной традиции, несмотря на то, что эти сообщения нередко опираются на сплетни или сомнительного характера семейный пересказ, подобные сообщения не подвергаются цензуре со стороны властей и нередко сохраняют забытые или нежелательные для властей исторические факты. Избежать влияния устной истории на посетителя экскурсии нельзя. Оно существует и нередко дает себя знать во время экскурсии.

В подобных случаях музееведу и экскурсоведу необходимо показать посетителям и экскурсантам, ссылающимся на сведения устной истории, что в этих сведениях истинно и подтверждается историческими источниками, а что ложно и другими источниками не подтверждается.

Знакомство будущего музейного и экскурсионного работника с основными понятиями исторической культуры подготовливает его к осмыслиению мотиваций интереса к прошлому у людей и способов передачи ретроспективной информации об обществе. Это позволяет более осмысленно формировать у посетителей музеев и выставок и экскурсантов рациональное историческое сознание. Изучение исторической культуры должно содействовать приобретению ими истинного исторического знания, базирующегося на рациональном познании исторических источников.

Примечания

¹ **Менцлин Ю.Л.** Феномен Фоменко и роль современных музеев в формировании научного мировоззрения // Современная историография и проблемы содержания исторической экспозиции, музеев. – М.: ГИМ, 2002. – С. 121.

В.П. Грицкевич

- ² **Maternicki J.** Wietokształtnosc historii. Rozważania o kulturze historycznej i badaniach historiograficznych. – Warszawa, 1990. – S. 7, 313–315.
- ³ **Баталов Э.М.** Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. – 2002. – Лето. – Т. 7. – № 3. – С. 10.
- ⁴ См. например: **Великанова О.В.** Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. – 1994 (далее: ОИ). – № 2. – С. 177–185; **Зонтиков Н.А.** Иван Сусанин: легенды и действительность // Вопросы истории. – 1994. – № 11. – С. 21–30; **Новикова М.** Символы // Новый мир. – 1995. – № 2. – С. 201–217; **Аникин А.В.** Элементы сакрального в русских революционных теориях // ОИ. – 1995. – № 1. – С. 78–91; **Пушкирев Л.Н.** Что такое менталитет? Историографические заметки // ОИ. – 1995. – № 3. – С. 158–166; **Зубкова Е.О., Куприянов А.И.** Ментальное измерение истории: поиски метода // ОИ. – 1995. – № 7. – С. 158–166; **Сенявская Е.С.** Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // ОИ. – 1995. – № 3. – С. 7–15; **Сенявская Е.С.** Героические символы и мифология войны // ОИ. – 1995. – № 5. – С. 30–48; **Согрин В.В.** Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. – 1996. – № 8. – С. 3–18; и др.
- ⁵ **Maternicki J., Majorek Cz., Suchorolski A.** Dydaktyka historii. – Warszawa, 1994. – S. 58–61.
- ⁶ Об этих методиках см. подраздел «Правила научной игры» в разделе кн.: **Кобрин В.Б.** Кому ты опасен, историк? – М.: Моск. рабочий, 1992. – С. 193–219.
- ⁷ Рассмотрению дидактической литературы по истории посвящена кн.: **Ferro M.** Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., 1992. – 350 с.
- ⁸ Об устной истории подробнее см.: **Хуброва Д.Н.** Устная история. «Verba volant?..»: Программа курса. – М.: РГГУ, 1997. – 32 с.

БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Ванеев

Библиотека как социальный институт и проблемы ее комплексного изучения

Одной из наиболее характерных черт современного библиотековедения является укрепление и углубление интеграционных связей с другими науками, что обусловлено особенностями деятельности библиотеки, органически связанной с многообразными сторонами общественной жизни: наукой, производством, образованием, культурой, бытом и т. д. Библиотечному делу присущи и воздействуют на него самые разнообразные аспекты деятельности: социологические, педагогические, психологические, информационные, экономические, статистические, управленческие, правовые, этические, эстетические и др. Многоаспектность библиотечной деятельности приводит к тому, что познание библиотеки как феномена общественного бытия становится возможным лишь при изучении всех ее сторон, связей и взаимоотношений, т. е. на основе многостороннего целостного познания. С этим связаны и две основные особенности библиотековедения как науки: его междисциплинарное положение в системе наук и тяготение к взаимодействию с широким кругом наук, причем не только гуманитарных, но и технических, которые в различных целях исследуют библиотеку. Библиотека оказывается объектом изучения не только библиотековедения, но и многих других наук.

Для исследований, рассматривающих различные аспекты интеграционных связей библиотековедения с другими науками, характерны различные подходы. Один из них заключается в том, что за основу интеграционной дисциплины берется какая-либо наука, ее теоретические и методологические положения адаптируются к нуждам библиотечной теории и практики и иллюстрируются примерами из библиотечного дела. При таком подходе новая научная дисциплина не становится библиотековедческой и в лучшем случае может рассматриваться лишь как один из разделов науки, с позиций которой делалась попытка интегрировать в библиотековедение.

Другой подход сводится к тому, что за основу берутся теоретические положения

библиотековедения, но в целях якобы интеграции его терминология заменяется терминологией другой науки. Так, нередко, излагаются проблемы библиотечного дела в терминологических понятиях информатики.

Наконец, существует подход, при котором науки, включаемые в интеграционный процесс, рассматриваются как равные партнеры, что и ведет, как правило, к их взаимообогащению. Оставаясь по своей сути библиотековедческими, поскольку объектом их исследования является библиотека, такие интеграционные дисциплины обогащают не только библиотечную теорию и практику, но и те науки, с которыми библиотековедение интегрировало свои усилия и поиски.

Естественно, что в комплексном исследовании библиотеки как социального института роль и место наук, взаимодействующих с библиотековедением, различны. Сложность взаимосвязей с другими науками заключается в том, что эти связи отличаются высокой степенью дифференциации и избирательности. Среди наук, которые связаны с библиотековедением, можно выделить несколько групп, каждая из которых характеризуется определенным уровнем этих отношений.

Первая группа включает науки, имеющие для библиотековедения общетеоретическое и методологическое значение. К ним относится в первую очередь, философия и культурология. Разработка проблем библиотечного дела на методологической базе этих наук поднимает общетеоретический уровень библиотековедения, укрепляет его позиции как науки.

Для советского библиотековедения теоретической базой являлась марксистско-ленинская философия, а основополагающим методологическим принципом был принцип коммунистической партийности, с позиций которого и оценивались все явления библиотечной теории и практики. Отказ от марксистско-ленинской философии как теоретической основы библиотековедения, которое рассматривалось как общественная наука, привел к поискам

Библиотека как социальный институт и проблемы ее комплексного изучения

нового философского обоснования библиотечного дела.

В библиотековедческой литературе последних лет можно выделить несколько подходов к решению этой проблемы: культурологический, маркетинговый и информационный.

Культурологический подход, опирающийся на просветительство как философию, основан в первую очередь на гуманистических идеалах. Такой подход был характерен в России для дореволюционного библиотечного дела. А.И.Герцен называл библиотеку «храмом мысли»¹. Современные сторонники этой точки зрения пишут: «Два храма были в нашей стране: церковь и библиотека»². Подчеркивая гуманистическую сущность библиотеки, они видят ее «величественным храмом знаний и культуры»³, ее гуманистическое предзнаменование заключается в собирании и сохранении духовных достижений человеческой цивилизации, «памяти человечества».

Именно в целях осуществления этой миссии в отечественном библиотековедении активно разрабатывается и теоретически обосновывается мемориальная функция библиотеки, направленная на сохранение культурного наследия для последующих поколений. Однако этим не ограничивается гуманистическая сущность библиотеки. В развитии представлений о библиотеке можно выделить две ключевые установки. Первая из них заключается в том, что библиотека рассматривается как «память вселенной», что определяет значение мемориальной функции библиотеки. Вторая ориентирована на читателя, поскольку библиотека создана для удовлетворения и возышения читательских потребностей. Отсюда и проистекает просветительная функция библиотеки.

Соединение этих двух установок определяет в единстве гуманистическую миссию библиотеки. Поэтому, как подчеркивается в библиотековедческой литературе, «ключ к философии библиотечного дела лежит в связке „человек и книга“». В демократическом обществе библиотека не средство информации, а «социальный институт для выращивания личностей и индивидуальностей»⁴. Возрождение гуманистической миссии библиотеки, пришедшей на смену идеологической, является наи-

более перспективным направлением в обосновании философии библиотеки.

Отдельные теоретики библиотечного дела видят путь выхода библиотековедения в «большую науку» в его приобщении в первую очередь к естественным наукам, что отражает технократический подход к развитию библиотечной практики. Однако нельзя забывать, что во главе библиотечного дела стоит человек – читатель. Поэтому выход библиотековедения в «большую науку» видится в его более активном приобщении в первую очередь к гуманитарным наукам. В наше время правомерно рассматривать библиотековедение не как общественную, а скорее в первую очередь как гуманитарную науку.

Другим подходом к рассмотрению философских проблем библиотековедения является заимствованный из американского библиотековедения маркетинговый подход, сторонники которого обосновывают философию маркетинга в библиотечном деле. По их мнению, такая философия, которая рассматривается как «новое мышление» библиотечной науки, позволит создать современный образ библиотеки как социального института, работающего в рыночных условиях. Такой подход воспринимается далеко не всеми библиотековедами. Противники этой точки зрения полагают, что механический перенос американской библиотечной философии на русскую почву – это иллюзия и поэтому следует стимулировать собственную теоретическую мысль⁵.

Наиболее распространенным в наши дни является информационный подход к определению социальной миссии библиотеки. Исходя из этого подхода, она заключается в том, чтобы обеспечить максимальный доступ членов общества к информации. В качестве новой философии библиотечного дела предлагается «философия доступности информации для всех»⁶.

Один из ведущих отечественных библиотековедов, Н.И.Тюлина считает информационную функцию главной для библиотеки, изначально присущей ей как социальному институту. Эта функция является основополагающей по отношению к остальным: образовательной, воспитательной, досуговой, коммуникативной. Признание информационной функции главной, подчеркивает Н.И.Тюлина, «выво-

A.H. Ванеев

дит библиотеку на магистральное развитие общества – его информатизацию», становится важнейшим условием обеспечения доступности информации⁷.

В другой своей работе Тюлина подчеркивает, что информационная функция составляет сущность всей деятельности библиотеки, а культурно-просветительная характеризует лишь одну из целей информации, наряду с научными, производственными, досуговыми, образовательными и другими целями. Информационная функция является сущностной, лежащей в основе всей деятельности библиотеки⁸.

Однако и в этом случае не все библиотековеды согласны с приоритетом информационной функции. Противники подчеркивают, что библиотеку нельзя отождествлять только со знанием, так как она имеет отношение и к области чувственного мира. Поэтому по их мнению на первом месте сегодня должна стоять не информационная, а мемориальная функция библиотеки, назначение которой в сохранении культурного наследия. По определению В.П.Леонова, «мемориальная функция направлена на сбор и сохранение документов, содержащих накопленные человечеством знания об окружающем мире с момента их оформления в виде документа и до наших дней». Сопоставляя мемориальную и информационную функции библиотеки, он полагает, что по своему назначению они противоположны друг другу. Преобладание одной из них наносит ущерб другой. Поэтому одной из важных задач является поиск оптимального соотношения между ними⁹.

Представляется, что попытки противопоставить социальные функции, выделить из них главную, основную, ведущую, неправомерны. Мы помним, к каким перекосам в библиотечной теории и практике привело утверждение в качестве главной, которой были подчинены все остальные, идеологической функции библиотеки. И сегодня выделение какой-либо функции в качестве основополагающей неизбежно приводит к недооценке других, не менее важных для общества социальных функций библиотеки.

Вряд ли можно признать правильными и попытки ограничить философскую концепцию библиотеки «единственно верным» подходом. Не случайно авторы названных выше концепций, ратуя за фило-

софское осмысление библиотечного дела на основе ведущего подхода, не отрицают как правило, необходимости рассмотрения социальной миссии библиотеки как философской категории с учетом разных теоретических концепций и подходов. Определение социальной миссии библиотеки, ее роли как социального института является наиболее общей теоретической проблемой библиотековедения, основная проблема философии библиотеки.

Однако в ответ на вопрос, в чем же заключается сущность и социальное назначение библиотеки, как было показано выше, единства взглядов не существует.

Нет среди отечественных библиотековедов и устоявшихся взглядов на содержание понятий «философия библиотековедения», «философия библиотечного дела», «философия библиотеки», на правомерность этих понятий и их соподчиненность.

Представляется, что при рассмотрении этой проблемы следует исходить из философских понятий сущности и явления, которые, как известно, говорят о том, что сущность – это внутреннее содержание предмета, а явление – внешняя форма его существования. Постижение сущности предмета и составляет задачу науки. Феноменология рассматривает сущность не как реальное, как чисто идеальное образование.

Исходя из этих философских представлений, в библиотековедении необходимо различать библиотеку как нечто идеальное, духовное, постигаемое воображением, символ культуры, когда весь книжный мир можно рассматривать как гигантскую, накопленную за века библиотеку – надежную память человечества, и библиотеку как конкретное учреждение с его положительными сторонами и недостатками, с плохим фондом, бедным бюджетом, непрофессиональными библиотекарями и т. д.

Именно только в первом качестве идеального представления о библиотеке можно говорить о «философии библиотеки» как основополагающей философской основе библиотечной науки, что характеризует сущность библиотеки, а не ее внешний облик.

Что же касается внешней формы существования и функционирования библиотек, то здесь правомернее говорить не о

Библиотека как социальный институт и проблемы ее комплексного изучения

философии, а об идеологии библиотечного дела, т. е. о той системе идей, которой руководствуются библиотеки в своей практической деятельности.

Однако и в определении того, что следует понимать под «идеологией библиотечного дела» также пока нет четкости. Нередко, как это делает, например, М.Я. Дворкина в статье «От идеологии к философии библиотечного дела»¹⁰, идеология противопоставляется философии.

Другие библиотековеды не делают различия между философией и идеологией, рассматривают последнюю как филосовскую основу библиотековедения и видят задачу философии библиотечного дела в том, чтобы содействовать созданию и утверждению новой идеологии библиотечного дела.

Очевидно, что если под идеологией понимать систему общественных, социальных идей и взглядов, то в ее основе лежат определенные философские представления. Так, коммунистическая идеология опиралась на марксистко-ленинскую философию. Философия и идеология в этом случае не противостоят друг другу, а тесно взаимосвязаны. Наиболее же отвечающим научноведческим представлениям является понимание, что философия относится к библиотечной науке, а идеология связана с практической деятельностью библиотек, хотя, разумеется, речь идет не об их противопоставлении, а об их взаимопроникновении.

Дискуссионным остается и вопрос о том, должно ли библиотековедение иметь свою идеологию. Многие авторы полагают, что библиотечное дело не должно находиться в зависимости от той или иной партии, политики, идеологии, что необходима деидеологизация библиотечной теории и практики.

Однако не все библиотечные специалисты придерживаются такой позиции. Так, Г.П. Фонотов убежден, что тезис о деидеологизации библиотек справедлив, если речь идет об однозначном наборе партийных доктрин, но он несостоителен, когда дело касается интересов государства и общества. Библиотеки любой страны руководствуются заданной им идеологией, «обрамляя соответствующим образом и используемые ими общечеловеческие ценности». В качестве примера он приводит «краеугольные камни» амери-

канской библиотечной идеологии: идеалы американской демократии, американский образ жизни, ведущая особая роль США в мире¹¹.

Жаль, что Г.П. Фонотов не назвал, каким идеям и идеалам должна соответствовать современная российская библиотека. Однако очевидно, что если идеология – это система идей, то современное отечественное библиотековедение должно видимо выработать такую систему идей, которая опиралась бы на новую философию библиотечного дела. К сожалению, дело ограничивается пока только призывами выработать новую идеологию библиотечного дела, основанную на гуманистических идеалах, общечеловеческих ценностях, необходимости сформировать «идеологию развития библиотек на перспективу»¹².

Наряду с попытками отождествлять идеологию и философию библиотечного дела можно отметить и стремление свести философский подход к библиотечному делу лишь к методологическому подходу, как это предлагает М.Я.Дворкина¹³. Такое представление связано с тем, что в отечественной библиотековедческой литературе до сих пор нет четкого определения понятия «методология библиотековедения».

Методология является одной из фундаментальных сторон любой науки, составное звено триады: теория – история – методология. Переосмысление философии библиотечной науки и идеологии библиотечной деятельности не могло не активизировать внимания и к ее методологическим проблемам. Серьезным вкладом в научно-теоретические основы библиотечного дела явилось более четкое определение содержания понятия «методология». Несмотря на то, что содержание этого понятия давно определено и в философии, и науковедении, в отечественном библиотековедении до сих пор имеют место попытки расширительного толкования теоретических проблем библиотечного дела как проблем методологических. Поэтому так своевременен анализ понятия «методологические проблемы», осуществленный И.В. Лукашевым¹⁴.

Справедливо указывая, что подход по которому в разряд методологических включаются сложные, крупные проблемы библиотечного дела, приводит к тому, что на этом основании в разряд методологичес-

А.Н. Ванеев

ких можно включить практически все проблемы библиотечного дела, тем самым лишив сам термин «методология» определенности, Лукашев, со своей стороны, неоправданно суживает это понятие, ограничивая его проблемой применения в библиотековедении только исследовательских методов.

Вероятно более правильно рассматривать методологию библиотековедения как учение о принципах построения, формах и способах научного познания объекта библиотечной науки. Очевидно также, что надо не стремиться заменить идеологию философией, сведя последнюю к методологии, а активизировать поиск новых подходов и к философии, и к идеологии, и к методологии библиотечного дела.

В советском библиотековедении главным методологическим принципом был принцип партийности. Естественно, что в современной библиотековедческой литературе этот принцип подвергается резкой критике, справедливо рассматривается как одно из наиболее ярких проявлений идеологизации в библиотечной теории и практике.

Отказ от основополагающего для библиотековедения, как и для других гуманистических наук, методологического принципа партийности привел к тому, что в библиотечной науке образовался своеобразный методологический вакuum. Отечественные библиотековеды пытаются найти и взамен принципа партийности обосновать какой-то иной основополагающий методологический принцип.

Представляется, что такой единственный методологический принцип был возможен лишь в условиях моноидеологии. В современных условиях корректнее, очевидно, говорить о системе методологических принципов, на которую должна опираться библиотечная наука. Важнейшими из них являются принципы историзма и объективности отбора и оценки фактов. Справедливости ради следует отметить, что на эти принципы библиотековедческие исследования широко опирались и ранее. Однако отбор фактов и особенно их оценка осуществлялись на основе принципа коммунистической партийности. Например, при освещении так называемой «теоретической дискуссии» по вопросам библиотековедения начала 1930-х годов авторы работ по этой про-

блеме, в том числе и автор данной статьи, указывая, что в ходе дискуссии были допущены перегибы, а критика советских библиотековедов была в немалой степени субъективной и тенденциозной, в то же время уверяли, что дискуссия сыграла положительную роль в развитии советского библиотековедения, в защите и обосновании его ленинских принципов¹⁵. Однако объективный подход к этой «дискуссии» показывает, что вся она свелась к «разоблачению буржуазных библиотековедов» и их «попутчиков» и нанесла невосполнимый урон развитию библиотековедческой науки в нашей стране¹⁶.

В отечественном библиотековедении в последние годы значительное внимание уделяется рассмотрению значения, задач и проблем методологии библиотечной науки как относительно самостоятельного ее раздела. Междисциплинарное положение библиотековедения в системе наук обусловило широкое и активное использование в нем методов разных наук. Были предприняты научно обоснованные попытки применения к исследованию библиотечной практики комплексных методов, в частности, социологических, социально-психологических, математических, а также системного подхода. Отечественная библиотековедческая мысль обратилась к использованию прогностических методов, что привело к формированию нового направления библиотековедческих исследований – библиотечной прогностики. Характерной чертой научоведческого подхода в библиотековедении явилось также то, что разнообразные методы библиотековедения как традиционные, так и новые, сами стали предметом научного исследования.

Достигнутые результаты в разработке проблем методологии позволяют говорить об определенной методологической зрелости библиотековедения, об овладении им современными методами научного познания. Сказанное однако не означает, что все методологические проблемы уже решены. Перед методологией библиотековедения стоит много задач, требующих разработки, в частности обогащения методологического аппарата библиотековедения, углубления и расширения использования методов других наук. Это будет способствовать интеграции библиотековедения с другими науками, обеспечит ме-

Библиотека как социальный институт и проблемы ее комплексного изучения

тодологическую базу для комплексных междисциплинарных исследований. Имеется еще много нерешенного в понимании методологии библиотековедения как науки и методологии как совокупности методов библиотековедческих исследований.

Вторую группу взаимосвязанных с библиотековедением наук составляют родственные с ним области знания: библиографоведение, книговедение, информатика. Некоторые из этих наук претендуют на лидирующее положение и стремятся включить библиотековедение в свой состав. Так, с точки зрения книговедения и информатики библиотековедение является одной из научных дисциплин книговедческого или информационного комплекса.

Однако с позиций библиотековедения, связанного и с книговедческими, и с информационными, и со многими другими комплексами наук, книговедение и информатика являются родственными для него науками по частичной общности объекта, которая выражается в том, что предметом исследования этих наук являются различные стороны, свойства и отношения документно-коммуникативной системы «автор – книга – читатель».

Однако эта частичная общность объекта не должна приводить к смешению или объединению этих наук. В процессе взаимодействия они обогащают друг друга информацией о фактах, выявленных данной наукой, разработанных ею методах или формулируемых концепциях.

За последние годы достигнуты значительные успехи в теоретической разработке как библиотековедения, так и родственных с ним наук (библиографоведения, книговедения, информатики). Однако пока не существует единого представления о месте каждой из них в системе наук и о взаимосвязях между ними. Имеются различные подходы к определению объекта, предмета, структуры каждой из наук, которые зачастую весьма трудно согласовать между собой. Существуют и различия в разрешении аналогичных по сути типологических проблем. Ярким примером этому может служить изданный в 1995 г. терминологический словарь, в котором аналогичным понятиям в библиотековедении, библиографоведении и информатике даны разные определения¹⁷.

Исследование проблем взаимодействия библиотековедения, библиографоведения, книговедения и информатики как родственных наук требует учета общего, особенного и единичного в их развитии. Оно предполагает изучение того особенного, что характерно для каждой из рассматриваемых областей знания и позволяет говорить о ней как о самостоятельной науке, так и о том общем, что составляет основу их взаимодействия.

Изучение современных теоретических проблем этих наук невозможно без рассмотрения генезиса теоретической мысли, так как новые идеи не рождаются на пустом месте, а являются следствием поступательного развития. С учетом накопленного опыта необходимо рассматривать и проблемы взаимодействия названных выше наук, поскольку современные проблемы их взаимосвязи в конечном счете исторически детерминированы, социально и гносеологически обусловлены характером и уровнем всей предшествующей теории и практики. В силу особенностей исторического развития библиотечной, библиографической, книговедческой и информационной практики каждая из названных областей деятельности представляет собой не обособленное явление, а определенный синтез теоретических положений всех рассматриваемых наук.

Третью группу взаимодействующих с библиотековедением наук представляют те из них, на основе интеграции которых с библиотековедением образовались новые научные дисциплины: библиотечная социология, библиотечная педагогика, библиотечная психология, экономика библиотечного дела, библиотечная статистика, история библиотечного дела, библиотечная этика, библиотечная эстетика и др.

При этом научные дисциплины, обращаясь на стыке наук, остаются по своей природе библиотековедческими, так как призваны научно обосновывать и разрешать проблемы библиотечного дела. Сам характер этих интеграционных процессов таков, что образовавшиеся научные дисциплины являются по своему содержанию комплексными, т. е. призванными исследовать в определенном аспекте не только отдельные стороны или направления библиотечной работы, но библиотечную деятельность в целом. Научные дисциплины, образовавшиеся путем интеграции биб-

A.H. Ванеев

лиотековедения с другими науками, отражают сложное, междисциплинарное положение библиотековедения в системе наук и направлены на исследование внешних связей библиотечного дела, на определение социальной миссии библиотеки.

Однако, хотя связи библиотековедение с этими науками являются традиционными, не все вопросы интеграции еще решены. Так, не завершен процесс формирования библиотечной педагогики, социальной психологии библиотечного дела, библиотечной психологии как самостоятельных библиотековедческих дисциплин. Вопросы интеграции этих наук с библиотековедением рассматриваются в основном, в рамках отдельных научных дисциплин, а не библиотековедения в целом. Например, библиотечная педагогика касается главным обозом проблем обслуживания читателей и почти не исследует педагогические процессы управления библиотеками, методического обеспечения их деятельности, подготовки, переподготовки и повышения квалификации библиотечных кадров и др. Библиотечная психология замыкается в основном на психологии читателя и чтения и слабо анализирует психологические проблемы управления библиотечными коллективами и другие аспекты библиотечной деятельности.

Следует также отметить, что при изучении взаимосвязей наук подчеркивается их значение для развития библиотековедения, а обратный процесс – его влияние на смежные науки – зачастую остается вне поля зрения исследователей.

Еще одну группу составляют науки, по своему объекту не являющиеся библиотековедческими, но которые для решения своих исследовательских задач активно интегрируются с библиотековедением, осуществляют совместные комплексные исследования. К таким научным дисциплинам относятся, например, социология чтения, педагогика чтения, психология чтения, читателеведение и др. Так социология чтения как научная дисциплина, рассматривая чтение в виде многофакторной системы, изучающая социальные аспекты функционирования произведений печати в обществе выходит за рамки библиотечного дела. Однако большинство социологических исследований чтения ведется в сфере библиотековедения, так как библиотека является наибо-

лее удобной базой для анализа массового и индивидуального чтения и важнейшим каналом его организации, а результаты таких исследований обогащают библиотечную теорию и практику. Во многом в рамках библиотечного дела изучаются и используются в библиотековедческих целях проблемы читателеведения, педагогики и психологии чтения.

Имея предметом исследования библиотеку, читателя, чтение, эти научные дисциплины рассматривают различные стороны этого объекта, т. е. имеют свой предмет изучения. В результате взаимодействия разных наук на основе изучения ими своей предметной области выявляется системное представление об общем объекте исследования.

К следующей группе следует отнести широкий круг разнообразных научных дисциплин, гуманитарных и естественных, многие из которых весьма далеки от библиотечного дела и его проблем. Не являясь родственными или смежными по отношению к библиотековедению, они обычно не используют в своих целях выводов и фактов теории библиотечного дела. Библиотековедение же берет из этих наук отдельные теоретические положения, фактические данные, методы исследования, необходимые для анализа конкретных проблем библиотечного дела. Например, для исследования проблем управления библиотеками привлекаются данные теории менеджмента, маркетинга, профессиологии и профессиографии, гигиены и физиологии труда, правоведения и других наук.

Поскольку библиотека – это не просто социальный институт, но и учреждение, имеющее свою внутреннюю организацию и управление, библиотековедение вступает во взаимосвязи не только с гуманитарными, но и с техническими науками, например, по проблемам механизации и автоматизации библиотечных процессов, гигиены и реставрации библиотечных фондов, строительства библиотечных зданий и их оборудования и т. д., выступая в роли заказчика и эксперта соответствующих технических разработок.

Таким образом, одной из характерных черт современного отечественного библиотековедения является комплексность его исследований, что связано со сложностью объекта библиотековедения – ком-

Библиотека как социальный институт и проблемы ее комплексного изучения

муникативной системы «книга – библиотека – читатель», в результате чего ее сущность не может быть выявлена в полной мере только библиотековедением и требует привлечения теоретических положений, методологии, фактического материала и других наук.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что в отечественном библиотековедении уделяется значительное внимание проблемам взаимосвязей с другими науками, разработка проблем интеграции коснулась пока весьма небольшого круга наук, в то время как в библиотековедческой литературы называются десятки наук, с которыми оно связано или должно быть связано. Очевидно, что раскрытие взаимосвязей библиотековедения с более широким кругом наук приведет и к становлению новых интеграционных научных дисциплин, даст новый импульс изучению библиотеки, выполняющей важную социальную миссию в духовной и материальной сферах жизни общества.

Примечания

¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. – М., 1954. – Т. 1. – С. 368.

² Порошин С.А. Философия библиотеки: к постановке вопроса // Библиотековедение. – 1994. – № 5. – С. 124.

³ Жданова Т.А., Елевов Е.С., Федотова О.П. Библиотекарь-профессионал: какой он сегодня? // Библиотековедение. – 1994. – № 4. – С. 93.

⁴ Клещук С.Е. Библиотеки и возрождение России // Науч. и техн. б-ки. – 1992. – № 9. – С. 54–55.

⁵ Столяров Ю.Н. Беспринципность как основной принцип современной библиотечной по-

литики // Науч. и техн. б-ки. – 1993. – № 7. – С. 12.

⁶ Петрова С.В. На пути к переменам // Библиотековедение. – 1993. – № 5/6. – С. 136.

⁷ Тюлина Н.И. Информационная функция библиотеки // Библиотековедение. – 1993. – № 1. – С. 4–7.

⁸ Тюлина Н.И. Теоретические аспекты библиотечного обслуживания // Библиотековедение. – 1994. – № 6. – С. 5.

⁹ О новой парадигме библиотековедения: (из стеногр. отчета Санкт-Петербург. научн. центра РАН) // Библиотековедение. – 1994. – № 4. – С. 34.

¹⁰ Дворкина М.Я. От идеологии к философии библиотечного дела // Библиотековедение. – 1994. – № 2. – С. 53.

¹¹ Фонотов Г.П. С кем и зачем воссоединяться библиотекам // Библиотековедение. – 1994. – № 1. – С. 39.

¹² Жабко Е.Д. Менеджмент в библиотеках России и Германии // Библиотековедение. – 1994. – № 5. – С. 58.

¹³ Дворкина М.Я. Указ. соч. – С. 53.

¹⁴ Лукашов И.В. Уточним предмет дискуссии // Библиотековедение. – 1994. – № 5. – С. 136–139.

¹⁵ Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. – М., 1980. – С. 68–69.

¹⁶ Ванеев А.Н. «Теоретическая дискуссия» начала 1930-х гг. и ее влияние на судьбу отечественных библиотековедов // История библиотек: исследования, материалы, документы. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 115–139.

¹⁷ Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания / БЕН РАН. – М., 1995. – 268 с.; Ванеев А.Н. О новом терминологическом словаре по библиотечному делу // Науч. и техн. б-ки. – 1996. – № 10. – С. 46–51.

В.В. Брежнева, В.А. Минкина

Информационное обслуживание как сервисная деятельность

Миссию и деятельность библиотек традиционно связывают со сферой культуры, науки, образования и просветительства. Даже центральное для библиотечной теории и практики понятие «обслуживание читателей» долгое время не рождало ассоциации с теми областями, в рамках которых также осуществляется какое-либо обслуживание населения. Более того, сфера сервиса в обыденном сознании связывалась лишь с многоэтажным зданием под названием «Дом быта». Естественно, что библиотеки и информационные службы с этим зданием не имели ничего общего.

В научный оборот понятие «информационный сервис» ввел Д.И. Блюменау, использовав его в названии своей книги, вышедшей в 1989 г. Автор отмечал: «Мы живем в мире Сервиса. Многие из нас либо непосредственно работают в том или ином сервисе – транспортном, энергетическом, связи, медицинском, торговом, педагогическом, коммунально-бытовом, культурно-просветительном, информационном и т. д., либо участвуют в создании способов и средств – индустрии для различных видов сервиса. Понимать это надо в том смысле, что Сервис – любая разновидность общественно полезного труда, направленная на удовлетворение разумных потребностей человека» [1, с. 3]. Сегодня можно утверждать, что Д.И. Блюменау не только точно определил место и предназначение информационного обслуживания, но и предвосхитил направление его развития.

Осознание мировым сообществом значения человеческого фактора и ценности, уникальности, неповторимости каждой личности заставило развернуть все сферы научно-практической деятельности в сторону индивида. Постепенно и с трудом человечество прощается со стереотипом «потребления как блага» и ставит иную цель: обеспечения достойной жизни при умеренном благосостоянии. Благо или «набор полезностей» связывается не только и не столько с материальным благополучием, сколько с культурно-нравственными и духовными ценностями, с созданием условий для максимальной

реализации каждого индивида как личности и профессионала.

В контексте таких взглядов приходит понимание важности сервиса, по уровню развития которого судят о качестве жизни населения. Темпы роста сферы услуг поэтому значительно превышают темпы роста товарного производства, в чем проявляется закономерность развития мировой цивилизации – приоритет социальных аспектов. Происходит глобальная гуманизация общественных отношений, переход от «производства вещей к производству людей» [5, с. 9]. Для нашей страны слова «потребитель всегда прав» начинают приобретать черты реальности, теряя иронический подтекст. Меняется и отношение к людям, профессионально занятым в сфере обслуживания – эта работа воспринимается как все более и более престижная.

Культура сервиса постепенно становится неотъемлемой частью культуры общества. Уровень развития данной сферы начинает оцениваться комплексно с учетом психологического, этического, эстетического и организационно-технологических аспектов.

По мнению ученых, исследование природы услуг и тенденций развития этой сферы позволяет получить ключ к пониманию будущей цивилизации, подобно тому, как изучение сущности товара позволило понять основные черты современной [5].

С осознанием важности сервиса как индикатора уровня жизни населения, увеличения удельного веса этого сектора экономики, активизировались научные исследования данной области, а спрос на рынке труда обусловил подготовку кадров по новым специальностям. В 2000 г. в Российской Федерации утвержден государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 230700 «Сервис» с присвоением квалификации «специалист по сервису». В качестве области профессиональной деятельности выпускника указывается индивидуальное обслуживание потребителя услуг.

Объектами профессиональной деятельности специалиста по сервису являются человек и его потребности в инди-

Информационное обслуживание как сервисная деятельность

видуальных услугах; способы и методы выявления и формирования этих потребностей с доведением их до устойчивого спроса в отношении различных индивидуальных услуг; методы моделирования, диагностики и разработки материальных объектов и услуг по индивидуальным заказам потребителя; технологические процессы, посредством которых выполняются индивидуальные заказы на услуги; оборудование, машины, приборы и их системы для осуществления технологических процессов сервиса.

Появляются специализированные высшие учебные заведения, например, Московский государственный университет сервиса; специальность «Сервис» открывается многими гуманитарными и техническими факультетами вузов страны.

Среди различных видов сервиса информационный сервис и обеспечивающая его индустрия информатики развиваются стремительнее всех. Вместе с тем, в ряду информационных услуг в основном рассматриваются разработка программных средств, формирование БД, предоставление доступа к Internet, включая организацию Internet-кафе и клубов, консультации в области программного обеспечения, телекоммуникационные услуги (электронная почта, доски объявлений и т. д.) [6]. Деятельность библиотек и служб информации как сервисная изучена гораздо меньше, что и послужило причиной обращения к данной проблеме.

Для доказательства возможности и целесообразности изучения и организации информационного обслуживания как сервисной деятельности потребовалось ответить на ряд вопросов:

- какие преимущества дает такое его рассмотрение;
- какие общие положения и разработки в области сервисологии целесообразно учитывать применительно к информационному обслуживанию;
- какова специфика информационного обслуживания и информационных услуг по сравнению с другими областями сервиса, каким образом она должна учитываться в практике работы библиотек и служб информации.

Попытаемся последовательно ответить на эти вопросы.

Рассмотрение информационного обслуживания сквозь призму сервиса и представлений, сложившихся в этой сфере, по-

зволяет выйти за рамки привычных взглядов, принятых в библиотечной науке и практике. При таком, более общем подходе, появляется возможность изучать современное состояние и тенденции развития обслуживания не изнутри, а извне, на фоне перспектив развития сервисной деятельности в целом.

Важнейшим постулатом этой сферы является безусловный приоритет пользователей, направленность на удовлетворение потребностей клиентов; обязательность постоянного перепроектирования (реинжиниринга) технологических процессов для повышения качества обслуживания. Подчеркивая это, авторы одного из первых учебных пособий по сервисологии пишут: «Чаще всего определение сервиса связывают с деятельностью по оказанию услуг..., в то время как сервисная деятельность – это целенаправленное (адресное) удовлетворение потребностей человека посредством услуг» [3, с. 78].

Все остальные особенности сервисной деятельности, сколь бы значимыми они не были, вытекают из этого постулата и подчиняются ему. Сказанное касается прежде всего гарантий качества услуг и защиты прав потребителей при том, что право оценивать услуги принадлежит именно и только им. Поскольку для библиотечно-информационной деятельности данная проблема является чрезвычайно актуальной, рассмотрим её подробнее.

Услугой может называться лишь то, что принято потребителем, и как таковая она появляется лишь на стадии её использования клиентом. Поэтому плата или приятие услуги выступает как сделка с производителем, но одновременно и как сделка покупателя с самим собой: оценка результата обслуживания включает способность воспринять ту или иную услугу, получить от неё созидающий эффект, что требует усилий обеих сторон. Поэтому услуги всегда социальны, интерактивны. Потребитель непременно, в большей или меньшей степени, включен в процессы создания и предоставления услуг, что предполагает взаимодействие исполнителя и клиента. Часто это выражается в совпадении во времени процессов производства и потребления услуг, что позволяет говорить о таком симбиозе как «потребительское производство» [6].

Далее попытаемся ответить на вопрос, что же оценивает потребитель? В отличие от товаров, приобретая которые покупатель знает, за что он платит, полезность услуг до момента их использования не очевидна. Из-за такой неочевидности между продавцом и покупателем может возникнуть «информационная асимметрия», когда потребитель до момента получения услуг их себе не представляет, или представляет совсем не так, как продавец. Специалисты по сервису отмечают, что это явление особенно характерно при получении медицинских и образовательных услуг [6, с. 65]. Мы же от себя добавим и попытаемся доказать, что подобная «асимметрия» сопровождает также процессы использования информационных услуг.

Включенность потребителя в сервисную деятельность приводит к тому, что его оценка включает два компонента: оценку качества как самой услуги, так и условий её предоставления. Иначе говоря, клиенты обращают внимание на успешность взаимодействия с продавцом, его професионализм, дружелюбие, отзывчивость, способность к сопереживанию и пониманию нужд покупателя. В понятие комфортности обслуживания включают также временные, санитарно-гигиенические, этические и эстетические факторы, техническую и технологическую оснащенность сервиса.

Признание как бесспорного того факта, что главным оценщиком услуг всегда выступает потребитель, привело к осознанию необходимости формулирования качественных характеристик услуг на языке, понятном клиенту. Это, однако, не исключает определенной, а часто и весьма серьезной подготовленности, компетентности пользователей. Забегая вперед, отметим, что никогда прежде успешность настоящего и будущего информационного обслуживания не зависела в такой степени как сейчас от компетентности и «системы ожидания» потребителей.

Проблема качества актуальна в наши дни абсолютно для всех товаров и услуг. Библиотекарям и сотрудникам служб информации предприятий приходится осознать, что организации любой формы собственности, не обеспечивающие высокого качества обслуживания, не имеют шансы на выживание и развитие, и что им не помогут никакие протекционистские меры государства [4]. Конкуренция на рынке ин-

формационной продукции, которая с каждым годом будет всё усиливаться, неизбежно приведет к тому, что бюджетное и внебюджетное финансирование, поддержку новых собственников получат только те библиотеки или информационные службы, которые качественно и своевременно удовлетворяют потребности пользователей. Система качества поэтому рассматривается как обязательная составляющая управления.

Приходится признать, что информационно-библиотечная деятельность обладает меньшим опытом управления качеством, нежели другие сферы сервиса. Поэтому представляется целесообразным использовать разработки других отраслей, адаптируя их к информационной специфике. Такая возможность обеспечивается универсальным характером международных стандартов ИСО серии 9000¹, предусматривающих единые подходы к организации работы по обеспечению качества не только в производственных, но и непроизводственных, а значит нетрадиционных для стандартизации видах работ. В этой связи следует особо отметить, что в 1991 г. был утвержден стандарт ИСО 9004, часть 2, определяющий требования к системе качества услуг.

Система качества базируется на следующих принципиальных моментах [4, 7].

1. Качество продукции определяется требованиями клиента. Именно его требования переводятся в требования к услугам.

2. Качество обеспечивается не путем проверки, а закладывается в продукцию с начальных этапов её концептуальной проработки. В соответствии с этим перераспределяется ответственность: за качество отвечают не отделы контроля, а все работающие – от рядовых исполнителей до высшего руководства. Предусмотрен контроль сотрудников, выполняющих следующую технологическую операцию за качеством предыдущих процессов. Поэтому каждый работник выступает в роли потребителя продукции предыдущего, а его собственная задача состоит в том, чтобы качество его работы удовлетворяло следующего за ним в

¹ ИСО – Международная организация по стандартизации, созданная по решению ООН в 1946 г. Международные стандарты ИСО серии 9000 устанавливают основные требования по созданию общих программ управления качеством в промышленности и в сфере обслуживания.

Информационное обслуживание как сервисная деятельность

технологической цепочке специалиста¹. При проведении исследований, проектировании, производстве, продвижении и продаже продукции персонал должен работать как единая команда. Рассмотрение собственных обязанностей в рамках коллективных обязательств организации перед пользователями.

3. В систему качества входят связи с поставщиками и потребителями. С поставщиками стремятся работать на долгосрочной основе, создавая собственную сеть субподрядных организаций. Для этого разрабатываются специальные программы, предусматривающие изучение состояния дел у поставщиков в плане качества выпускаемой продукции, производственных возможностей, квалификации персонала. При установлении доверительных отношений с поставщиками, основывающихся на совместном поиске путей повышения качества продукции, значительно экономятся средства и время на проведение входного контроля поступающих материалов. Важность постоянного взаимодействия с поставщиками мотивируется тем, что качество нельзя повысить за счет отдельных изолированных мероприятий, каким бы эффективным не было каждое из них. Качество конечной продукции обеспечивает множество предприятий, а не только то, которое предоставляет его пользователю.

4. Связи с потребителями позволяют выявить соответствие качества продукции условиям её использования, поскольку последние часто гораздо шире или просто иные, чем это может предположить изготовитель товара. Именно постоянные связи с реальными и потенциальными потребителями позволяют как улучшать качество товаров, так и создавать новые. Обязательны процессы фиксации, анализа причин и по возможности удовлетворения обоснованных жалоб клиентов.

5. Система качества предусматривает изменение сознания персонала, его добровольное стремление к обеспечению жизнеспособности организации. Такая перестройка автоматически не происходит, она требует непрерывного повышения квалификации сотрудников и руководства, использования действенных средств мотивации.

6. Требования к качеству продукции и ко всем промежуточным процессам её создания и предоставления, ответственность персонала документируются. Комплекс документов системы качества должен поддерживаться в рабочем состоянии, то есть постоянно актуализироваться.

Универсальные принципы обеспечения качества продукции именно в силу их всеобщности соотносимы с организацией информационного обслуживания и преломляются в этой сфере следующим образом:

Общие принципы обеспечения качества продукции	Условия обеспечения качества информационной продукции
1. Качество продукции определяется требованиями потребителя	Качество информационной продукции определяется пользователем. Если библиотека или служба информации предприятия берет на себя обязательство предоставления определенных услуг, эти услуги должны соответствовать потребностям пользователей; уровню их подготовленности к восприятию нового знания; требованиям к качеству предоставляемой информации и удобству работы с ней.
2. Качество закладывается в продукцию на этапе её проектирования. Каждый сотрудник выступает потребителем продукции предыдущего в единой технологической цепочке.	Применительно ко всем видам информационной продукции должны быть определены требования качества. Сотрудники всех подразделений библиотеки или службы информации выступают как единая команда, каждый член которой гарантирует проверку качества работы на предыдущем технологическом этапе и обеспечение качества собственного труда.

¹Смысль этого постулата четко выражен в программе «пяти нулей», разработанной на японских предприятиях (цит. по: 6, с. 96):
· не создавать (условия для появления брака);
· не передавать (дефектную продукцию на следующую стадию);
· не принимать (дефектную продукцию с предыдущей стадии);
· не изменять (технологический режим);
· не повторять (ошибок).

В.В. Брежнева, В.А. Минкина

Продолжение таблицы

	<p>Сведения об удовлетворенности пользователей качеством услуг доводятся до сведения и анализируются всем персоналом.</p>
3. В систему качества входят связи с поставщиками	Качество информационной продукции зависит не только от постановки обслуживания в каждой конкретной библиотеке или службе информации, но и от деятельности множества других подразделений: политики книгоиздания и книгораспространения; надежности БД, генерируемых на федеральном и отраслевом уровнях; пропускной способности телекоммуникационных сетей; качества и возможностей корпоративных библиотечно-информационных систем; и, наконец, от уровня подготовки и переподготовки специалистов по информации. Соответственно, и работа каждой данной библиотеки (службы информации) влияет на качество обслуживания населения в целом. Поэтому первоочередной двудиной задачей является гарантия качества собственной продукции и выбор деловых партнеров, отвечающих этому же требованию.
4. В систему качества входят связи с потребителями	Обязательность мониторинга информационных потребностей и предпочтений пользователей; их требований к качеству услуг и «системы ожидаемых выгод»; целей и условий использования информационной продукции; удовлетворенности уровнем обслуживания, доверия к библиотеке (службе информации). Систематическое изучение неудовлетворенного спроса. Оповещение пользователей о действиях, предпринимаемых в ответ на рекламации.

Определенность принципов реализации системы качества не облегчает тем не менее их внедрение в практику информационного обслуживания. Дело в том, что система качества опирается на «трех китов» и допускает три возможности:

- ориентацию сферы обслуживания на потребности клиентов при том, что сами эти потребности выражены достаточно четко;
- наличие объективных критериев оценки качества продукции;
- строгую регламентацию всех основных процессов технологического цикла, обеспечивающего данное качество.

Все эти возможности в информационном обслуживании реализуются лишь частично. И далее приходится строить рассуждения не в плане нахождения общего между информационными и любыми другими услугами, а в плане рассмотрения их особенностей.

Сразу отметим, что задачи и содержание информационного обслуживания нельзя сводить только к сервису, также как нельзя однозначно рассматривать в этом качестве образовательную деятельность, хотя в последнее время всё чаще используется термин «образовательные услуги». Любая библиотека или служба информации являются одновременно не только ин-

формационным, но и культурным и образовательным учреждением, что позволяет увидеть общее в работе библиотек, информационных центров, музеев, архивов и других учреждений и рассматривать информационное обслуживание одновременно «как феномен культуры и коммуникации, как механизм доступа пользователей к информации и распространения знаний» [2, с. 5]. Указывая на присутствие в информационном обслуживании элементов культуры и социальности в их единстве, М.Я. Дворкина определяет информационное обслуживание как «деятельность по удовлетворению потребностей пользователей в информации, независимо от того, осуществляется она в библиотеках, информационных центрах, музеях, архивах, других учреждениях» [2, с. 5].

Нхождение в многомерном пространстве, а точнее на пересечении этих пространств, определяет специфику обслуживания. Рассмотрим её, начав со сравнения информационных потребностей с другими потребностями человека, так как именно на удовлетворение потребностей ориентирована любая сервисная деятельность и именно их ставит во главу угла.

Первая сущностная особенность информационных потребностей состоит в том, что они представляют собой потреб-

Информационное обслуживание как сервисная деятельность

ности в знании, обретаемом индивидом путем обращения к имеющейся информации. Библиотека или служба информации отличается от других учреждений сферы услуг тем, что информационная продукция предстает не как товар, который снимают с полки по просьбе покупателя, не как результат «перефасовки» наличествующих исходных сведений, и даже не как продукт, изготовленный по индивидуальным «меркам» заказчика. Она является собой информационное отражение реальной действительности в аспекте, интересующем пользователя, и всегда имеет двойную направленность, выступая посредником между окружающим миром и познающим его субъектом. При этом важнейшей особенностью информационных потребностей является их неопределенность.

Жизнь любого человека или организации сопровождается необходимостью решения новых нестандартных задач. В таких ситуациях имеющихся знаний не хватает, но крайне трудно сформулировать направления поиска недостающей информации.

Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами. Преподаватель литературы, стремящийся развивать творческие способности старшеклассников, сформулирует темы сочинений таким образом, чтобы непосредственное заимствование материала из существующих источников оказалось невозможным. Дипломная работа студентов всегда предполагает либо проведение самостоятельного исследования, либо расчет и проектирование нового объекта. Техническое перевооружение производства может не предусматривать создание нового оборудования или технологии, но их внедрение, адаптация к данным условиям неизбежно вызовет целый ряд проблем.

Человек, оказавшийся в нестандартной для себя ситуации, на начальном этапе склонен подменить решение задачи её условием. Школьник и студент-дипломник попытаются найти информацию, точно соответствующую полученному заданию. Инженер будет ориентирован на обнаружение опыта внедрения новой технологии на других заводах, которого скорее всего не обнаружит. Постепенно и с большим трудом все они начнут отходить от заданных условий, осознавая, что нужные сведения в виде идей, а не «готовых рецеп-

тов» могут быть почерпнуты из самых разных областей. По словам Э.Э. Шапиро, формулируемые при таких обстоятельствах запросы представляют собой лишь «знание пользователя о незнании» [10]. А поскольку ход решения задачи совсем не всегда определяется её условиями, найденный, а вернее, самостоятельно выработанный ответ будет существенно отличаться от лишь приблизительно намеченных характеристик неизвестного, содержащихся в исходной формулировке запроса.

Нестандартные задачи, с которыми сталкиваются люди, различаются по степени новизны. Они могут быть нетривиальными только для конкретного индивида, выступающего в роли открывателя, но хорошо известны обществу. Примером служит ситуация написания школьником сочинения, тема которого литературоведу покажется тривиальной. В таких случаях говорят о психологической новизне.

Объекты техники и технологии могут являться новыми только для данной организации, и тогда констатируется локальная новизна. Объективно новым считается только знание, не зафиксированное ранее в социальной памяти человечества и не отображенное в совокупных информационных ресурсах общества.

Для осуществления информационного обслуживания важно правильное установление категории новизны. Низкий уровень компетентности и недостаточный предшествующий опыт пользователя может привести к двум негативным последствиям. В первом случае человек осознает себя первооткрывателем, тогда как в действительности общество владеет способами решения проблемы (ситуация «изобретения велосипеда»). Во втором (а эти случаи характерны в основном уже не для новичков, но для специалистов), сталкиваясь с проблемой, индивид диагностирует её как новую именно и только для него и предпринимает тщетные попытки найти готовые варианты решения. Отсутствие нужных сведений эта группа пользователей, в роли которых могут выступать менеджеры, инженеры – проектировщики и производственники, лечащие врачи, преподаватели средних учебных заведений, связывает с низким уровнем информационного обслуживания, плохим комплектованием фонда библиотек, недостаточны-

В.В. Брежнева, В.А. Минкина

ми возможностями справочно-поискового аппарата, не ориентированностью библиографов в ресурсах Internet и т. д.

Третья особенность информационных потребностей, вытекающая из двух предыдущих и ими обусловленная, проявляется в субъективности оценки пользователями качества информационных продуктов и услуг. Оценка любых услуг всегда субъективна по своей природе и зависит от «системы ожидания» потребителя, его установки. Установка и оценка являются как бы зеркальным отражением друг друга: оценка констатирует наличие или отсутствие у продукта или услуги ожидаемых свойств и качеств. Однако и потребности, и система ожидания потребителей во всех других сферах обслуживания являются значительно более определенными, а оценка продуктов и услуг – поддающейся независимой экспертизе. Иначе говоря, существуют объективные показатели, по которым судят об обоснованности претензий к работе ателье, туристического агентства или прачечной. Собственно на этом и базируется система качества (второй из указанных выше постулатов). Однако крайне сложно третьему лицу установить полноту предоставления информации и её соответствие действительным потребностям пользователя. Именно поэтому только в практике информационной деятельности для оценки качества обслуживания используются два критерия – релевантность и пертинентность, из которых выполнение требований первого считается обязательным, а второго – желательным, определяющим направления развития и совершенствования системы обслуживания.

Релевантность – это объективно существующее смысловое соответствие между содержанием информационного запроса и выданной в ответ на него информации. Пертинентность – субъективно оцениваемое потребителем соответствие содержания информации его интересам.

Естественно, что пользователи всегда оценивают информационные услуги с точки зрения пертинентности полученных сведений. Тогда, хотелось бы предположить, что независимая экспертиза возможна хотя бы по критерию релевантности, но действительная практика информационного обслуживания намного сложнее.

Не будем рассматривать случаи нерелевантной выдачи информации, связанные

с низкой квалификацией библиотекаря-библиографа, неполнотой фонда и справочно-поискового аппарата или недоступностью Internet-ресурсов, т. е. случаи «брата» в обслуживании.

Нерелевантность выдачи может объясняться отсутствием искомой информации в документальном потоке в том виде, в каком её ищет пользователь. В этом случае библиограф начинает расширять границы поискового предписания и выявлять сведения, используя родовые и ассоциативные связи. Иногда это приводит к нахождению ненужных читателю материалов, т. е. к «шуму»; в других случаях – к выдаче «неожиданно полезного», т. е. первоначально не запрошенных, но ценных с точки зрения пользователя документов или фактических данных. Последние, формально являясь нерелевантными, а в действительности – пертинентными, составляют высший смысл труда информационных работников.

Теперь рассмотрим причины, по которым релевантная выдача оценивается пользователем отрицательно, т. е. не считается им пертинентной. Наиболее распространенными являются:

- предоставление пользователю уже известных ему сведений (из других источников или предыдущего опыта);
- неавторитетность, неубедительность информации для пользователя;
- несовпадение характера представленных сведений и степени их подробности «системе ожидания» пользователя;
- несоответствие уровня сложности сообщения и подготовленности пользователя, его читательской компетентности.

Охарактеризуем некоторые из этих причин более подробно. На оценку значимости, полезности, авторитетности информации влияют ценностные ориентации пользователей. Публикация может быть отвергнута только потому, что написана представителем научной школы, политического либо общественного движения, сотрудником учреждения, мнения и взгляды которых не разделяются читателем. И, наоборот, информация, распространяемая от имени тех лиц, с которыми пользователь консолидирует себя, вызывает повышенный интерес. Сказанное распространяется и на газеты, журналы, тематические сборники, относимые к разряду «своих».

Информационное обслуживание как сервисная деятельность

К отрицательной оценке потенциально полезных документов приводит и стремление найти в потоке информации «готовый» ответ или рекомендацию, четко определяющую порядок действий. В этих случаях пользователю начинает казаться, что в публикациях не учитывается специфика именно его условий деятельности или что они ориентированы на специалистов иных предприятий (например, более крупных, лучше оснащенных, расположенных в научных и промышленных центрах и т. д.). Неумение и нежелание переосмыслить чужой опыт, превратить чужие идеи в собственные «рецепты» приводят к тому, что процесс восприятия нового знания подменяется критикой автора, не отразившего те сведения, которые ожидал найти читатель.

Другой, не менее серьезной причиной отрицательных оценок, является неподготовленность пользователя к освоению новой информации из-за её сложности. Дело в том, что сообщения, которые человек относит к разряду профильных, соответствующих направленности его деятельности и решаемым задачам, но которые ему непонятны, воспринимаются как опасность, угроза целостности картины мира, сформированной в его сознании. Поэтому от сложной, а значит и опасной информации стремятся защититься, отклоняя её как ненужную.

Подобная подмена представлений, приводящая к оценке непонятного как не- нужного, присуща в принципе, всем. Различия проявляются в механизме контроля за собственным поведением. Для пользователя с низким уровнем информационной культуры это противоречие останется незамеченным, а новая информация окажется необратимо утраченной.

Квалифицированный же читатель, на- против, проверит первоначальную отрица- тельную оценку уже тем, что сформулиру- ет для себя вопрос: «действительно не нужно или трудно?». Понимание окружаю- щей действительности подобно воздуху, которого не замечают, пока он есть. Не- обходимость анализа понимания встает тогда, когда появляются симптомы угрозы отчуждения человека от нового знания, а картина мира перестает быть собственной картиной познающего субъекта. Если есть понимание, не нужен самоконтроль, реф- лексия. Но при его нарушении именно

рефлексия выступает важнейшим сред- ством развития человека как личности и профессионала.

Таким образом, определение специ- фики информационных потребностей по- зволяет осознать, что для успешного раз- вития обслуживания как сервисной деятельности очень важен уровень информа- ционной культуры пользователя.

Рассмотрение причин субъективнос- ти оценки пользователем качества инфор- мационных продуктов и услуг приводит также к пониманию причин индивидуаль- ного характера информационных потреб-ностей – четвертого их качества. Направ- ленность деятельности и характер возникающих задач, мера ответственно- сти за последствия принимаемых реше- ний, возраст и образование, опыт пред- шествующей жизни и ценностные ориентации, лимит времени, которым рас- полагает пользователь, индивидуальный стиль познавательной деятельности – вот далеко не полный перечень условий, вли- яющих на содержание информационных потребностей и приводящих к уникально- сти потребностей каждого человека. Мож- но и нужно осуществлять мероприятия группового и массового информацион- ного обслуживания, но ведущим сред- ством удовлетворения потребностей ос- тается предоставление индивидуальных услуг. Кроме того, массовые и группо- вые формы работы тогда являются ре- зультативными, когда создают комфо- ртные условия для индивидуального самообслуживания пользователей, прежде всего для расширения их общекуль- турного и профессионального кругозора.

Обратимся теперь к третьему базово- му постулату системы качества: обязатель- ности строгой регламентации всех основ- ных процессов технологического цикла, благодаря которой, собственно, и обеспе- чивается качество услуг.

В процессе разработки регламента требований к услугам, во-первых, четко оп- ределяются и переводятся в характеристи- ки, поддающиеся наблюдению и оценке потребителей, а, во-вторых, эти характе- ристики соотносятся с технологией, т. е. выражаются на языке процессов их про- изводства. Иначе говоря, ищут ответ на вопрос: каким должен быть технологиче- ский процесс, чтобы обеспечивалось необ- ходимое качество услуг.

В.В. Брежнева, В.А. Минкина

В стандартах ИСО серии 9000 приведены требования к услугам [4, с. 288]. Среди них важными для информационного обслуживания являются: время ожидания услуги; надежность, точность и полнота исполнения; компетентность и доступность персонала, эффективность его контактов с потребителями; комфортность и эстетика места предоставления услуги.

Все эти характеристики трудно переводятся на язык технологии. Усиливающаяся индивидуализация потребностей делает невозможной установление нормативов времени на выполнение сложных запросов и регламент информационного поиска. Если комфортность понимать не только как убранство помещения библиотеки, отсутствие очередей и наличие множительной техники, но как психологическую комфортность, способствующую быстрому освоению человеком нового для него знания, то и это качество услуг трудно обеспечить технологически. В процессе ознакомления с информацией и её творческого использования никто не может заменить пользователя. Предприятия автосервиса или химчистки берут на себя работу клиента, высвобождая его время и гарантируя более высокое качество, нежели чем при самостоятельном выполнении каких-либо операций. Библиотека и информационная служба в случае качественного обслуживания берут на себя лишь поиск и упорядочение информации, но затем не высвобождают, а занимают время потребителя. Как справедливо отмечает Д.И. Блюменау, продукты информационного сервиса в отличие от продуктов всех остальных разновидностей сервиса являются неотъемлемым компонентом мыслительного процесса, сопровождающего любую интеллектуальную деятельность, компонентом «„встроенным“ в эту деятельность и активизирующем её» [1, с. 5]. Поэтому очевидно, что критерии оценки качества информационных услуг должны быть иными, нежели в других сферах сервиса.

Таким образом, в информационной деятельности невозможно слепо копировать образцы, созданные в сфере сервиса, но важно рассматривать их как ориентиры и по ним определять правильность избранных направлений развития.

Тогда подтверждается, что для информационного сервиса обязательен приоритет

интересов пользователя. Но если в других сферах это требование реализуется путем изучения и удовлетворения спроса, то в случае информационного обслуживания приходится учитывать, что потребности могут быть невыраженными, неопределенными, конструируемыми не до, а по ходу их удовлетворения. Кроме того, информационное обслуживание, более чем другие сферы сервиса (за исключением, пожалуй, только сферы образовательных услуг), должно быть ориентировано на формирование новых потребностей, то есть носить опережающий характер. Это мотивируется тем, что спрос на определенные товары или услуги свидетельствует об их необходимости для населения. В информационной же сфере четко сформированный запрос обычно очерчивает границы уже известного, а обращаются в информационные учреждения за неизвестным, непознанным.

Далее специфика обслуживания проявляется в том, что подавляющее большинство запросов пользователей не попадают под категорию типовых, стандартных. Туристические агентства и многие другие предприятия сферы услуг могут позволить себе работать в режиме «меню», ориентируясь на индивидуальные заявки как на исключение из правил и повышая их стоимость. Библиотеки и информационные подразделения, предлагая пользователям «меню», знают, что это резко снижает комфортность обслуживания. И если большая индивидуализация услуг для многих других сфер – лишь тенденция, для информационного обслуживания это – повседневная практика.

Что касается технологических аспектов, то нельзя заложить в регламент обслуживания полноту и точность выдачи информации. Однако можно определить какие-то иные параметры, показывающие, что и на каких условиях гарантируется пользователю. Например, вполне реально охарактеризовать информационные ресурсы (собственные фонды и СПА; ресурсы корпоративных сетей; Internet-ресурсы) и глубину информационного анализа (только выявление документов; составление тематической подборки, дайджеста; создание таблиц фактографических данных; подготовка аналитической справки и т. д.), которые гарантируется использовать при выполнении тех или иных запросов.

Информационное обслуживание как сервисная деятельность

Изучение информационного обслуживания как сервисной деятельности приводит к выводу о необходимости кардинального изменения самой регламентирующей документации. В настоящее время большая её часть отражает работу отделов и обязанности конкретных сотрудников (помещения, должностные инструкции) или порядок осуществления технологических процессов (технологические карты типа «путь книги», «путь запроса»). Вероятно, пора акцент перенести на определенные виды информационной продукции, разрабатывая стандарты предприятия на библиографические указатели и БД; досье; конъюнктурно-коммерческие и маркетинговые обзоры и т. д., отражая в них:

- название и описание продукции на языке, понятном пользователю;
- характеристику информационных ресурсов, используемых при подготовке продукции, и обеспечиваемое таким путем её качество;
- время подготовки продукции (сроки выполнения заказа);
- сервисные характеристики;
- профессиональный уровень сотрудников – создателей продукции;
- условия предоставления (на платной или бесплатной основе) в зависимости от гарантируемых качеств;
- возможные варианты сервисного сопровождения продукции после предоставления её пользователю (актуализация БД, дополнение указателя по уточненным запросам, расширение круга организаций, деятельность которых изучалась и т. д.).

Соответственно, аналогичные сведения следует требовать у других участников информационного рынка в случае приобретения у них продуктов или услуг. Таким образом, осознание значимости качества продукции положительно скажется как на культуре производства, так и на культуре потребления информационных услуг [9].

Укажем еще раз на особенности регламентирования обслуживания, проявляющиеся в случае изучения его сквозь призму сервиса. В стандарты или положения на определенные виды услуг должно быть заложено их качество и показано, каким путем оно достигается. Причем эти документы необходимо делать понятными потребителю, снимая тем самым асимметрию в представлениях пользователя и

производителя относительно возможностей и характеристик одной и той же информационной продукции.

Рассмотрим далее такой важный компонент любого сервиса как вежливость, чуткость, компетентность и доступность персонала для клиентов и эффективность их делового взаимодействия. На первый взгляд кажется, что эти требования, которые всегда предъявлялись к библиотекарям и информационным работникам, специфики не имеют. Но только на первый взгляд. Дело в том, что в информационной сфере, в отличие от большинства других, существует двойная асимметрия. Будущий учащийся может не представлять себе содержание и полезность образовательных услуг. Однако преподаватель, который эти услуги предлагает, подробно и доказательно расскажет о них. Библиограф, начиная поиск по сложному запросу, или сотрудник информационной службы, приступающий к маркетинговому исследованию, сами не представляют результаты работы: может быть найден большой объем сведений, но реален и вариант их не обнаружения.

Именно поэтому уже на начальном этапе общения с пользователем чрезвычайно важно строить партнерские отношения, добиваясь «кредита доверия». Для этого надо уметь понять человека, причины его обращения к информации, определить уровень подготовленности и одновременно уметь продемонстрировать это понимание. Скажем так, что помимо профессиональных знаний и умений (быстрое вхождение в предметную область запроса, знание возможностей информационных ресурсов, умения осуществлять поиск по наиболее рациональному пути), от специалиста информационного сервиса требуется еще знания когнитивной психологии и психологии творчества, а также высокий уровень компетентности в общении. Работники других сфер сервиса доказывают свой профессионализм через знание возможностей предоставляемых услуг, а специалисты по информации – через понимание потребностей пользователей и умение соотнести их с совокупными информационными ресурсами, накопленными человечеством.

Завершая, отметим, что изучение информационного обслуживания как сервисной деятельности позволяет обозначить

В.В. Брежнева, В.А. Минкина

перспективы развития библиотек и служб информации предприятий, а также указать на те проблемы, с которыми неизбежно придется сталкиваться.

Все большая сложность и уникальность задач, решаемых в ходе научной, производственно-практической, образовательной деятельности приведет к все большей индивидуализации и усложнению информационных потребностей.

Развитие сферы сервиса и повышение комфорта услуги приведет к ужесточению требований пользователей к качеству информационного обслуживания. Осознав ценность собственной жизни, свои права и получив их подтверждение в других областях (сфере образования, медицинского обслуживания, туризма и т. д.), люди начнут ожидать такой же отдачи от информационного сервиса.

Превращение информации в основной ресурс развития постиндустриального общества уже сегодня обуславливает быстрые темпы развития информационного рынка. Успешно функционировать на нем смогут лишь те библиотеки или информационные службы, которые окажутся в состоянии обеспечить конкурентоспособность предлагаемых продуктов и услуг.

Литература

1. **Блюменау Д.И.** Информация и информационный сервис / Д.И. Блюменау. – Л.: Наука, 1989. – 192 с.

2. **Дворкина М.Я.** Информационное обслуживание: социокультурный подход /

М.Я. Дворкина. – М.: ИПО «Профиздат», 2001. – 112 с.

3. **Коробкова С.Н.** Сервисная деятельность: Учеб. пособие / С.Н. Коробкова, В.И. Кравченко, С.В. Орлов и др. – СПб.: СПбГУАП, 2002. – 160 с.

4. **Окрепилов В.В.** Управление качеством: Учебник / В.В. Окрепилов. – М.: ОАО «Изд-во Экономика», 1998. – 639 с.

5. **Песоцкая Е.В.** Маркетинг услуг / Е.В. Песоцкая. – СПб.: Питер, 2000. – 160 с.

6. **Софина Т.Н.** Сфера услуг: трансформация в рыночной экономике / Т.Н. Софина. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. – 129 с.

7. **Спицнадель В.Н.** Система качества: Учеб. пособие / В.Н. Спицнадель. – СПб.: Бизнес-пресса, 2000. – 336 с.

8. **Федцов В.Г.** Культура сервиса: Учеб.-практич. пособие для студ. и спец. сферы сервиса / В.Г. Федцов. – М.: Приор, 2001. – 208 с.

9. **Чазова С.А.** Проблема качества на рынке информационных продуктов и услуг / С.А. Чазова // Парадигмы XXI века: информ. общество, информ. мировоззрение, информ. культура: Матер. междунар. науч. конф. – Краснодар, 2002. – С. 209–211.

10. **Шапиро Э.Л.** О путях уменьшения неопределенности информационных запросов / Э.Л. Шапиро // Науч.-техн. информация. Сер. 1. – 1975. – № 5. – С. 3–7.

О.Н. Ильина

Личные библиотеки как источник по истории культуры

Личные библиотеки как оригинальные и ценные историко-культурные источники ужे давно привлекают внимание исследователей. Литература о личных библиотеках обширна и разнообразна. Условно можно представить все многообразие исследований о личных библиотеках в виде двух потоков: собственно книговедческие исследования, в которых накапливались и систематизировались сведения о личных книжных собраниях, и отраслевые исследования, где материалы о личных библиотеках использовались в качестве источника для решения конкретных задач в рамках различных гуманитарных областей. Логично было бы предположить, что «книговедческий поток» естественным образом сливаются с потоком «общегуманитарным», представляя разнообразный и обильный материал для дальнейших научных построений и выводов. Но в реальной практике исследований книговедческий и отраслевые потоки «текли по параллельным руслам», лишь эпизодически сближаясь и пересекаясь.

Многочисленные книговедческие публикации по данной теме давали преимущественно лишь количественный прирост сведений: изучались отдельные книжные собрания, издавались каталоги личных библиотек видных деятелей науки и культуры, предпринимались попытки реконструкции утраченных библиотек, анализировались разнообразные записи на книгах, пристально рассматривались отдельные экземпляры изданий, входивших в то или иное собрание. Были созданы и обобщающие книговедческие исследования, построенные на анализе личных книжных собраний, среди них выделяются, признанные классическими, работы С.П. Луппова [9, 10, 11]. Однако, огромный фактический материал о личных библиотеках, накопленный в результате книговедческих исследований, не использовался в полной мере в гуманитарных исследованиях, а личные библиотеки до сих пор не заняли должного места в источниковедческом спектре историко-культурных исследований.

Лишь в литературоведении изучение личных библиотек имеет давние и плодотворные традиции. Личные библиотеки писателей активно изучаются в России уже на протяжении века. Ученые-филологи обращаются к этому источнику для изучения влияний и заимствований, творческой истории произведений, литературных взаимосвязей, для уточнения фактов биографии и творчества писателя и т. д. В некоторых случаях исследование личной библиотеки, как это стало с изучением библиотеки В.А. Жуковского, привело к изменению представлений научного сообщества о процессе формирования жанровой системы русского романтизма. Показательно также появление специальных филологических исследований, предметом которых является именно личная библиотека писателя в качестве источника изучения его жизни и творчества [2, 7, 12].

Примеры использования личных библиотек в качестве историко-культурного источника в других областях гуманитарного знания встречаются в отечественных исследованиях крайне редко¹.

«К сожалению, до сих пор результаты многочисленных книговедческих исследований, оставались преимущественно в сфере историко-книговедческой же проблематики», – писал еще в 1972 году А.С. Мыльников. Применительно к вопросам изучения личных библиотек его утверждение справедливо и спустя тридцать лет.

В данной статье предпринимается попытка показать (в первом приближении) особенности личных библиотек как историко-культурного источника. Необходимость рассмотрения личных библиотек с позиций источниковедения в современной теоретико-познавательной ситуации обус-

¹ В.А. Щученко, отмечая, что такого рода исследования практически не ведутся в России, посчитал необходимым познакомить отечественных исследователей с опытом французского ученого А.-Ж. Мартэна, в фундаментальном труде которого материалы личных библиотек были использованы для решения историко-философских задач, для изучения возникновения новых культурных явлений во Франции XVII в. (См.: Щученко В.А. К вопросу о методологии изучения движения книги // Проблемы методологии и методики изучения библиотечной отрасли: Сб. науч. трудов СПбГАК. Т. 144. – СПб., 1994. – С. 50–58).

О.Н. Ильина

ловлена прежде всего логикой развития гуманитарного знания. Сегодня специалисты-гуманитарии обращаются к историческим источникам, следуя принципу «признания чужой одушевленности». Антропологически ориентированная парадигма гуманитарных наук предполагает целостное познание человека в обществе и во времени. Источниковедение становится интегрирующей дисциплиной в системе гуманитарного знания, а «исторический источник выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов» [6, с. 7].

Единодушное признание специалистами-гуманитариями личной библиотеки в качестве важного историко-культурного источника до сих пор не подкреплено серьезным рассмотрением этого источника в ряду других и определением его особых источниковых функций. Показательны в этой связи замечания о роли исторических источников, хранящихся в библиотеках, в одном из самых обстоятельных учебных пособий по источниковедению: «Они выступают как источники исторической информации и одновременно как исторические источники» [6, с. 149]. И далее авторы данного учебного пособия отмечают: «Изучение социального состава владельцев книги, круга их чтения, отношения к книге в разное время, в различных общественных слоях, регионах, конфессиях выводит исследователя на постановку новых междисциплинарных проблем коллективной психологии, менталитета, культурологии» [6, с. 150]. Процитированными строками ограничивается косвенная характеристика источниковедческого значения личных библиотек: они не названы даже в ряду других источников. Между тем, в этом же учебном пособии обстоятельно характеризуются разнообразные группы исторических источников, прослеживаются типологические изменения корпуса источников в различные периоды истории, рассматриваются методы их изучения. Такое невнимание авторов к личным библиотекам вполне объяснимо: в исследовательской литературе личные библиотеки с позиций источниковедения до сих пор специально не изучались.

Вместе с тем, для осмыслиения источниковых функций личных библиотек чрезвычайно важными являются те работы, где с источниковедческих и культурологичес-

ких позиций рассматривается феномен книги. В ряду таких работ следует, прежде всего, назвать исследования А.С. Мыльникова [13, 14, 15, 16, 17]¹. По мнению ученого, «книга может выступать по крайней мере в двух качествах – либо как аккумулятор информации (книга как инструмент в научной работе), либо как памятник письменности и печати (книга как источник)» [16, с. 20]. Определяя книгу как своеобразный синтезирующий компонент культуры, являющийся продуктом как духовного, так и материального производства, А.С. Мыльников считал, что основной задачей историко-культурных и историко-библиографических исследований личных книжных собраний должно быть раскрытие через книгу духовных ценностей эпохи и порожденного ею типа человеческой личности. Предложенная им «формула» исследований предполагает изучение репертуара книги данной эпохи – изучение истории данного книжного собрания – изучение данного экземпляра книги [16, с. 40]. С одной стороны – поэкземплярное изучение состава библиотеки, с другой – ее комплексное рассмотрение (история, тематика, соотношение книг по отдельным отраслям знания, характер организации и т. д.). Не останавливаясь на особенностях, предложенной А.С. Мыльниковым книговедческой методики анализа, как отдельной книги, так и книги в составе того или иного собрания, отмечу, что он является автором статьи «Каталоги личных библиотек ученых как историко-культурный источник» [14], также представляющей несомненный интерес с точки зрения рассмотрения личных библиотек в качестве исторических источников. В работах О.Г. Ласунского, В.И. Харламова [8, 23] и ряда других авторов также затрагиваются источниковедческие аспекты изучения личных библиотек, но ничего принципиально отличного от позиции А.С. Мыльникова работы названных авторов не содержат.

Положение о двойственном характере книги (источник информации и исторический источник одновременно) применитель-

¹ Во время работы над данной статьей пришло печальное известие о кончине А.С. Мыльникова. Блестящий историк культуры, этнограф, книговед, Александр Сергеевич, пожалуй, как никто из его современников, много сделал для сближения источниковедения и книговедения, для культурологического осмысления явления книги, для определения подходов к изучению личных библиотек.

Личные библиотеки как источник по истории культуры

но к изучению личных книжных собраний чрезвычайно плодотворно, при всей, казалось бы, его очевидности и бесспорности. Если в первый период своей истории (при жизни владельца), личная библиотека – прежде всего источник получения информации (профессиональной, эстетической), то во втором периоде источниковые функции становятся преобладающими. Личное собрание выступает свидетелем времени, становится историко-культурным источником, к которому чаще обращаются не за той информацией, которую дает содержание книг, а за той, которая возникла в результате жизни библиотеки. Особую значимость приобретают такие характеристики, которые делают ее уникальной: не-повторимое сочетание книг, индивидуальные переплеты, конволюты, экслибрисы, пометы, владельческие и дарственные надписи, вложения, следы чтения. Вместе с тем, информация, заключенная в книгах собрания, также приобретает важную характеристику – принадлежность к данному собранию: содержание книги может восприниматься и интерпретироваться именно сквозь призму принадлежности.

В особую группу источников выделяются в источниковедении разнообразные записи на книгах. Этот вид источников достаточно обстоятельно рассмотрен в специальной литературе: разработана систематизация записей, охарактеризованы особенности различных групп записей и их источниковые функции, показаны возможности использования материалов записей в исторических исследованиях¹ [1, 3, 4, 18, 19, 20, 22]. Специалисты неоднократно подчеркивали, что историческая информация, заложенная в маргиналиях, значительно шире круга интересов только книговедческой науки, подтверждая данное положение оригинальными исследованиями записей на конкретных экземплярах книг. Большинство работ посвящено рассмотрению записей на рукописных и первопечатных книгах безотносительно к тому, в составе каких собраний (личных или общественных) эти книги находятся. Лишь в последнее время усилился интерес к изучению следов чтения и записей

на книгах (владельческих и дарственных) из личных книжных собраний.

Даже столь краткое обозрение имеющихся книговедческих и источниковедческих исследований, в которых затрагиваются вопросы изучения личных библиотек, показывает, что до настоящего времени, по крайне мере, в отечественной литературе, личные библиотеки специально не рассматривались в ряду источников, характеризующих отдельные периоды и особенности отечественной культуры.

В источниковедении источник определяется как продукт (материально реализованный результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о человеке и обществе. Личная библиотека является результатом целенаправленной собирательской деятельности ее владельца, а деятельность по созданию библиотеки, в свою очередь, обусловлена другими видами деятельности человека, стремившегося решать важные для себя проблемы. Очевидно, что чем более осознанно и целенаправленно формировалось то или иное книжное собрание, тем большую ценность оно представляет в качестве объекта исторического познания.

Другая особенность личных библиотек как историко-культурного источника заключается в том, что на всем протяжении письменной истории человечества они аккумулировали в себе другие виды письменных источников различных периодов, представлявших ценность для конкретной личности определенного времени. Если состав фонда общественных библиотек в рамках определенного периода и определенного региона достаточно стабилен, то состав личных библиотек дает более целостное представление о разнообразии культурных устремлений своего времени. И чем значительнее личность владельца библиотеки, тем сложнее выделить типические характеристики его библиотеки. Практика изучения личных библиотек показывает, что типичные книжные собрания чаще всего используются для изучения уровня развития культуры в целом, то есть для получения данных об обществе: обращение к личным библиотекам известных людей (государственных деятелей, писателей, ученых и т. д.) в большей степени отвечает задачам исследований в области персонологии, то есть позволяет полу-

¹ Среди многочисленных публикаций по данной теме сошлись лишь на те, в которых записи на книгах рассматриваются в качестве исторического источника.

О.Н. Ильина

чить оригинальные данные о конкретном человеке.

Не будет большим преувеличением сказать, что из всего вещного окружения человека, закончившего свой земной путь, личная библиотека наиболее ярко представляет духовный облик своего владельца, является его портретом и отражает неповторимый путь личности в пространстве культуры. «Собрание неотделимо от собирателя, это его микрокосм, овеществленная модель его личной культуры, особое средство освоения и интериоризации истории и культуры человечества», — отмечал известный библиофил и исследователь феномена собирательства М.В. Рац [21, с. 215]. Творческие достижения личности (научные труды, художественные произведения, изобретения и т. д.) представляют вершину айсберга, то, что автор посчитал необходимым явить миру, а книги личной библиотеки позволяют рассмотреть подводную часть, хранящую следы творческих и духовных исканий личности.

Личные библиотеки являются одним из наиболее информативных источников для познания неповторимых черт личности и процесса создания новых культурных ценностей. Принцип понимания одного человека другим через посредство текста произведения, определяющий специфику гуманитарного познания, ограничен и для явления личной библиотеки. Уникальность этого источника постепенно осознается в научной среде. Исследования последних лет демонстрируют возможности использования материалов личных библиотек в различных направлениях историко-культурных исследований: взаимовлияние и взаимодействие культур, историческое портретирование, психология творчества, распространение культурных ценностей. Показательно, например, замечание Б.С. Илизарова: «Источников, непосредственно отражающих скрытую интеллектуальную и духовную жизнь человека, почти нет. Лишь прерывающимся пунктиром обозначают некоторые внутренние процессы черновые и подготовительные материалы людей, привыкших излагать свои мысли на письме, сюда же примыкают зафиксиро-

ванные спонтанные комментарии и высказывания <...> но именно они дают возможность историку заглянуть в душу своего героя» [5, с. 184]. К «спонтанным комментариям и высказываниям» ученый относит, прежде всего, маргиналии на книгах личной библиотеки. На основе тщательного анализа состава личной библиотеки И.В. Сталина и содержания его помет и записей на книгах автор приходит к интересным выводам, позволяющим по-новому осмыслить личность «отца народов», его поступки и их мотивы.

Сложность включения личных библиотек в существующие классификации исторических источников объясняется, прежде всего, их синтетическим характером: личная библиотека как единое целое обладает разнообразными источниками функциями и одновременно включает в себя рукописные и печатные источники, имеющие самостоятельную ценность. В свою очередь, отдельные экземпляры книг личной библиотеки, отражая историю их бытования в культурной среде и в составе конкретной библиотеки, также могут содержать в себе различные письменные источники (экслибрисы, маргиналии, вложения, закладки и т. д.).

С одной стороны, личные библиотеки следует отнести к вещественным источникам, с другой — они содержат целый комплекс письменных источников.

С точки зрения традиционного деления исторических источников на остатки и предания можно говорить о том, что личная библиотека является реальным воплощением времени и ее создателя (остатки), но одновременно и отображением того или иного исторического периода, явления через призму собирательской деятельности (предания). Создатель библиотеки сознательно отбирает воплощенные в книге культурные ценности, как своего времени, так и прошлого. Вместе с тем, нельзя забывать о функциях личной библиотеки как источника информации, заключенной в книгах библиотеки.

Многоуровневый характер личной библиотеки как исторического источника можно представить следующим образом:

Личные библиотеки как источник по истории культуры

Источник	Характеристики	Какие сведения дает историку культуры	Направления культурологических исследований
Группа личных библиотек, выделенных на основании одного или нескольких признаков (период, регион, социальная и профессиональная принадлежность владельца, тип собрания и т. д.)	Количество библиотек в выбранных группах, средний объем, типичные черты, набор изданий по содержанию, хронология, языкам и т. д. Пути миграции книги внутри группы и за ее пределами.	Об уровне образованности различных профессиональных и социальных слоев, об уровне развития книгоиздания и книгоподобия, о движении книги в различных слоях общества, в различные периоды, о ценностно-познавательных ориентациях общества, об особенностях потребления книги, о проникновении иностранных, религиозных, эстетических, философских и др. влияний.	Социолого-культурологические, историческая диффузия культур, культурогенез, культурные контакты
Отдельная личная библиотека, как целостное историко-культурное явление	Количественная (объем), принадлежность (сведения о владельце), состав (распределение по отраслям знания, видам и типам документов), географические, языковые и хронологические характеристики, внешние характеристики (наличие специальных переплетов, экслибрисов и т. д.), размещение, условия хранения, особенности и история формирования (источники комплектования библиотеки), наличие в собрании свидетельств принадлежности к той или иной социальной, профессиональной группе, научному сообществу, художественным и политическим направлениям (дары, оттиски статей, препринты, конволюты, особые группы документов - нелегальные и запрещенные издания, самиздат и т. д.)	Сведения о владельце как читателе, книгомиле, библиофиле, состав и круг чтения, факты заимствований и преемственности, традиций и влияний, творческих и профессиональных связей, эстетические характеристики, политические взгляды, материальное положение и т. д.	Историческая персонология, диалог культур, социология личности, история идей, открытый, хранение и трансляция культурных ценностей.
Отдельные экземпляры книг, рукописей, конволюты, входящие в состав библиотеки	Переплет, экслибрис владельца библиотеки, сведения о прежних владельцах (владельческие записи, штампы, экслибрисы), дата и история поступления экземпляра в данное собрание, наличие дарственных надписей.	История (судьба) отдельной книги, факты жизни и творчества владельца, сведения о контактах (творческих, личных, профессиональных и т. д.)	Историческая персонология, диалог культур, социология личности, история идей, открытый, хранение и трансляция культурных ценностей. Психология творчества, историческая персонология, диалог культур, социология личности
Записи на книгах: владельческие, дарственные, следы чтения, вложения, закладки, выписки, записи дневникового характера, творческие тексты.	Характер записей, наличие исправлений, редакторской правки, условных обозначений, подчеркиваний и отчеркиваний, других способов выделения текста, наличие творческих текстов, изобразительных материалов.	Особенности восприятия текста, психологические характеристики личности (темперамент, система ценностей и т. д.). Отношение к современникам и предшественникам, менталитет, аллюзии и реминисценции, заимствования и влияния, другие виды взаимодействия, факты биографии.	Психология творчества, историческая персонология, диалог культур, социология личности

О.Н. Ильина

Резюмируя сказанное, можно выделить следующие особенности личных библиотек как источников для изучения истории культуры:

- личные библиотеки – синтетический, многоуровневый источник, аккумулирующий в себе различные типы вещественных и письменных источников;
- при использовании личных библиотек в качестве историко-культурного источника особую значимость имеют те характеристики личных библиотек, которые они приобрели в процессе своего бытования в пространстве культуры; книги личной библиотеки как источник информации также приобретают особую характеристику – принадлежность к тому или иному собранию.
- для некоторых направлений культурологических исследований (история трансляции культуры, культурные контакты, диалог культур, история менталитета, историко-культурологическая психология, социология культуры) личные библиотеки являются уникальным источником, так как непосредственно отражают эмоциональные, интеллектуальные проявления личности, процесс освоения, распространения и возникновения культурных ценностей;
- использование личных библиотек в качестве историко-культурного источника может стимулировать новые направления междисциплинарных исследований, связанных с изучением культурных коммуникаций;

Можно предположить, что в период активной культурологизации гуманитарного знания, значимость изучения личных библиотек возрастет, что позволит по-новому взглянуть на идею преемственности в культуре и полнее раскрыть пути творческого освоения культурных ценностей.

Литература

1. **Бакланова Н.А.** Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры / Н.А. Бакланова // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. – С. 197–205.
2. **Балыкова Л.А.** Мемориальная библиотека И.С. Тургенева как источник для изучения биографии и творчества писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Балыкова; ИРЛИ РАН. – СПб., 2003. – 22 с.
3. **Будагова Л.Н.** Дарственные надписи на книгах как источник культурно-исторической информации / Л.Н. Будагова // Книга в пространстве культуры: Тезисы докл. / Ин-т славяноведения и балканстики. М., 1995. – С. 10–13.
4. **Голева О.П.** Некоторые аспекты изучения надписей на книгах / О.П. Голева // Буканистическая торговля и история книги. М., 1990. Вып. 1. – С. 157–161.
5. **Илизаров Б.С.** Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива / Б.С. Илизаров // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3. – С. 182–205.
6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
7. **Каскина Ю.У.** Шахматовская библиотека А.А. Блока как источник изучения его жизни и творчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.У. Каскина; МГУ. – М., 1996. – 22 с.
8. **Ласунский О.Г.** История библиофильства как отрасль книговедения / О.Г. Ласунский // Проблемы рукописной и печатной книги. – М., 1976. – С. 53–62.
9. **Луппов С.П.** Книга в России в первой четверти XVIII века / С.П. Лупов. – Л.: Наука, 1973. – 363 с.
10. **Луппов С.П.** Книга в России в послепетровское время: 1725–1740 / С.П. Лупов. – Л.: Наука, 1976. – 379 с.
11. **Луппов С.П.** Книга в России в XVII веке: Книгоиздательство, Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки / С.П. Лупов. – Л., 1970. – 224 с.
12. **Макарова Е.А.** Круг чтения как отражение культурной интуиции писателя: (На материале библиотеки Н.С. Лескова) / Е.А. Макарова // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1997. – Вып. 19. – С. 98–100.
13. **Мыльников А.С.** История книжных собраний как отрасль книговедения / А.С. Мыльников // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Секц. теорет. проблем библиофильства: Тез. докл. – М., 1974. – С. 6–8.
14. **Мыльников А.С.** Каталоги библиотек ученых как историко-культурный источник / А.С. Мыльников // Сов. библиогр. – 1986. – № 5. – С. 38–44.
15. **Мыльников А.С.** Книга и культура / А.С. Мыльников // Книга и культура: Сб. статей. – М., 1979. – С. 3–16.
16. **Мыльников А.С.** Книга как объект источниковедения / А.С. Мыльников // Источниковедение отечественной истории. – М., 1976. – С. 70–74.
17. **Мыльников А.С.** О книговедческом методе в источниковедении: (к постановке вопроса)

Личные библиотеки как источник по истории культуры

- роса) / А.С. Мыльников // Книга: Исслед. и материалы. Сб. 25. – М., 1972. – С. 8–21.
18. **Поздеева И.В.** Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник / И.В. Поздеева // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. – М., 1978. – С. 39–54.
19. **Поздеева И.В.** Конкретно-исторические знания и искусство истории (Историческая информация записей на книгах) / И.В. Поздеева // Книга: Исслед. и материалы. Сб. 71. – М., 1995. – С. 97–115.
20. **Пушкирев Л.Н.** Записи на книгах как источник по истории культуры (На материале книг Симеона Полоцкого) / Л.Н. Пушкирев //
- Археографический ежегодник за 2000 год // М., 2001. – С. 115–128.
24. **Рац М.В.** О собирательстве: заметки библиофила / М.В. Рац. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 350 с.
22. **Семенова Г.Ю.** Об интересах читателей XVII века по материалам записей в книгах: Опыт применения корреляционного анализа / Г.Ю. Семенова // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 169–178.
23. **Харламов В.И.** К вопросу об истории книги как историко-культурной дисциплине / В.И. Харламов // Книга: Исслед. и материалы. Сб. 53. – М., 1986. – С. 43–51.

Г.В. Михеева

Ретроспективная библиография периодических изданий в 1917 – 1921 гг.

Очевидно нет особой необходимости специально обосновывать важность и значение учета периодических изданий. Именно периодика сохраняет для нас летопись текущих событий своего времени, остроту их восприятия современниками, polemический пафос в обсуждении тех или иных общественно значимых проблем. На страницах периодических изданий, как правило, помещены статьи, посвященные новым открытиям в науке и технологии. Можно было бы приводить еще немало доводов в обоснование важности учета периодических изданий и создания как современных им библиографических пособий (текущая библиография), так и последующего выявления подобных изданий «вглубь истории» (ретроспективная библиография).

Во все времена не менее, чем свод национальной книги, ученых и библиографов волновал и репертуар периодических изданий России. Неоднократно в XIX в. предпринимались попытки дать отчетливое и полное представление о том, что же являла собой русская журналистика, подчеркнуть ее органическую связь с научной, литературной и общественной жизнью страны. В первую очередь это стремилась сделать текущая библиография периодических изданий.

В разные исторические периоды в российской библиографии уделялось неодинаковое внимание текущей и ретроспективной библиографии периодических изданий, их удельный вес, соотношение того и другого вида менялись. Общей закономерностью можно считать превалирование текущего учета периодики над ретроспективным в периоды исторических общественных потрясений (войн, революций, смены режимов власти и т. п.). Это вполне объяснимо: периодика, как отмечалось, оперативно отражает события – отсюда резкий рост числа периодических изданий в подобные периоды, прекращение старых, возникновение новых, их недолгое бытование, замена другими и т. д. В ответ на требования времени текущая библиография стремится учесть весь калейдоскоп современной периодики, документально зафиксировать ее существование, сохранить информацию о ней для будущих поколений. Напротив, в условиях «общественной стабильности», когда ритмично и регулярно выходят периодические издания и наложен их текущий учет, библиографы обращают свои взгляды в прошлое, стремятся заполнить образовавшиеся там лакуны в ретроспективном учете этого вида изданий, говоря образно, «остановиться и оглянуться». В исторически нестабильные периоды ретроспективная

Г.В. Михеева

библиография как бы отходит на второй план. Кроме того, материально-техническая база библиографии при исторических коллизиях, как правило, подвергается серьезным нарушениям и испытаниям. Особенно это касается ретроспективной библиографии.

Вот почему такой интерес вызывает и такую важность представляет исследование ретроспективной библиографии, как бы отодвинутой на второй план, в период исторических потрясений. Как правило, она недостаточно привлекает внимание исследователей, и ее анализу отводят незаслуженно скромное место. Все это в полной мере касается ретроспективной библиографии периодических изданий в период революций 1917 г. и последующих лет Гражданской войны, т. е. интересующего нас периода.

Выделим некоторые существенные вехи в истории ретроспективной библиографии периодики предшествующих периодов и проанализируем, какова же была ситуация в этом виде библиографии в 1917 – 1921 гг.

В середине 40-х годов XIX в. обстоятельное хронологическое описание русских периодических изданий с указателем напечатанных в них статей было выполнено Н.И. Билевичем. Готовый к 1847 г., труд так и не был опубликован¹. По справедливой оценке Н.В. Здобнова, «во второй половине XIX века начинается расцвет библиографии периодических изданий»². В 1874 г. был доведен до конца и опубликован классический труд А.Н. Неустроева «Историческое розыскание о русских по времененных изданиях и сборниках за 1703 – 1802 гг.»³. Труд Неустроева, по аналогии с работой Билевича, исчерпывающе раскрывал содержание каждого тома/номера периодического издания в той последовательности, как они приводились в журналах. Хронологические рамки Неустроев ограничил первым столетием существования отечественной повременной печати, расположив 138 названий журналов, газет и сборников, выходивших на русском языке, в хронологическом порядке их возникновения. В описании отражены точные названия периодики, место, порядок и время выхода издания; указаны фактически выпущенное число томов и номеров, издатели, редакторы, важнейшие сотрудники, программы изданий; отмече-

на их преемственность; кратко изложена история; раскрыты многие псевдонимы и криптонимы.

Ценность указателя Неустроева еще более возросла после публикации Л.Н. Майковым поправок и дополнений к «Историческим розысканиям»⁴.

В 1898 г. вышла имеющая самостоятельное значение вторая часть труда Неустроева под заглавием «Указатель к русским по времененным изданиям и сборникам за 1703 – 1802 гг. и к Историческому розысканию о них»⁵. Эта часть представляла собой словарный указатель всех статей, помещенных в журналах и сборниках XVIII в. и включенных в «Историческое розыскание».

В 1890-х гг. В.И. Срезневский и Н.М. Лисовский практически одновременно начали работу по составлению репертуара русской периодики за весь период ее существования. Итогом деятельности Срезневского стало корректурное издание небольшим тиражом «Списка русских по времененных изданий с 1703 по 1899 год со сведениями об экземплярах, принадлежащих Библиотеке имп. Академии наук»⁶, в целом отразившее 3124 названия. Описания в нем содержат заглавия и подзаголовки изданий, место и даты выхода, преемственность. Остальные сведения не приводятся.

Лисовский работал над своим трудом в течение 25 лет. Результатом явился фундаментальный, капитальный, до сих пор сохранивший свое значение указатель «Русская периодическая печать»⁷, в котором дан полный перечень русских периодических изданий за 1703 – 1900 гг.⁸ Вплоть до 1917 г. Лисовский продолжал собирать материал по статистике русской периодической печати за 1901 – 1915 гг.⁹ В докладе Л.В. Булгаковой на II Всероссийском библиографическом съезде отмечалось, что «в Институте книговедения имеется продолжение труда Н.М. Лисовского, его же список журналов 1900 – 1912 гг. и журнальная картотека С.А. Венгерова»¹⁰. Тем самым можно утверждать, что ретроспективная библиография периодических изданий России подошла к 1917 г. с крупными, как ни в одном, пожалуй, другом виде библиографии, успехами.

Текущий учет периодических изданий, осуществлявшийся Книжной палатой после Февральской революции, сколь бы не-

Ретроспективная библиография периодических изданий в 1917 – 1921 гг.

полон он ни был, позволил подготовить в этот период и издать соответственно в 1919 и 1922 гг. два капитальных библиографических указателя. Оба они были составлены Л.К. Ильинским. «Теперь я все-цело ушел в библиографию», – писал он П.Н. Сакулину 22 июня 1919 г.¹¹

В известной мере Ильинский объяснял некоторое отставание в их публикации следующими обстоятельствами: при описании книг и повременных изданий наблюдается большая разница, «в силу условий жизни (периодических. – Г. М.) изданий, их появления в свет и выявления физиономии газеты и журнала публикация о них может быть дана лишь значительно позднее их появления»¹².

За весь 1917 г. в «Книжной летописи» зарегистрировано 293 названия периодических изданий. «Список повременных изданий за 1917 год, Ч. 1. Алфавитный список повременных изданий»¹³ включил около 4000 названий¹⁴. Так и не опубликованная вторая часть указателя должна была содержать обзор изданий по времени и месту выхода, по издающим организациям, указатель имен редакторов, членов редколлегий, издателей. Известно, что вторая часть была подготовлена и в ее составлении принимали участие С.М. Бонди, А.Л. Слонимский и другие сотрудники Палаты¹⁵.

В марте 1918 г. Л.К. Ильинский для внутреннего использования в Палате подготовил инструкцию «Сведения, заносимые на карточки для сокращенного списка повременных изданий за 1917 г.»¹⁶ Она также широко рассыпалась в местные отделения Палаты и использовалась ее представителями. Одновременно Ильинский подготовил еще две подробные инструкции – одну для работ по библиографическому, более детальному, описанию периодики (аналитическая роспись статей), и одну – для регистрации повременных изданий. Все три инструкции были опубликованы в преамбуле к «Списку...» за 1917 г.¹⁷ Палата впервые наложила регистрацию периодики на научной основе. Она велась по строго определенной системе, выработанной Палатой, сообразно тем требованиям, какие могли быть предъявлены к научному регистрационному списку, а именно: обеспечение полноты предоставляемых сведений, объективности данных об изданиях, в т. ч. о его

направленности; точности (принята система ссылок на источники, откуда заимствованы те или иные сведения). Данные об изданиях собирались в том числе и из обзоров, помещенных в самой периодике.

Все три инструкции давали возможность составлять максимально полное библиографическое описание каждого повременного издания. Однако тяжелое финансовое положение Палаты не позволяло даже надеяться на напечатание полных библиографических описаний, таким образом дело ограничилось лишь списками повременных изданий за 1917 и 1918 г., в которых отражены самые основные сведения об изданиях¹⁸.

Только в 1922 г. удалось опубликовать в кумулированном виде «Список повременных изданий за 1918 год»¹⁹. Публикуя на страницах «Книжной летописи» в 1918 и 1919 г. «Предварительный список», Ильинский, по его словам, имел «целью вызывать сообщения дополнительных сведений с мест от лиц, интересующихся работой над повременными изданиями»²⁰.

Источников для составления «Списка повременных изданий за 1918 год» было несколько. Один из них – «Бюллетень Информационного отдела Контрагентства ВЦИК Советов Р.С. и Кр. Депутатов», в первом номере которого помещен «Список всех газет, выходящих в Советской России»²¹. В этом списке учтено 246 назв. газет, выходивших в разных городах. В том же номере помещен и «Список журналов», из них 79 названий выходило в Москве и 27 – в Петрограде²². Списки были весьма примитивными – дан простой перечень названий с указанием города, другие сведения отсутствовали. По мнению Ильинского, перечень изданий в них случайный, далеко не охватывающий всей территории государства, во многих заглавиях имелись ошибки.

Неточностью сведений отличался и второй источник – присланный в рукописи «Список Киевской Книжной палаты», отражавший информацию лишь о попавших в Киевскую палату номерах без всякой попытки сообщить данные о начале выхода издания²³. Как отмечал Ильинский, «наиболее точный и обстоятельный список был прислан Самарской Книжной палатой, давшей сведения, хотя и неполные, о казанских, симбирских, самарских, саратовских и оренбургских изданиях»²⁴. На

Г.В. Михеева

основе присланных данных по инструкциям Палаты можно было составлять необходимые описания. Еще один источник, «Список калужской прессы», присланный Д.И. Малининым, представлял собой дополнение опубликованного «Предварительного списка»²⁵.

Выявлялись дополнительные сведения об украинской и сибирской прессе. Данные об украинской печати были получены из журнала «Книгар»²⁶. Однако материала в нем отражено меньше, чем в рукописном списке Киевской Книжной палаты, но в смысле полноты сведений и их точности данные были, безусловно, ценнее. Впрочем и сведения «Книгара» были неравномерны. Как и в «Предварительном списке», часть данных в нем получена из объявлений, рецензий в журналах, хроники и пр. Особенно в этом отношении оказался ценен «Реєстр української періодичної преси за 1918 рік»²⁷, однако данные его были предельно кратки.

К числу источников Ильинский относил и «Книжную летопись Иркутска за годы революции (1917 – 1919 гг.)»²⁸. В ней помещен список периодических изданий за 1918 г. В список включены 72 названия газет и журналов. Поршнев работал над своим списком обстоятельно и тщательно: «Составленный на месте своеевременно список дает часто очень ценные сведения о таких изданиях, которые совершенно при других условиях исчезли бы от учета, как, напр., сведения о конфискованных в типографиях изданиях, изданиях, отпечатанных на пишущей машинке, гектографе и т. д.»²⁹.

Кроме этих источников, сведения о повременных изданиях извлекались из всевозможных газет и журналов: из объявлений, хроникерских заметок, обзоров и т. д.

И наконец, ряд изданий был описан de visu по материалам, поступившим в Палату. Однако в этот период изменилась и сама периодика: по мнению Ильинского, была утрачена привычная культура изданий, отсутствовали указания на порядковый год изданий, фамилии редакторов скрыты за всякими «редакционными комитетами» и «коллегиями». Вместо издателей указаны «совет», «союз», «отдел» и т. д.³⁰

По мысли составителя, важно было характеризовать повременные издания с точки зрения их направления и содержания³¹.

Для этого он отказался от схематического деления по отраслям, а привел цитаты из самих журналов и газет, лозунги, части издательских программ, передовых статей. Названия газет и журналов, выходивших на языках народов России, в «Списках...» за 1917 и 1918 г. переданы в русской транскрипции. Во всех случаях, когда издания включались без проверки de visu, указан источник, из которого были получены сведения. «Список...» за 1918 г. снабжен вспомогательными указателями: «Список повременных изданий по месту выхода» и «Именным указателем редакторов и издателей».

Таким образом, указатели Ильинского отразили соответственно более 4000 названий периодических изданий за 1917 и 2814 названий за 1918 г. Из последних, по наблюдению составителя, около 2000 собственно и возникли в самом 1918 г.³² Следует обратить внимание, что издания 1918 г. в «Списке...» приведены в новой, принятой в том году орфографии.

В предисловии к «Списку...» за 1918 г. Ильинский отмечал, что подготовлен к печати «Список повременных изданий за 1919 год»³³, число названий за этот год существенно уменьшилось.

В 1920 г. был закончен список за 1919 г. и начата работа над списком за 1920 г.³⁴ В «Списке...» за 1919 г. также приводились выдержки из программ издания журналов, отмечались изменения, произошедшие в изданиях по сравнению с 1918 г., включались сведения о рецензиях и данные о сотрудниках. Однако, как указывает составитель, «Список...» этот лежит готовым два года и «по разным причинам пролежит еще долго»³⁵. Остается только предполагать, что не только одни финансовые и полиграфические сложности не давали возможности опубликовать его. Стоит вспомнить, что 1919 г. – разгар Гражданской войны, всплеск издания периодической печати на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам³⁶, а Ильинский стремился отразить все издания, независимо от их политической направленности, и вряд ли проигнорировал такой пласт периодики. Во всяком случае «Список...» за 1919 г. так и не был опубликован³⁷.

Таким образом периодические издания 1917 – 1918 гг. учтены в указателях Ильинского несравненно полнее, чем в

Ретроспективная библиография периодических изданий в 1917 – 1921 гг.

«Летописях повременной печати» на страницах «Книжной летописи». При том, что и они считаются неполными³⁸, указатели являются ценнейшими справочными пособиями по периодическим изданиям этих лет и продолжают сохранять свое значение³⁹.

Тем не менее «Список...» за 1918 г. подвергся резкой критике М. Щелкуновым на страницах журнала «Печать и революция»⁴⁰. Сославшись на острую дискуссию московских и петроградских библиографов в 1919 – 1920 гг.⁴¹, т. е. как раз в то время, когда готовился «Список...» за 1918 г., рецензент возражал против того, что этот коллективный труд, на который, по его словам, «правительство отпускало средства», выдается за индивидуальный, «по купеческому принципу: „Лошадь везет, а извозчик на чай получает“»⁴². Подверглись самой неподобающей критике источники полученных данных (косвенные), «по наслышке»⁴³, недостаточная полнота сведений: «везде случайность сведений, плохо вяжущаяся с мнимой высокой осведомленностью Пет[р]оградской Книжной Палаты»⁴⁴. Мимоходом «критикнул» Щелкунов и «Список...» за 1917 г., составленный «по той же системе под редакцией Л.К. Ильинского, и очень небрежно»⁴⁵. Субъективизмом составителя, по его мнению, окрашено и раскрытие содержания журналов. Иронично называя Ильинского «служителем чистой науки» (в кавычках), Щелкунов подводит под свою критику идеологическую базу – Ильинский не дает программ «Правды», «Коммунара», «Известий Советов», а приводит, как бы в насмешку, самые корявые, неудачные с орографическими ошибками, например из «Еженедельника ВЧК»⁴⁶. Далее он пишет: «Зато, как своеобразно понимает свое дело наш составитель, когда дело доходит до содержания белогвардейских изданий <...>, и перепечатки статей превращаются <...> в маленькую энциклопедию антисоветской агитации»⁴⁷. В итоге Щелкунов делает вывод: работа «неизвестному нужная при таком методе составления, книга, на которую даром истрачены немалые народные деньги»⁴⁸. Критика злая, во многом несправедливая и очень опасная. Это еще раз подтверждает, что указатель за 1919 г. было уже издавать невозможно не только по экономическим соображениям.

А между тем в предисловиях к «Спискам...» изложены характер, объем и методика работы над указателями, которые видятся весьма разумными и объективными. Как уже отмечалось, в «Списке...» за 1917 г. полностью приведены тексты инструкций по регистрации и описанию периодических изданий⁴⁹. Разработку подобных инструкций следует признать одним из существенных достижений Петроградской Книжной палаты. Большое значение первой советской инструкции по описанию периодических изданий признавали даже самые беспощадные критики Книжной палаты⁵⁰.

Готовившиеся в недрах Книжной палаты капитальные библиографические труды предполагалось издавать в серии «Временники Книжной палаты»⁵¹. Во всяком случае, «Список...» за 1917 г. вышел в серии «Временников...» как вып. 2. Вообще из запланированных 14 выпусков, как минимум, 9 должны были так или иначе отражать периодические издания⁵². В действительности из трех вышедших, включая «Список...» за 1917 г., периодической печати посвящен еще один. Это указатель И.В. Яшунского «Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918 гг.»⁵³

Указатель отразил 150 названий газет и журналов, выходивших на всей территории дореволюционной России (кроме Польши и Финляндии) и состоял из разделов: Издания на разговорно-еврейском языке; Издания на древнееврейском языке; Еврейская периодическая печать на русском языке. Внутри разделов материал расположен в порядке еврейского алфавита. Названия изданий на еврейском языке приведены в русской транскрипции. Даны переводы названий и подзаголовочных сведений на русский язык. В описаниях указаны место издания, периодичность, вышедшие номера, фамилии редакторов. Во вступительной статье приведены три таблицы: «Органы печати на разговорно-еврейском языке», «Еврейские издания на русском языке», «Партийная группировка еврейских периодических изданий».

Приведены дополнения (19 назв.), обнаруженные в «Списке повременных изданий за 1917 год» и «Книжной летописи» (1918 г.). Источниками составления этого указателя, кроме архива Книжной палаты, стали фонды Российской Публичной биб-

Г.В. Михеева

лиотеки, архив Еврейского Историко-этнографического общества (Петроград), библиотека Общества просвещения евреев в Петрограде, архив Бунда в Петрограде и Киеве, материалы Еврейского комисариата в Петрограде, архив ЦК сионистской организации, архив издания «Евреи в русской революции» в Петрограде и Киеве и собрания ряда частных лиц.

В предисловии Яшунский дает обзор еврейской печати, ее состояние с 1915 г. по 1918 г.

Известно, что из остальных трудов, посвященных периодическим изданиям, Палатой в петроградский период ее существования были подготовлены обзор мусульманской периодической печати за 1917 г. под редакцией А.К. Самойловича, планировавшийся в серии «Временников» под № 7, и обзор газет, выходивших на фронте, составленный М.Л. Слонимским⁵⁴. Обзор также должен был выйти как «Временник» под № 12. Оба издания так и не были напечатаны⁵⁵.

Библиографические работы Книжной палаты, посвященные периодическим изданиям, дополнялись различными списками; среди тем, особенно привлекавших внимание составителей в связи с особенностями периода, была эмигрантская пресса. В интересующий нас период периодической печати русского зарубежья посвящены 2 обзора: «Зарубежная русская повременная печать», опубликованный У.Г. Иваском в 1917 г.⁵⁶, и «Русская печать за границей» Н.Л. Мещерякова⁵⁷.

Обзор Иваска включает около 50 названий газет и журналов, изданных на русском языке в 15 странах мира в 1855 – 1916 гг. Отражены издания различной тематики и направлений: политические, духовно-религиозные и сектантские, торго-во-промышленные, научные, газеты общего характера, предназначенные для русских, проживающих за границей.

Мещеряковым дан обзор 22 современных ему эмигрантских газет и журналов на русском языке, изданных в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Германии, Чехословакии, Франции. Для каждого издания указаны редактор и направление издания. Этот обзор уже в полном смысле касается изданий русской послереволюционной эмигрантской печати, хотя и носит оттенок сменовеховства. Это известное дополнение или обозрение изданий, включен-

ных в текущие списки А.С. Ященко⁵⁸. В его обзоре еще нет той суровой оценки, которая прозвучит вскоре в книге В. Белова «Белая печать. Ее идеология, роль, значение и деятельность»⁵⁹.

С другой стороны, библиографов привлекал и учет советской прессы. Одним из первых был «Список советских газет и журналов, выходивших в течение года (ноябрь 1917 – ноябрь 1918», опубликованный уже в 1918 г.⁶⁰ Список состоит из четырех разделов: I. Газеты (учтены только московские – 11 назв. и петроградские – 5 назв.); II. Журналы художественно-литературные (в том числе и провинциальные – 10 назв.); III. Журналы, посвященные теоретическим вопросам общего характера (3 московских назв.); IV. Специальные журналы по следующим подразделам: а) народное образование – 9 назв. (по разным городам); б) вопросы управления (3 назв. московских); в) суд и защита завоеваний революции (2 назв. московских); финансово-экономические (22 назв.) и др. В целом учтено 82 назв. журналов на русском и украинском языках. Приведено заглавие издания, адреса (иногда просто указан город), для журналов указано количество выпущенных номеров.

Существенное значение для представления о репертуаре и динамике периодической печати имели и списки, изданные в столицах. В 1920 г. они появились одновременно в Петрограде и Москве.

В справочнике «Наука в России» был опубликован «Перечень журналов, изданных в Петрограде», в котором учтено 217 названий журналов по состоянию на 1 января 1918 г.⁶¹ Особенno масштабным был указатель, опубликованный в книге «Красная Москва, 1917 – 1920 гг.». Основанный на данных Московского отделения Книжной палаты, он достаточно полно учитывал московскую и центральную периодику трех первых послереволюционных лет. Всего «Список периодических изданий, выходивших в Москве в 1918, 1919 и 1920 гг. с указанием числа экземпляров по данным Подотдела регистрации Отдела Печати (бывш. Моск. отд. Книжной Палаты)»⁶² отразил 881 назв. газет и журналов на русском и иностранных языках, соответственно: за 1918 г. – 499 назв., за 1919 г. – 240 назв., за 1920 г. – 142 назв. Материал в списке расположен в хро-

Ретроспективная библиография периодических изданий в 1917 – 1921 гг.

логической последовательности, внутри – видимо, по мере выявления материала.

Общую библиографию периодических изданий существенно дополнили ретроспективные (с разной глубиной отражения) списки и указатели местной периодики. Так, в журнале «Кооперация и жизнь» в 1918 г. был опубликован составленный П.Ф. Дубровским «Список издававшихся в Самаре газет и журналов за период с 1 января 1917 года по 1 июля 1918 года»⁶³. В списке отражено 47 названий с указанием тематики изданий, их периодичности и издающих организаций. Он в известной мере перекрывал, а в ряде случаев дополнял сведения присланных в Книжную палату неопубликованных списков самарской периодики⁶⁴.

Известный сибирский большевик, деятель партийной печати и историк В.Д. Вегман в 1920 г. опубликовал обзор «Партийно-советская пресса в Сибири»⁶⁵. Обзор изданий сделан по состоянию на июль 1919 г. Выявлено 64 названия газет и 5 журналов на русском, киргизском, татарском, украинском, немецком, венгерском, латышском, румынском, литовском и эстонском языках. Расположение тематическое, указаны направление, тираж, место издания, периодичность, читательское назначение. Сам Вегман осознавал, что «эти сведения не исчерпывают всей периодической печати Сибири»; по его мнению, «число изданий по всей Сибири, во всяком случае, превосходит сотню»⁶⁶.

Значительную ценность представляет солидный труд А.В. Адрианова «Периодическая печать в Сибири»⁶⁷. Работа представляет собой обзор периодической печати Сибири, начиная с 1790 г. Подробно изложена история периодики в ее связи с общественной жизнью. В указателе (с. 24 – 31) приведено 201 название газет и журналов, расположение материалов – по губерниям и областям (от Акмолинской области до Приморской и Маньчжурии), в их пределах – по городам. Указано название, характер издания, периодичность, место и время возникновения, тематика, издающие организации. Долгое время этот указатель находился в специальных библиотеках, что объяснялось судьбой его автора. Александр Васильевич Адрианов (1854 – 1920) – известный археолог, этнограф, публицист, общественный деятель. Долгие годы сотрудничал в «Сибирской жизни», с марта 1917 г.

по июль 1919 г. был ее редактором, входил в состав Сибирской областной думы как член ее комиссии по национальным делам, открыто придерживался антибольшевистских позиций. На страницах газеты неоднократно призывал к свержению Советской власти вооруженным путем. После прихода большевиков к власти в декабре 1919 г. он был арестован, а в начале марта 1920 г. по приговору Томской ЧК расстрелян⁶⁸. По данным Адрианова, в 1918 г. в 42 сибирских городах выходило более 200 названий периодических изданий, из которых ему удалось описать 201, а около 140 наименований он хранил в виде коллекции образцов⁶⁹. Из числа 201 назв. 27 изданий возникли в 1917 г., 146 – в 1918 г.

Обзор периодической печати Сибири дан в указателе «Периодическая печать Сибири и ее недостатки»⁷⁰. В обзоре проанализировано 40 периодических изданий (по состоянию на 1 июня 1921 г.), выходящих в 6 губерниях (Алтайской, Томской, Омской, Енисейской, Иркутской и Якутской), входящих «в сферу действий Сибполлитпросвета». Приведенные названия расположены по губерниям, в пределах губерний – по городам. Указаны тираж и периодичность. Среди недостатков названы: «слабое отражение местной рабоче-крестьянской жизни», «обилие в статьях шаблонной революционной риторики»⁷¹.

Владивостокское отделение Сибирской книжной палаты собрало 4000 номеров журналов (за 1919 – 1921 гг.). Эти материалы легли в основу работ З.Н. Матвеева «Пресса на Дальнем Востоке в 1920 г.», опубликованную в журнале А.С. Ященко⁷². В списке учтено около 100 названий газет и 37 названий журналов на русском и иностранных языках. Материал расположен по областям и городам. Указаны периодичность, издающая организация, приведены вышедшие номера. Дополнил их список того же автора «Пресса на территории Дальневосточной республики в настоящее время»⁷³. В нем отражено 69 названий газет и журналов на русском и иностранных языках (с указанием языка оригинала). Расположение материала – то же, что и в предыдущих случаях, среди дополнительных сведений приведены фамилии редакторов. Обзор периодической печати Северного Кавказа (с 1917 г.) велся и Библиографической секцией при Совете обследования и изуче-

Г.В. Михеева

ния Кубанского края, кроме того в Российскую книжную палату неоднократно высыпались списки периодических изданий этого региона⁷⁴.

Один из наиболее полных списков периодических изданий Костромской губернии за 1917 – 1919 гг. (49 назв. газет и 25 журналов и продолжающихся сборников органов различных обществ и учреждений) был опубликован в Трудах Костромского общества по изучению местного края⁷⁵.

Рожденный революцией новый театр всколыхнул и прессу. Неизмеримо возросло число театральных журналов. Возникли новые органы, например «Вестник общественно-политической жизни искусства, театра и литературы» – орган Центрального Совета Всероссийских Союзов работников театра и зрелиц (с 18/IX 1918 г.), «Временник Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению» под редакцией Вс. Мейерхольда (начал выходить с ноября 1918 г. в Петрограде и Москве). Попытку учесть театральную периодику в 1920 г. предпринял Л.К. Ильинский⁷⁶. В очерке подробно проанализированы 62 журнала, выходящих в разных городах России. Причем, динамика их такова: около 30 возникло в 1917 г., примерно столько же в 1918 г., с 1919 г. – начался спад⁷⁷.

Мы ограничимся только этим одним примером, показав, как новые условия жизни рождали или преображали какие-то явления, а это, в свою очередь, рождало поток периодических изданий. Учет периодических изданий отраслевой направленности может стать самостоятельной темой исследования или рассматриваться в ряду библиографических указателей по отдельным отраслям знаний.

Образованный после создания в Москве на базе Петроградской книжной палаты Институт книговедения также предлагал в больших масштабах вести работы по библиографированию периодических изданий. Специально этому вопросу было посвящено 161-е заседание Президиума Книжной палаты от 22 октября 1920 г.⁷⁸ Рассматривался план работ отдела описания повременных изданий, предполагалось: 1) продолжить труд Н.М. Лисовского; 2) восполнить пробелы в «Книжной летописи» в части повременных изданий за 1917 – 1919 гг.; 3) подготовить описание периодики за 1920 г.; 4) вести библиографирование, т. е. роспись содержания журналов за 1913 – 1917 гг., тем самым

продолжив картотеку С.А. Венгерова и Н.М. Лисовского; 5) вести роспись журналов за 1920 и последующие годы⁷⁹.

15 декабря 1920 г. на специальном совещании, посвященном размежеванию функций Центральной книжной палаты и Института книговедения, за Институтом книговедения среди прочих были закреплены функции в части ретроспективного учета периодики: «Библиографирование и статистика периодической печати с 1703 по 1920 г. включительно»⁸⁰. Тем же постановлением Институту книговедения была предоставлена возможность библиографирования периодики и 1921 г.

По данным Л.В. Булгаковой, списки по времененных изданий к 1926 г. имелись в законченном виде в Институте книговедения с 1917 по 1925 г. включительно и только финансовые трудности не позволили их опубликовать⁸¹.

Такова, в целом, ситуация, сложившаяся в области ретроспективной библиографии периодики в первое пятилетие после Февральской революции. Несмотря на все исторические коллизии этого времени, благодаря во многом подвижническому труду выдающихся библиографов, она не представляет собой пустую страницу в истории русской библиографии, но является яркой и пестрой мозаикой, в полной мере отражающей свое непростое в жизни России время.

Примечания

¹**Здобнов Н.В.** Синхронистические таблицы русской библиографии, 1700 – 1928 со списком важнейших библиографических трудов: Материалы для истории рус. библиогр. – М., 1962. – С. 24.

²Его же. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века. Т. 2. Вторая половина XIX века. – М., 1947. – С. 95.

³СПб., 1874. – LXXII, 878 с.

⁴**Майков Л.** Несколько данных для истории русской журналистики. Библиографические примечания на книгу: Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках... описанных А.Н. Неустроевым // ЖМНП. – 1876. – № 7. – С. 126–167.

⁵СПб., 1898. – XVI, 808 с.

⁶СПб., 1901. – [4], 1114 с.

⁷**Лисовский Н.М.** Русская периодическая печать 1703 – 1900 гг. (Библиография и графические таблицы). – Пг., 1915. – XIV, 270, [8] с.; 59 л. табл.

Тот же указатель под заглавием «Библиография русской периодической печати 1703 – 1900 гг. (Материалы для истории русской жур-

Ретроспективная библиография периодических изданий в 1917 – 1921 гг.

- налистики» (Пг., 1915. – [4], XVI, 1068 с.) вышел в малом формате тогда же.
- ⁸О работах В.И. Срезневского и Н.М. Лисовского см. подробно в кн.: Машкова М.В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). – М., 1969. – С. 91–96.
- ⁹**Машкова М.В.** Указ. соч. – С. 93.
- ¹⁰**Булгакова Л.В.** Организационные вопросы в области библиографирования периодики // Труды II Всероссийского библиографического съезда. – М., 1929. – С. 121.
- ¹¹РГАЛИ. Ф. 444, оп. 1, ед. хр. 377. Л. 14.
- ¹²Библиографические работы Книжной палаты // Библ. обозрение. – Пг., 1919. – Кн. 1. – С. 162. – Подп.: Л. И.
- ¹³Пг., 1919. – 186 с. – (Временник Рос. Книж. Палаты; Вып. 2).
- ¹⁴**Машкова М.В., Сокурова М.В.** Общие библиографии русских периодических изданий, 1703 – 1954 и материалы по статистике русской периодической печати: Аннот. указ. – Л., 1956. – С. 90.
- ¹⁵РГАЛИ. Ф. 211, оп. 1, ед. хр. 456. Л. 8. См. также: ОР РНБ. Ф. 316, оп. 1, ед. хр. 13. Л. 2.
- ¹⁶ЦГАЛИ СПб. Ф. 306, оп. 1, д. 2. Л. 156–157.
- ¹⁷Инструкция № 1: [Для регистрации повременных изданий] // Список повременных изданий за 1917 год. Ч. 1. Алфавитный список повременных изданий / Сост. Л.К. Ильинский. – Пг., 1919. 11 – С. 7–9; Инструкция № 2: [Для работ по библиографическому описанию повременных изданий] // Там же. – С. 15–20; «Инструкция» № 3: [Для работы по составлению «Списка» повременных изданий 1917 года] // Там же. – С. 10–14.
- ¹⁸**Везирова Л.А.** Леонид Константинович Ильинский (1878 – 1934) // Сов. библиогр. – 1977. – № 6. – С. 48–49.
- ¹⁹Пг., 1922. – VIII, 287 с.
- ²⁰**Ильинский Л.К.** Список повременных изданий за 1918 год. – Пг., 1922. – С. XI.
- ²¹1918. – № 1. – С. 3–9. Тот же список газет повторен в № 2 (с. 3–11).
- ²²Там же. – 1918. – № 1. – С. 9–12. Тот же список журналов повторен в № 2 (с. 11–17).
- ²³**Ильинский Л.К.** Список повременных изданий за 1918 год. – С. XII.
- ²⁴Там же.
- ²⁵Там же.
- ²⁶1918. – № 5–16.
- ²⁷Книгар. – 1918. – № 16. – С. 1004–1009.
- ²⁸Иркутск, 1920. – 75 с. Напомним, что сведения о периодических изданиях Иркутска за 1917 – 1918 гг. также представлены ретроспективно (с. 37–42). Долгое время указатель Поршнева находился в спецхране библиотек и был мало доступен исследователям. Объяснялось это двумя обстоятельствами: он содержал сведения о белогвардейской печати и был издан в период власти А.В. Колчака. Подробно об этом издании см. в кн.: Михеева Г.В. Исто-
- рия русской библиографии, 1917 – 1921. – СПб., 1992. – С. 244–246.
- ²⁹**Ильинский Л.К.** Список повременных изданий за 1918 год. – С. XIII.
- ³⁰Там же. – С. XIV.
- ³¹Там же. – С. XIX.
- ³²Там же. – С. XX. Точную цифру за 1918 г. приводят Л.В. Булгакова в своем докладе на II Всероссийском библиографическом съезде (с. 122).
- ³³Там же. – С. XXII.
- ³⁴Книжная палата в первые годы Советской власти, 1917 – 1920 гг.: (Материалы, хранящиеся в Ленингр. гос. арх. Окт. революции и соц. стр-ва / Публ. И.Ф. Мартынова // Сов. библиогр. – 1967. – № 3. – С. 228–229. В настоящее время документы хранятся в ЦГАЛИ СПб. Булгакова Л.В. Институт Книговедения (Октябрь 1920 – Октябрь 1926) // Книга о книге. – Пг., 1927. – [Сб. 1]. – С. 7.
- ³⁵**Ильинский Л.К.** Список повременных изданий за 1918 год. – С. XXII.
- ³⁶Достаточно сослаться на изданный в 2003 г. каталог «Несоветские газеты, 1918 – 1922 гг.» (СПб., 2003), отразивший фонды лишь одной Российской национальной библиотеки и включивший около 500 названий только газет.
- ³⁷Сведения о работе над «Списками...» 1919 и 1920 г. содержатся также в диссертации М.Н. Тищенко «Роль Института книговедения (1920 – 1933 гг.) в развитии советской библиографии и библиографоведения». (Л., 1990. – Л. 145–146).
- ³⁸Ср. оценку М.В. Машковой и М.В. Сокуровой в указанном в прим. 14 справочнике: они полагают, что отражено не более 75 % журналов и газет, издававшихся в те годы (с. 90). Сам Ильинский полагал, что «Список...» за 1917 г. учел 85 – 90 % повременных изданий за этот год (РГАЛИ. Ф. 211, оп. 1, ед. хр. 456. Л. 8 об.).
- ³⁹Хотелось бы отметить, что «Список...» за 1917 г. имелся в библиотеке Ленина в Кремле (Библиотека им. В.И. Ленина в Кремле: Кат. – М., 1961. – № 6788). Это еще раз характеризует отношение руководителя государства к библиографии вообще и к данному библиографическому источнику, в частности.
- ⁴⁰Щелкунов М. [Рец. на кн.: Список повременных изданий за 1918 год / Сост. по материалам Рос. кн. палаты Л.К. Ильинский. Пг., 1922. XXIII, 287 с.] // Печать и революция. – 1922. – № 8. – С. 190–193.
- ⁴¹Подробно эта полемика, приведшая в итоге к переводу Книжной палаты в Москву, приведена в статье: Михеева Г.В. Петроградская Книжная палата и «Книжная летопись» (февраль 1917 г. – июнь 1920 г.) // Ист.-библиогр. исслед. – Л., 1990. – [Вып. 1]. – С. 7–55.
- ⁴²Щелкунов М. Указ. соч. – С. 190.
- ⁴³Там же. – С. 191.
- ⁴⁴Там же.

Г.В. Михеева

- ⁴⁵Там же. — С. 192.
- ⁴⁶Там же.
- ⁴⁷Там же.
- ⁴⁸Там же. — С. 193.
- ⁴⁹Многочисленные варианты и подготовительные материалы к инструкциям сохранились в ЦГАЛИ СПб. (Ф. 306, оп. 1, д. 14. Л. 1 – 41; д. 2. Л. 85–94, 156–157; и др.).
- ⁵⁰**Шамурин Е.И.** Государственная центральная книжная палата за 15 лет // Сов. библиогр. — 1935. — № 4 (12). — С. 8.
- ⁵¹Подробно о «Временниках» см.: Фомин А.Г. С.А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты (ныне Института книговедения). — Л., 1925. — С. 40.
- ⁵²Полный перечень предполагавшихся 14 выпусков «Временников» дан в «Книжной летописи» (1918. — № 46/50. — С. 58).
- ⁵³**Яшунский И.В.** Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918 гг. / Сост. по материалам Рос. Кн. Палаты и др. источникам И.В. Яшунского. — Пг., — 1920. — 20 с. — (Временник Рос. Кн. Палаты / Под ред. С.А. Венгерова; Вып. 3).
- ⁵⁴РО ИРЛИ. Ф. 568, оп. 1, ед. хр. 170. Л. 7, 9–10. См. также: Булгакова Л.В. Организационные вопросы в области библиографирования периодики // Труды II Всероссийского библиографического съезда. — М., 1929. — С. 119.
- ⁵⁵В обзоре А.Г. Фомина от 1 июля 1920 г. «Российская Книжная Палата» читаем: «Находятся в печати следующие выпуски „Временника“: 1) „Список периодических изданий за 1917 г.“ часть 2. Под редакцией Л.К. Ильинского, 2) „Список повременных изданий за 1918 г.“ Под ред. Л.К. Ильинского, 3) „Список афиш, плакатов, избирательных бюллетеней и объявлений 1917 – 1918 гг.“ под ред. В.В. Буша, 4) „Статистика тиража периодических изданий 1917 – 1918 гг.“ Под ред. А.Д. Александрова, 5) „Обзор мусульманской печати, 1917“. Состав. А.К. Самойлович» (ОР РНБ. Ф. 316, оп. 1, ед. хр. 15. Л. 4). Из перечисленного Фоминым в действительности были опубликованы только 2-й и 3-й.
- ⁵⁶Библиогр. изв. — 1917. — № 3/4. — С. 97–118.
- ⁵⁷Печать и революция. — 1921. — Кн. 1, май – июль. — С. 63–65.
- ⁵⁸О них подробно см. в статье Г.В. Михеевой «Журналы А.С. Ященко „Русская книга“ („Новая русская книга“) // Книга: Исслед. и материалы. — М., 1992. — Сб. 64. — С. 99–114.
- ⁵⁹Пг., 1922. — 127 с.
- ⁶⁰Вестн. жизни. — 1918. — № 2. — С. 120–125.
- ⁶¹Наука в России: Справ. ежегодник. — Пг., 1920. — Вып. 1. — С. 135–146.
- ⁶²Красная Москва, 1917 – 1920 гг. — М., 1920. — Стб. 523–536.
- ⁶³1918. — № 6. — С. 65–67.
- ⁶⁴Этот сюжет подробно раскрыт в статье Г.В. Михеевой «„Белая“ печать. (Белогвардейские периодические издания как объект библиографирования в 1918 – 1922 гг.)». (Библиогр. — 1992. — № 3/4. — С. 114–115).
- ⁶⁵**Вегман В.Д.** Партийно-Советская пресса в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917 – 1920). — Омск, 1920. — С. 111–117.
- ⁶⁶Там же. — С. 116–117.
- ⁶⁷**Адрианов А.В.** Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 году. — Томск, 1919. — 31 с.
- ⁶⁸Об Адрианове подробно см.: <http://www.67694.FB.jpg>; Об указателе Адрианова см.: Семеновкер Б.А. Государственная библиография России. XVIII – XX вв. Гл. 6 // Библиогр. — 1999. — № 1. — С. 39–40.
- ⁶⁹**Адрианов А.В.** Указ. соч. — С. 23.
- ⁷⁰Бюл. Сиб. обл. упр. изд. делом. — 1921. — № 1. — С. 23 – 26. — Подп.: Журналист.
- ⁷¹Там же. — С. 25.
- ⁷²Рус. кн. — 1921. — № 7/8. — С. 30–33.
- ⁷³Там же. — С. 29–30.
- ⁷⁴**Михеева Г.В.** История русской библиографии, 1917 – 1921. — С. 348–349.
- ⁷⁵**Смирнов В.И., Умнов Н.И.** Материалы для библиографии Костромского края. — Кострома, 1919. — Вып. 1. — С. 17–23. — (Тр. / Костром. науч. о-во по изучению местного края; Вып. 14).
- ⁷⁶**Ильинский Л.К.** Театральная пресса 1917 – 1919 г.: Библиогр. очерк // Бирюч Петрогр. гос. акад. театров: Сб. ст. / Под ред. А.С. Полякова. — Пг., 1920. — [Сб.] 2. — С. 308–317.
- ⁷⁷Там же. — С. 317.
- ⁷⁸ЦГАЛИ СПб. Ф. 306, оп. 1, д. 4. Л. 377. Образованный 14 октября 1920 г., Институт книговедения еще некоторое время продолжал вести протоколы заседания Президиума, именуя себя «Книжной палатой». 161-е заседание было предпоследним в этом ряду.
- ⁷⁹ОР РНБ. Ф. 316, оп. 1, д. 74. Л. 2.
- ⁸⁰Цит. по: Булгакова Л.В. Институт книговедения (Октябрь 1920 – Октябрь 1926) // Книга о книге. — Л., 1927. — [Сб.] 1. — С. 4.
- ⁸¹**Булгакова Л.В.** Организационные вопросы в области библиографирования периодики // Труды II Всероссийского библиографического съезда. — М., 1929. — С. 120.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

В. М. Мультатули

Мольер в жизни Булгакова

Всечеловечность, слово, применимое в отношении великих русских писателей, хорошо объясняет их тягу к творчеству близких по духу иностранных художников. Один из литературных критиков начала XX века писал: «Мольер, подобно Шекспиру, Шиллеру, Гёте, Байрону, принадлежит к числу таких писателей, которые могут считаться иностранными для русских только формально, но по духу вошли в русское литературное сознание вполне органически. Ни один иноязычный народ не создал Мольеру такой славы, как народ русский»¹.

Распространение французского языка, знакомство с французской литературой и философией не повредило самобытному развитию России. XIX столетие в истории русской словесности увенчано поэзией Пушкина и чудом русского психологического романа. Воспринявшая и «острый гальский смысл, и сумрачный германский гений», русская литература открыта для всего мира, любой человек найдет в ней нечто своё, это же можно сказать и о творчестве великих французских писателей, становившихся иногда при жизни своей общеевропейскими писателями. Разумеется, что это родственное тяготение относится и к золотому веку французской культуры, который дал миру, среди иных знаменитых имен, Мольера и Лафонтена, оказавших несомненное влияние на творчество Булгакова. Впрочем творчество этих писателей уже было разлито в воздухе русской культурной жизни и в свое время благотворно сказалось на Крылове, Гоголе, Грибоедове и на многих других драматургах, романистах, актерах. Гоголь оставил блестящий художественный перевод «Сганареля», Островский мечтал перевести всего Мольера целиком. Лев Толстой почитал его истинно народным писателем и любил читать его комедии вслух в кругу своих близких. И всё же в творчестве Булгакова Мольер занимает совершенно особое место. «Мольериана» Булгакова включает в себя пьесы «Кабала святош» («Мольер»), «Полоумный Журден», роман «Жизнь господина де Мольера», перевод комедии «Скряга».

Булгаков, по собственному признанию, очень любил Мольера. «И люблю его не только за темы его пьес, за характеры его героев, но и за удивительно сильную драматургическую технику. Каждое появление действующего лица у Мольера необходимо, обосновано, интрига закручена так, что звена вынуть нельзя»². Эта же любовь приводила писателя к жестоким столкновениям с окружающей его средой.

Ссылка на Мольера пригодилась Булгакову, когда он, в противоположность другим высокопоставленным деятелям искусства, выступил с остроумной, вежливой и уничтожающей критикой пьесы Ф.Ф. Раскольникова «Робеспьер». Особенно любопытна даже не оценка не удавшейся пьесы, а то, как Булгаков, по сути, взвывает к совести теряющих мужество и пресмыкающихся перед начальством главных режиссеров и художественных руководителей московских театров. Они униженно льстыят «всесильному» по их представлениям начальнику Главреперткома. Один из них сказал, что ни одна пьеса в жизни его не взволновала так, как пьеса товарища Раскольникова. Булгаков заметил по этому поводу, что ему искренне жаль имярек, «ведь он работает в театре актером, режиссером, художественным руководителем, наконец, уже много лет. И вот оказывается, ему приходилось всегда работать на материале, оставлявшем его холодным. И только сегодня... Жаль, жаль...». Затем обращаясь к другому выдающемуся режиссеру, сравнившему язык пьесы с языком Тургенева и Толстого, Булгаков замечает: «Что же касается языка, то мне просто как-то обидно за выступавшего оратора, что до сих пор он не слышал лучшего языка, чем в пьесе т. Раскольникова. Он говорил здесь о своеобразии. Да, конечно, это своеобразный язык... вот, позвольте, я записал несколько выражений, особенно понравивших меня... „Он всосал с молоком матери этот революционный пыль“. Да... Ну, что ж, бывает. Не удалась пьеса. Не удалась». В этой небольшой зарисовке и Булгаков с его непримиримым отношением ко лжи в искусстве и в жизни, и раболепная

«творческая интеллигенция» и юмор, достойный Мольера, и трудная судьба гения, говорящего всегда невпопад с точки зрения здравого смысла.

Почему Булгаков писал о Мольере? Обратимся к очерку В.И. Лосева «Булгаков и Мольер». В беседе с корреспондентом мхатовской газеты «Горьковец» в 1936 году, он сказал: «Я читаю, перечитываю и люблю Мольера с детских лет. Он имел большое влияние на мое формирование, как писателя. Меня привлекала личность учителя многих поколений драматургов – комедианта на сцене, неудачника, меланхолика и трагического человека в личной жизни... Я писал романтическую драму, а не историческую хронику»³. О замысле своей пьесы он рассказал на совещании литературно-репертуарного комитета МХАТа в 1930 году. Как отмечено в протоколе совещания, автор «хотел написать пьесу о светлом, ярком гении Мольера, задавленным черной кабалой святош при полном попустительстве абсолютной, удушающей силы короля». И далее в этом же очерке говорится: «Заметим при этом, что до 1929 года ни Мольер, ни Франция, никакие другие исторически отдаленные сюжеты или персонажи не занимали Булгакова. Его интересовало другое: в течение ряда лет он осмысливал недавнее прошлое России, те трагические события, которые унесли миллионы жизней и привели к коренной ломке всех устоев русской жизни». Осознав с годами не только военное, но также идеиное поражение белого движения, писатель, после долгих мучительных колебаний, остается на родине. «Все знают, что Булгаков всего себя отдал (если говорить громкими словами) Родине, родному искусству, родному театру. Он отказался от заграницы, когда ему это предложил Сталин. Он работал без передышки, без отдыха 20 лет, бросив свою профессию врача в 1919 году для того, чтобы стать писателем. И он действительно стал замечательным писателем. <...> Когда я слышу по радио или читаю в газетах, как перечисляют всех, кого будут издавать в 1955 году, я почти всегда дохожу до слез, иногда впадаю в ярость, – писала вдова писателя Е.С. Булгакова, – нет одного имени, светлого, чистого имени Булгакова. В чем вина Булгакова? В бесстрашной правде, которую он считал

своим писательским долгом говорить прямо, – больше ни в чем»⁴.

Поскольку заинтересованность внутренними, русскими делами, заботы о судьбе Родины, ее языка, ее культуры были, очевидно, первейшими для писателя, то следует усомниться в точности нашего понимания его слов о «романтической пьесе», какой якобы должна быть пьеса о Мольере. Весьма показательно название, которое автор дал своему произведению – «Кабала святош», и это название было немедленно отвергнуто Главным Репертуарным комитетом, что косвенно доказывает, что «святоши» немедленно почувствовали себя задетыми. По сути «общественность» настояла на переименовании пьесы, и Станиславский, спасая пьесу, спектакль и самого Булгакова, убедил автора в необходимости назвать пьесу «Мольер». Не будем говорить о тех невероятных трудностях, с которыми была связана постановка пьесы, какое яростное сопротивление оказывала ей театральная критика. Спектакль состоялся, успех его был необычайным. Как и триста лет тому назад, при гонении на комедию Мольера «Тартюф», лицемеры не называли истинных причин своего негодования. Король не сомневался в добрых намерениях автора и, запретив в течение четырех лет играть «Тартюфа», никогда не запрещал читать комедию, а папский нунций не нашел в ней ничего, что оскорбляло бы благочестие и, благосклонно прослушав пьесу в чтении самого Мольера, согласился с его доводами, что она защищает религию и общество от самого страшного общественного порока, каким является лицемerie. Однако архиепископ Парижский, духовенство, общество «Святых даров» (кабала) обрушились на комедию с невероятной яростью и требовали даже сожжения Мольера на костре. По существу Сталин разрешил постановку, его секретарь Поскребышев видел спектакль и остался им очень доволен, но жестокие нападки на пьесу не прекращались. Булгаков писал брату, что его мучения с пьесой продолжаются «несмотря на то, что это – Мольер, 17-й век... несмотря на то, что современность в ней я никак не затронул»⁵. В.И. Лосев пишет: «Булгаков явно лукавил... Пьеса „Кабала святош“ была самой современной из всех им написанных. Развивая те же идеи, что и в романе о дьяволе, писатель еще бо-

В. М. Мультатули

лее выяснил зловещую роль Кабалы (в романе – синедрион), но не пощадил на сей раз и короля»⁶. В черновой редакции любопытен следующий фрагмент: заседание Кабалы. За столом сидят братья – Чаша, Верность, Сила, Венец и другие.

ВЕНЕЦ. Заседание Кабалы Святых Даров объявляю открытым. Братья, встав, поют тих... садятся. Сегодняшнее заседание посвящается вопросу о безбожнике Жане-Батисте Поклене, присвоившем себе кличку Мольер.

СИЛА. Да, именно об этом негодяе... Об этом мерзавце...

В заключение, заклеймив Мольера самыми бранными словами из лексикона XVII столетия, все «братья» приговаривают Мольера к смерти.

Конечно, неискушенные или малосведущие люди могли поверить, что речь идет об эпохе Мольера. В протоколе совещания репертуарного комитета МХАТа говорится, что автор «хотел написать пьесу о светлом, ярком гении Мольера, задавленном черной Кабалой святош при полном попустительстве абсолютной, удушающей силы короля» Совещание дало положительную оценку пьесе. Актеров на этом совещании не было (все были заняты), но зато в полном составе был рабочий художественный совет. Кто-то из членов совета называл героя пьесы Миллером, другой, услышав слово *maître* в обращении к Мольеру принял его за меру длины и указал Булгакову на то, что во времена Мольера метрической системы еще не существовало. Кто-то счел пьесу антирелигиозной из-за отрицательного образа архиепископа. Булгаков опроверг это мнение. Проницательные доброжелатели могли сделать вид, что разделяют мнение художественного совета, но противники быстро поняли что к чему. Как было не узнать за речами «братьев» языка театральной критики начала тридцатых годов? Писали так: «Мишка Булгаков, кум мой, тоже извините за выражение, писатель, в залежалом мусоре шарит...» (*Жизнь искусства*. – 1927. – № 44). Писали «О Булгакове, который чем был, тем и останется, новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной...» (*Комсомольская правда*. – 1926. – 14 окт.) и т. п. Правда, эти отзывы относятся к более раннему периоду, к концу 20-х годов, но дух подобной критики не меняется ни десятилетиями, ни столе-

тиями, даже если Кабала заседает в Париже времен Мольера.

«Булгаков не мог ответить врагам публично, ибо вся пресса находилась в их руках. Но оставить без ответа вообще, смириться с ролью раба он не мог. Отвечал он злобным врагам силой своего художественного таланта, своими произведениями. Так появился роман о дьяволе, так появилась и „Кабала святош“. Замысел этой пьесы со всей очевидностью вытекал из той обстановки гнусного преследования, которую организовала могучая спящая сила (в пьесе кабала), с которой вынужден считаться даже такой вседержавный властелин, как Сталин. (В пьесе – король)»⁷.

Автобиографические черты пьесы, яркое сопоставление противоборствующих сил в далеком Париже в век Короля-Солнца и в современной Москве были очевидны для Максима Горького, Станиславского, Вересаева и других защитников пьесы. Наконец, в феврале 1936 года все генеральные репетиции и премьера прошли с огромным успехом. Критика была весьма суровой. Особенно ее раздражала сцена заседания Кабалы. Впрочем свое недовольство они прикрывали казалось бы чисто эстетическими соображениями: сцена поставлена в духе тривиального романтического изображения таинственных ужасов в духе «Подземелий Ватикана». В целом пьеса оценивалась не выше «мещанской мелодрамы». Но вот в «Правде» появилась статья без подписи «Внешний блеск и фальшивое содержание», после которой спектакль сняли. Затем последовали разгромные статьи в других органах печати. Критика сделала свое дело.

В 70-е годы, в другой общественной эпохе мне удалось видеть постановку этой пьесы на сцене Ленинградского Большого Драматического театра, который тогда не носил еще официально имени Товстоногова, но именно в те годы и был в полном смысле театром этого знаменитого режиссера. Ощущение дворцовского блеска, пространство, залитое ярким светом нарядных люстр, роскошные костюмы, странно красивый король на высоких каблуках, беззаботный и бездушный, а рядом с ним мрачный высокорослый архиепископ и бедный затравленный Мольер, всегда правый и возмущенный, напоминавший падающего в обморок Чацкого на сцене того

же театра, страдающая верная Мадлена Бежар. Всё это меня, помню, не тронуло, и никаких параллелей с нашими днями у меня не возникало, кроме бедного Чацкого, которому не дают ходу.

В 1988 году я провел месяц на репетициях «Мольера» во МХАТе имени Чехова, где спектакль ставил и играл заглавную роль Ефремов. У него были очень убедительные, сыгранные с большой человечностью сцены. Король в исполнении Смоктуновского был сыгран тонко и умно. Особенно запомнилась сцена с Муарроном, которому он внешне очень спокойно задает единственный вопрос, верно ли что господин Мольер ваш учитель? Психологическая правда и глубина производили большое, неизгладимое впечатление. Никаких больших общественно-исторических обобщений, на мой взгляд, не прочитывалось, и упреки критиков тридцатых годов начинали приобретать смысл сермяжной правды: вырванная из контекста своего времени, пьеса сводится к травле человека за преступление, которого он, видимо, не совершил, а король отдал его на растерзание.

К тому же, мне очень мешало воспринимать эту пьесу то, что она не соответствует историческим фактам. Московские критики, конечно, не из-за этих действительных недостатков добивались и добились снятия спектакля. Они поняли глубинный смысл и политическую направленность этого художественно-публицистического театра, но разрушать его вынуждены были, используя ложные доводы, что и приводило их, видимо, в сильнейшее раздражение. Талантливые произведения иногда уходят из художественного обихода вместе с породившей их исторической эпохой. Прекрасно написаны памфлет Джонатана Свифта об ирландских детях или письмо Белинского Гоголю, за которое готовы были расплатиться жизнью пылкие и чистые душой юноши середины позапрошлого века, но эти произведения утратили полноту своего публицистического воздействия вместе с ушедшими в прошлое исторической эпохой и обществом.

Булгаков, разумеется, это знал и говорил, что «Кабала святош» – романтическая пьеса, а не историческая хроника. Впрочем, романтическим произведением пьесу назвать тоже трудно. Здесь нет необходимой для этого жанра идеализации

персонажей и должной отвлеченности формы, свойственных романтической драме, стихотворной драматургии, опере. Но Булгаков, очевидно, не мог пойти по этому пути, ибо пьеса утратила бы свою злободневность. Кроме того, образ Мольера создавал прекрасную возможность иносказания, которую, наверное, не могла бы дать личность вымышленного или малоизвестного героя. Ростан в этом отношении был гораздо свободнее со своим Сирено, но Ростану не нужна была такая иносказательность. Поскольку речь идет о Мольере, биография которого достаточно известна, то отклонения от правды факта оборачиваются ущербом для правды чувств.

Никакого актера Муаррона в жизни Мольера не было. Любимый ученик Мольера Барон, впоследствии один из знаменитых и прекрасных актеров, был предан своему учителю, никогда не предавал его и был с ним в его последние минуты, заботливо отправляя его из театра домой.. Разговоры о кровосмешении были прекращены королем, согласившимся быть крестным отцом детей Мольера, и вряд ли они представляли столь значительную неприятность для Мольера, как это хотят представить некоторые любители подобных сюжетов в искусстве, например, в современной Франции. Недавно на сцене Эрмитажного театра был показан «Мнимый больной», превращенный в утомительную драму, где Мольер умирает на сцене и даже с того света ведет разговор со своей дочерью от кровосмесительного брака. Дочь упрекает его в тяжком грехе, так как она из-за этого осталась одинока, не могла выйти замуж, иметь детей. Король при этом обвиняется в том, что он не засутился за бедную девушку. И это идет под названием «Мнимый больной» Мольера!

У Булгакова нет и тени на подобное безвкусное и отталкивающее искажение фактов. Пьеса «Кабала святош» была оправданной временем, но всё же сиюминутной пьесой большего таланта, не имевшего иной возможности вступить в общественную борьбу за попранное человеческое достоинство, за попранную духовную свободу своего народа. Возвращаясь к исторической достоверности, совершенно очевидно, что поддержка со стороны короля была вполне сознательной и без нее Мольеру вообще вряд ли

В. М. Мультатули

удалось бы не только что стать первым актером и драматургом, поставить «Тартюфа», издавать свои пьесы и получить дворянское звание, но даже просто уцелеть, ибо его остро ненавидели многочисленные и очень сильные враги. Даже похоронить его удалось только после вмешательства короля.

Король ценил Мольера. Узнав, что его камердинеры отказываются садиться за один стол с комедиантом, он в присутствии всего двора преподал им урок, пригласив Мольера сесть обедать с ним за один стол. «Не понимаю, — сказал однажды король, — почему так нападают на „Тартюфа“ и охотно смотрят „Скарамуша“? — Потому, государь, — ответил принц Конде, — что в „Скарамуше“ смеются над Небом и религией, до которых этим господам нет дела, а в „Тартюфе“ задели их самих, и этого они простить не могут». При всем своем могуществе Людовик XIV не мог сразу разрешить «Тартюфа», но он не запрещал его читать и, наконец, разрешил его постановку на сцене. Поэтому защита двора и преклонение перед монархом были совершенны искренними со стороны Мольера и вполне естественными. Таким образом пьеса Булгакова представляется антиисторической, но она была ярким и общественно нужным публицистическим произведением в 30-е годы. В других исторических условиях, утратив достоинства аллюзии, она утратила свою злободневность.

Булгаков не только тончайшим образом чувствовал и любил театр Мольера, он «изучил всё, что написано нами и французами» о Мольере⁸. Плодом этого изучения Мольера явились роман «Жизнь господина де Мольера», где автор преследует только художественные цели, а если и возникают иносказания и перекличка с нашими днями, то это происходит как бы невольно и нигде не в ущерб духу эпохи и стилю повествования. Роман написан изумительно пластичным и выразительным языком. Повествованию свойственно изящество, которое само по себе доставляет огромное удовольствие. При этом вы ощущаете, что действие происходит во Франции, хотя Булгаков нигде не поступается достоинством русской речи, нигде не подчеркивает, что его герои — французы. *Театр на Болоте, улица святого Гонория, сударь, сударыня, госложа Поклен...* На-

верное нашлись бы знатоки французского языка, которые предложили бы взамен: *Teatr Mare, ulica Sent-Onore, madam, mосье...* Они проявили бы известные знания и глухоту к живой образной русской речи. В этом отношении Булгаков вновь выступает как хранитель русского языка и русской культуры. «Как иностранное поставить в параллель с национальным? // Трудно что-то. // Ну, как перевести *madam, mademuazelle?* // Ужель сударыня? Забормотал вдруг кто-то».

Говоря стихами Грибоедова, в книге Булгакова нет и тени от «жалкой тошноты по стороне чужой». Вместе с тем, удивительно тонкое ощущение и передача духа французской культуры, своеобразия и прелести этого духа, ее обычаев. В отличие от пьесы «Кабала святош», в романе о реальном Мольере Булгаков подчиняется только художественному вдохновению и прозревает ту далекую ушедшую жизнь, которая была действительностью около трехсот лет тому назад. Идя на некоторые компромиссы в отношении к пьесе, он был непреклонен по отношению каких-либо изменений в тексте своего романа о жизни Мольера. Благодаря этому мы имеем произведение, написанное для всей человеческой вечности, хотя автору не суждено было увидеть его напечатанным. Впервые «Жизнь господина де Мольера» увидела свет в искашенном виде в 1962 году и только в 1997 вышло наиболее полное издание, подготовленное В.И. Лосевым в серии «Жизнь замечательных людей», в которой автор мечтал увидеть свой роман напечатанным еще в 1933 году.

Булгаков умел ждать, терпеть и бороться. В.И. Лосев приводит слова вдовы писателя: «Его нельзя было согнуть, у него была какая-то такая стальная пружина внутри, что никакая сила не могла его согнуть, пригнуть, — никогда». Позволим себе привести заключительные слова из прекрасного послесловия Лосева «Булгаков и Мольер»: «Стальная пружина „отливалась“ с раннего детства в самом славянском городе Киеве, в славной семье Булгаковых-Покровских, имевшей глубокие корни в православии: оба деда писателя были священниками. Русскость, очевидно, самая главная черта характера Булгакова, наиболее ярко проявлявшаяся в самые трудные периоды жизни. Будучи представителем самых беднейших слоев русской

Мольер в жизни Булгакова

интеллигенции, он сражался за Россию, за русский народ, исходя исключительно из понятия долга перед отечеством»⁹.

Веря в начале в белое движение, он понял его обреченность и не только военное, но идеологическое поражение. У него была возможность уехать с Кавказа в Константинополь. Е.С. Булгакова пишет, вероятно, имея ввиду известный телефонный разговор, что уехать заграницу предлагал ему Сталин. Писатель остался со своим народом, подвергаясь большим опасностям. Да, его нельзя было согнуть, но его можно было убить. Противники имели для этого все основания. Совершенно очевидно, что только вмешательство Сталина сдерживало их. Оставвшись в России, Булгаков обрек себя на многие страдания, которые, однако, питали его творчество. «Что без страданий жизнь поэта?» Он прожил мучительную, но яркую, наполненную осмысленной борьбой за свои идеалы чистую и честную жизнь. В отрыве от России вряд ли можно оставаться русским писателем.

В творчестве Булгакова нашли свое отражение басни Лафонтена, а следовательно в той или иной мере французский народный эпос, «Роман о Лисе» со всем богатством его анималистических персонажей. В Петербургском университете ежегодно уже в течение семи лет проводится международная конференция «Лафонтеновские чтения». В 2000 году на ней был представлен доклад А.П. Грачева (Ижевск) «Басни Лафонтена в романе М.А. Булгакова „Мастер и Маргарита“». Исследователь считает, что Булгаков, вероятно, сознательно декорировал свой роман аллюзиями на басню Лафонтена «Кошка, превращенная в женщину»: гони природу в дверь – она влетит в окно. Маргарита то «царапается тихо», то «соображает какие именно окна квартиры Латунского», чтобы влететь в них. Исследователь отмечает, что мотив кошки- ведьмы был использован Гоголем («Майская ночь», 1831) и Дружининым («кошачьи манеры» Полиньки Сакс, 1847). В романе Булгакова Мастер заявляет: «И я хочу в подвал». Поэт Рюхин обогрел у себя на груди змею (басня Лафонтена *Le Villageois et le serpent*), а профессор Кузьмин видит черного кота-сироту (басня «Черный кот» в переводе А. Измайлова, 1824). Оппозиция головы и ног (Берлиоз), головы и внутренностей (буфетчик Варье-

те) связана с басней Лафонтена *Les Membres et l'estomac* в переводе Сумарокова. В этой небольшой по размерам статье содержится точная и подробная информация о баснях Лафонтена, нашедших несомненное отражение в романе Булгакова. В заключение своего исследования А.П. Грачев пишет, что «басни Лафонтена стали одной из связующих нитей, которая объединила русскую классику с мировой, указала путь в лабиринтах интертекста»¹⁰.

Приведенные сведения свидетельствуют о широком знакомстве Булгакова с французской литературой. Образование, полученное в гимназии и в Киевском университете, а главное воспитание в семье, вся духовная атмосфера дореволюционной русской интеллигенции способствовали гуманитарному образованию и знакомству с мировой художественной культурой и с иностранными языками. Хорошо ли знал Булгаков французский язык? Наверное, да. Так, он редактирует французский перевод своей пьесы «Зойкина квартира», вносит свои поправки, помогает переводчице лучше понять смысл русского текста. Очевидно, что он читал французских авторов в подлиннике, но владел ли он свободно французским языком? Думается, что нет, так как в одном из писем брату Н.А. Булгакову он пишет, чтобы тот не переводил ему текст договора, заключенного с французским издательством, так как он разберется с ним сам без перевода, но, видимо, брат предполагал и с каким то на то основанием, что потребуется перевод.

В дневниковой записи от 21 июля 1924 года, о времяпрепровождении в семье профессора Е.Н. Томашевского, своего будущего тестя, он пишет: «Вечером, по обыкновению, был у Любови Евгеньевны и „Деиньки“. Сегодня говорили по-русски – и о всякой чепухе. Ушел я под дождем, грустный и как бы бездомный»¹¹. Значит в остальные вечера говорили на каком-то другом языке? Наверное это был немецкий, которым Булгаков владел свободно. Он просил присыпать себе научную литературу на русском или на немецком.

Дореволюционная русская интеллигенция использовала в общении иностранные языки. Особенно, в этом сказывалось влияние дворянства, в обществе был принят французский язык. Это не только не воспрепятствовало развитию русского языка, но благоприятно отразилось на культурном

В. М. Мультатули

уровне русской интеллигенции вообще и следовательно самого русского языка. Французский и немецкий языки, став частью обыденной жизни просвещенной части русского общества, предохранили нас от болезни духовного провинциализма, которая в наши дни угрожает вновь созданным государствам, неуверенным в собственных силах своего национального своеобразия и подвергающих гонению русский язык, вопреки историческому прошлому и реальности культурного развития народов. В дневнике и в письмах Булгакова часто встречаются французские обороты, отдельные слова, написанные по-французски: *vis-a-vis, pur sang, comédie, Compagnie Pitoeff, Côte d'Azur*. Булгаков изучает французский язык даже в самые трудные дни жизни. В одном из писем из Москвы в марте 1922 года в условиях жуткой дорожевизны и неустроенности быта он пишет: «Топить перестали неделю назад. Работой я буквально задавлен. Не имею времени писать и заниматься как следует французским языком»¹².

Он живо интересовался не только французской литературой и всем, что связано с Мольером, например, он до мельчайших подробностей просит описать ему памятник Мольеру и перекресток, на котором он установлен, но его интересовала и волновала сама страна с ее историей, культурой, ее сегодняшней жизнью, ее социальными проблемами и политикой ее правительства. Его интересует то, что происходит во Франции. В этом отношении вспоминается Пушкин, который говорил о французской литературе и французской действительности с горячностью искренне заинтересованного человека, которого иногда даже трудно в полной мере назвать иностранцем.

В дневниковой записи от 23 декабря 1924 года Булгаков говорит о себе: «Позволительно маленькое самомнение. Относительно Франции – совершеннейший пророк. Под Парижем полиция произвела налет на комшколу, которая, как корреспондирует из Парижа Раппопорт, „мирно занималась изучением Энгельса и Маркса“. Кроме того, где-то уже стачка рыбаков и *Camelots du roi* шли мимо красинского убежища с криками. Кажется в Амьене, если не ошибаюсь, уже началось

какое-то смятение. Первую ставку Красин выиграл у французов. Начался бардак»¹³. *Camelots du roi* – торговцы, распространители монархических газет. В книге это выражение написано с ошибками. Любопытно было бы знать, принадлежат ли они автору или сделаны по вине наборщика.

Булгаков близко к сердцу принимает то, что представляется ему искажением творчества Мольера. Вот что пишет он по поводу постановки Мейерхольдом «Великодушного рогоносца»: «Пошел в театр Гитис на „Великодушного рогоносца“ в постановке Мейерхольда... Я не И. Эренбург и не театральный критик, но судите сами: в общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены – дыра... В глубине – голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами... Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса... – Это биомеханика, – пояснил мне приятель... – Мейерхольд – гений!! – заявлял футурист... – Искусство будущего!! – налетели на меня с кулаками <...> Вообще к черту эту механику!»¹⁴.

Почти через триста лет вечно живой Мольер стал опорой и союзником Булгакова в жизненной борьбе и в художественном творчестве.

Примечания

¹ **Венгеров С.А.** От редакции // Мольер. Соч. Т. I / Под ред. С.А. Венгерова. – СПб., 1912. – (Б-ка великих писателей).

² **Булгаков М.** Дневник. Письма. 1914–1940. – М., 1997. – С. 619–625.

³ **Лосев В.И.** Булгаков и Мольер // Булгаков М. Жизнь господина де Мольера. – М., 1991. – С. 175–215.

⁴ **Булгаков М.** Дневник... – С. 627–630.

⁵ Там же. – С. 215.

⁶ Там же. – С. 216.

⁷ Там же. – С. 216.

⁸ Там же. – С. 629.

⁹ **Лосев В.И.** Булгаков и Мольер. – С. 215.

¹⁰ **Грачев А.П.** «Басни Лафонтена» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // XVII век в диалоге эпохи и культуры: Материалы междунар. науч. конференции «Шестые Лафонте-новские чтения» (14–16 апр. 2000 г.) – СПб., 2000. – С. 69–71.

¹¹ **Булгаков М.** Дневник... – С. 66.

¹² Там же. – С. 37.

¹³ Там же. – С. 75.

¹⁴ Там же. – С. 94.

И.В. Лукьяненц

Миф о Ж.-Ж. Руссо и «Неточка Незванова» Ф.М.Достоевского

Нет нужды доказывать, что влияние философской и художественной мысли Руссо на мировую, в том числе и на русскую, литературу было огромным. Многочисленные исследования свидетельствуют об удивительно разнообразных формах этого влияния. Имя Жан-Жака Руссо вспоминают, размышая об изменениях эстетических идеалов, о житейских пристрастиях целых поколений, о политических системах и о многом другом. Руссоизм в отличие, скажем, от вольтерянства (последний термин имеет специфически русскую окраску) был явлением широким в пространственном и хронологическом аспекте¹. Характер влияния мысли Руссо на национальные литературные процессы, безусловно, симптоматичен. Так, если в Англии влияние Руссо носило скорее эстетический характер, то в Германии речь идет уже о глубоком идеально-художественном и даже политическом характере рецепций Руссо. Можно, например, вспомнить красноречивое отсутствие следов влияния Руссо в литературе Квебека, жители которого оказались в таких тесных объятиях дикой природы, что ее восхвление и осуждение цивилизации, так же как и гипотетический облик руссоистского дикаря не смогли стать для них актуальными.

Особенности восприятия творчества Руссо в разных литературах, в разные эпохи удивительно красноречиво рассказывают о состоянии умов, о понятийно-художественном языке, меняющемся не только от страны к стране, от десятилетия к другому, но и от того, какие культурные традиции, вкусы, круг чтения связывают группы людей, какое историческое прошлое стоит за ними.

Еще современники Руссо, называя его то гением, то безумцем, проявили одно интересное и устойчивое качество, своеобразное множеству его последующих читателей. Из антиномической сложной, художественно-философской системы Руссо выделялась одна главная черта, которая укрупнялась и становилась объектом нападок или восторгов. Известно, что

одним из первых применил этот прием Вольтер, язвительно заметив вскоре после выхода в свет трактата Руссо «Размышления о науках и искусствах» (1749), что он слишком стар, для того чтобы встать на четвереньки и бежать в лес.

Заметим сразу, несколько забегая вперед, что Ф.М.Достоевский свел спор двух великих французских просветителей к одной иронической фразе: «Сошлись два великих человека, из которых первый называл второго „дрянным человеком“, а тот отвечал, называя первого „дураком“»². Аббат Кастель, оппонент Руссо, обвинял его в том, что он, размышая о преимуществах дикого образа жизни, не знал жизни дикарей документально и этнографически³. И Вольтер и аббат Кастель как будто не замечали, что Руссо говорил о «естественном состоянии», как о гипотезе. «Естественное состояние, которого, может быть, никогда и не было» – это слова самого Руссо. Будет пренебрегать гипотетическим характером утверждений Руссо и А.И.КГерцен, который очень остроумно замечает в «Письмах с того берега», что слова Руссо о том, что человек рождается свободным, а меж тем он кругом в оковах – смешны, так как друг «рыбства» имеет такое же право заявить «Рыбы рождаются для полета, а меж тем они плавают»⁴. Не только философские сочинения Руссо, но и его художественные произведения подвергались упрощению, о чем говорит история восприятия его романа «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), спор о котором шел в основном вокруг фабулы романа, упрощенно понятых ситуаций и мотивов⁵.

Миф о Руссо, творимый как его противниками, так и поклонниками, складывался постепенно. В создании мифа участвовали очень многие. Во-первых, сам Руссо, попытавшийся в «Исповеди», в «Прогулках одинокого мечтателя» определить лейтмотивы своей судьбы, из которых главные – страдание, одиночество и страсть к истине. Причастны к этому мифу его последователи и ученики, например, деятели «Бури и натиска», видевшие Руссо, прежде всего бунтарем-страдальцем

И.В. Лукьянец

и, особенно, романтики. Миф этот начинает жить собственной жизнью, и по устойчивым литературным законам, переосмысляется и пародируется. Было ли в самом творчестве Руссо что-то, что способствовало этому? Думается, что это, прежде всего, скандальность его мысли, философской и художественной, если под скандальностью понимать сознательно провоцирующее доведение изначального интеллектуального парадокса до той крайности, которую можно преодолеть лишь скандалом. Совершенно не случаен историко-литературный анекдот о том, что мысль «Рассуждения о науках и искусствах», написанного на конкурс, объявленный Джонсонской академией, якобы подсказал Руссо его друг Дидро, сидевший в Венсенском замке. Смысл предложения был будто бы в том, что, конечно же, на вопрос «Способствовали ли науки и искусства улучшению нравов?» все ответят утвердительно, отрицательный же ответ самой оригинальностью и скандальностью приведет к победе.

Острота скандальной, провоцирующей мысли Руссо была так велика, что все «но», все оттенки оказываются для раздраженного, задетого читателя в тени. А ведь в большинстве самых полемических трудов Руссо, это «но» присутствует. Все помнят, что в «письме Д'Аламберу» (1758) Руссо говорит о вредоносном характере искусства, но мало кто помнит, что в том же «Письме» Руссо добавляет соображения о том, как все-таки следует писать пьесы. Осуждение Парижа как места, где нет искренности, щедрости, где царят пороки и несправедливость, громко звучит и в «Юлии, или Новой Элоизе» (1761), и в «Исповеди» (1770), и в «Одиноких» (1762). Но только парижанки, замечает Руссо в «Исповеди» смогли оценить его роман, только парижанки обладают высшим изяществом в благотворительности. «Но» становится одним из принципов контрапunkта писателя, что не мешает пафосу доминирования в его произведениях главной идеи. Неравенство – источник несчастий человечества, но, например, мужчины и женщины не могут быть равны. («Рассуждение о происхождении неравенства», 1753). Человек свободен в своих чувствах, отвратительны предрассудки, разлучающие любящих, но высший долг женщины – целомудрие и сохранение доб-

рого имени («Юлия, или Новая Элоиза») и так далее.

Читатели Руссо делились не только на поклонников и врагов, но и на тех, кто воспринимал мысль Руссо как сложную, подчас антиномичную, и тех, кто, следуя той истине, что понять – значит упростить, создавал миф о Руссо. К первым можно отнести, например, Канта, писавшего, что ему необходимо было несколько раз перечитать Руссо, чтобы избавиться от художественного его воздействия и понять мысль⁶, или мадам де Сталь⁷. Читателей же второго разряда было большинство, они-то и были создателями упрощенного руссоизма.

Другая и, как представляется, более глубокая причина превращения имени Руссо в знак, а его мысли – в клише, заключалась в том, что Руссо удавалось затронуть и словесно оформить такие глубинные, архетипические проблемы, которые таятся в том, что будет названо Юнгом «коллективном бессознательном». В общем-то, это происходит часто, и, например, Достоевский, о котором пойдет речь далее, также подвергался разным формам упрощения со стороны критики и бытового сознания, а многие его слова становились разменной монетой и штампом. Достаточно вспомнить «слезу ребенка» и «Красота спасет мир».

Бывало и так, что в одних и тех же литературных явлениях умиленно-восторженная или иронически-пародийная игра с Руссо-мифом, схемой, не мешала живой сложной жизни его мысли. Это создавало интереснейшую ситуацию, когда Руссо вступал в странный диалог с самим собой. Такой характер был свойственен и сложному присутствию Руссо в творчестве Достоевского.

В Русской литературе усиление упрощающей мифологизации Руссо приходится на середину XIX века, когда интересуются не столько художественным творчеством, сколько общественно-политическими идеями писателя и философа, понимаемыми весьма тенденциозно. Создается впечатление, что Руссо просто меньше читают, но охотно пользуются его именем как общепонятным знаком.

Можно вспомнить, что уже Пушкин в главе «Евгения Онегина» прибегает к иронии, и, говоря о Руссо, употребляет клишированную характеристику «защитник

Миф о Ж.-Ж. Руссо и «Неточка Незванова» Ф.М.Достоевского

вольности и прав», комически не совпадающую с темой разговора «о красе ногтей» и комически же усиленную рифмой «не прав». Но Пушкин при этом цитирует конкретный эпизод «Исповеди». Иронией окрашено и его замечание о первом письме Сен-Пре, которое Марья Гавриловна в «Метели» вспоминает, слушая признания Бурмина, но само это признание безупречно имитирует интонацию «Юлии». В 40 – 60-е годы в русской литературе тонкие аллюзии, точное цитирование встречается все реже, но само имя Руссо продолжает жить в литературе как своеобразный знак.

Руссо не был любимым писателем Федора Михайловича Достоевского. Но Достоевский никогда не был и равнодушен к Жан-Жаку Руссо, его отношение к французскому просветителю было очень непростым и менялось на протяжении всей жизни Достоевского. Особенно резкое изменение происходит после катарги.

В связи с восприятием Достоевским Руссо можно говорить и об откровенном неприятии «женевских идей», о сарказме, обращенном к «homme de la nature et de la vérité», принципиальной полемике, подчас с огрубленным, лишенным нюансов приблизительным руссоизмом, о котором говорилось выше. Так, Руссо, который в «Исповеди», может быть, впервые со всей серьезностью заговорил о неповторимости личности, для Достоевского воплощал ненавидимое им «всемство».

Особо следует говорить и о сложном, чаще всего дискуссионном использовании ситуаций и моделей, созданных Руссо, и, наконец, о великих художественных открытиях, совершенных на путях, что некогда открывал Жан-Жак Руссо.

Если прибегнуть к терминологии интертекстуальных исследований, то в творчестве Достоевского можно обнаружить сразу несколько типов связей с текстами Руссо. Это и дистантные паратекстуальные приметы (например, подзаголовок «Белых ночей» (сентиментальный роман). По отношению к Достоевскому творчеству Руссо присущи и качества архетекста, когда связь вообще не обозначена и осуществляется в сфере неких общих мифов. Однако самый очевидный тип связи Руссо и Достоевского – это метатекст, когда предшествующий текст не называется прямо, но аллюзии все же делают эту связь

не абсолютно скрытой. Остановимся на некоторых проблемах восприятия Достоевским Руссо.

В ранних произведениях Достоевского недвусмысленные приметы мира Руссо, и само его имя возникают, прежде всего, как знак, создающий интонацию. При этом Достоевский обращается в основном к художественному творчеству Руссо. Один из первых мечтателей Достоевского – герой сентиментального романа «Белые ночи» – один из вереницы «одиноких мечтателей», первым из которых был сам создатель жанра «Reverie» – Жан-Жак Руссо в своих «Прогулках одинокого мечтателя» (1778). Одиночество, как условие формирования личности и понимания великих законов бытия, одиночество, как отторжение от «всемства» по выражению Достоевского и мечтательство как форма этого отторжения – тема, в исследовании которой таятся большие возможности для понимания глубинного родства и разности Руссо и Достоевского.

Другой тип эмблематической роли имени Руссо возникает перед нами в «петербургской повести» «Двойник» (1845). Голядкин, размышая о новых временах и семейных отношениях, издевательски замечает: «А нежностей, сударыня, нынче не любят, в наш промышленный век; дескать, прошли времена Жан-Жака Руссо. Муж, например, нынче приходит домой из должности, – дескать, душенька, нет ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съесть» [ПСС. Т.К1. С.К222]. Это как раз тот случай, когда прямо названное имя Руссо не имеет никакого отношения к подлинному Жан-Жаку, когда оно служит убогим, издевательским штампом и острой характеристикой самого героя Достоевского. Упоминание здесь Руссо сродни стихам капитана Лебядкина из «Бесов». Перед нами пародирование целого комплекса представлений о чувствительности. При этом в рассуждения Голядкина вкрадывается одна забавная неточность. Он, как и многие другие читатели Руссо, выделяет лишь одну сторону в сложной системе чувствительности. Ведь именно Руссо видел в браке общественное дело, в том числе и экономическое, а его чувствительная Юлия, с подлинно швейцарской хозяйственностью заботится о желудке и аппетите близких ей людей.

И.В. Лукьянец

Говоря о присутствии Руссо в раннем творчестве Достоевского, остановимся подробнее на незаконченной повести «Неточка Незнанова». «Неточка Незнанова» создавалась с 1847 по 1860 год. Произведение было задумано как роман, но после категори, которая прервала работу, Достоевский переделывает «Неточку» в повесть. Многократное возвращение к тексту, изменение планов, потрясение категори, заставившее взглянуть на первоначальный замысел иначе, привели к тому, что «Неточка Незнанова» представляет собой очень фрагментарное произведение, с несколькими сильными сюжетными линиями.

Исследователи Достоевского усматривали в «Неточке Незнановой» прямые следы его литературного чтения. Это и Гофман, «Песочный человек» и «Элексиры сатаны» которого повлияли на трагическую историю Ефимова, и Эжен Сю (роман-фельетон «Матильда»), и Жорж Санд. В повести Достоевского обнаруживается сюжетное, ситуационное, подчас образное сходство с названными выше текстами. Иначе функционирует в повести имя Руссо. Оно, как и ранее у Достоевского, остается эмблемой. Его имя звучит в связи с воспитательницей Неточки и княжны Кати в доме князя мадам Леотар. Достоевский с иронией говорит о слабостях мадам Леотар, женщины в общем доброй и чувствительной. Ей свойственна была безоглядная любовь к кумирам – Корнелю, Вольтеру, Руссо. Обратим внимание, что имя Руссо появляется в окружении других, что будет характерно для Достоевского и впоследствии («Глатон, Руссо, Фурье, алюминиевые колонны» – как предмет отрицания). Оправдываясь за неудачный педагогический эксперимент (мадам Леотар запирает Неточку за провинность в темной комнате, где ее забывают до утра), она говорит, что сам Руссо допускал такие наказания. Князь в гневе кричит: «Жан-Жак Руссо, сударыня! Но Жан-Жак не мог говорить этого: Жан-Жак не авторитет. Жан-Жак Руссо не смел говорить о воспитании, не имел права на то. Жан-Жак отказался от собственных детей, сударыня! Жан-Жак дурной человек, сударыня!» [ПСС. Т.К2. С.К216]. В вариантах к повести Руссо заставляет князя не просто извиниться перед оскорблённой мадам Леотар, но и отказаться от права судить

кого-либо вообще: «Да, я забылся! Боже мой! Я, кажется, назвал Руссо... дурным человеком. Боже! Я не имел права сказать этого. Какое право имеем мы судить других? Каковы мы сами?» [ПСС. Т. 2. С. 448]. Нравственная оценка биографической ситуации Руссо, затруднительная уже для самого автора «Исповеди», тяжела для князя, он не может упрощать, так как он – человек чувствительный и сострадательный. Восприятие читателем судьбы несчастной дочери князя Александры Михайловны при упоминании болезненной отцовской вины Руссо приобретает дополнительный оттенок. Имя Руссо вновь появляется как эмблема, знак, помогающий увидеть сложность, нелинейность нравственной жизни князя.

Очень любопытна скрытая полемика Достоевского с руссоистской концепцией брака в описании семейной жизни Александры Михайловны, у которой Неточка живет, покинув дом князя. Александру Михайловну связывают с мужем странные отношения. Он подолгу строго и сострадательно, подчас со слезами на глазах смотрит на нее, ласкает как несчастного ребенка, словом, точно имитирует мир чувствительности, проливая слезы даже перед Неточкой. Она видит, как смущает и странно мучает это ее воспитательницу и друга. Она чувствует какую-то тайну в ее жизни и однажды находит разгадку этой тайны в письме, что хранилось в романе Вальтер Скотта, который Неточка потихоньку берет в библиотеке. Александра Михайловна любила до брака, она – грешница, которую ее муж спас от позора. Вторая тайна, открывшаяся Неточке – это внутренняя суть отношений мужа и жены, мучителя и жертвы, связанных ненавистью и страхом. Она, эта тайна, не оформлена словесно, героиня с ее незаурядной наблюдательностью, воображением и интуицией связывает в одно целое множество мелких жестов и деталей. Неточка вообще, подобно героям Руссо, постигает мир сердцем и воображением. («Мое сердце заныло»). Итак, она слышит, как он наслаждается какую-то веселую мелодию, а затем, подойдя к зеркалу, старательно и с удовольствием делает скорбное и строгое лицо, перед тем как войти к жене. Он – нравственный мучитель, один из многих героев Достоевского, получающих удовольствие от сердечных мук другого. Этот

Миф о Ж.-Ж. Руссо и «Неточка Незванова» Ф.М.Достоевского

миг тайного подглядывания снимает все маски. Вот он, «загляивающийся» *homme de vérité et de la nature*.

О таких сюжетных ситуациях говорят, что они принадлежат всем и никому. Действительно, еще мадам де Лафайет писала в «Принцессе Клевской» (1678) о крахе брака по рассудку, который должен был стать защитой и спасением, но не стал им. Для мадам де Лафайетт брак не может стать защитой, потому что внутренняя природа человека, подверженного страстям, ненадежна. О браке спасении писал и Руссо⁸. Обратим внимание на некоторые детали письма, найденного Неточкой: «Нас разлучили, мы не ровня»; «твой муж святой, я говорил с ним»; «наша любовь была бы хороша для мира» пишет Александре Михайловне ее несчастный возлюбленный. Уже само обращение к форме письма, нередкое в раннем творчестве Достоевского, симптоматично. Мотив неравенства, высшей ценности любви, брака-спасения и «доверия прекрасных душ» заставляет вспомнить роман Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», где Руссо воплотил свою «мечту о счастье». Любовь, безусловно, открывая лучшее в человеке, божественный замысел о нем, у Руссо принадлежит иной сфере, нежели брак, в котором также осуществляется высший долг человека на земле. Поэтому и Юлия, и Сен-Пре, и Вольмар, муж Юлии остаются у Руссо «прекрасными душами», сохранившими свою совершенную природу. Напомним, что Гегель дал такую характеристику «прекрасной

души» – это душа, чувствующая в себе присутствие Бога, а единственной слабостью ее он называл боязнь испачкать свои белые одежды.

У Достоевского отказ «прекрасной души» от ее предназначения, от «блага для мира» оборачивается не удовольствием от выполнения долга, но торжеством мучителя и гибелью прекрасной души.

Примечания

1. См. напр.: **Roddier H.** Rousseau en Angleterre au XVIII siècle. – Paris, 1950; **Лотман Ю.М.** Руссо и русская культура XVIII – XIX веков // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1975; **Mounier J.** La fortune des écrits de J.-J. Rousseau dans les pays de la langue allemande de 1782 – 1713. – Paris, 1979.

2. **Достоевский Ф.М.** Полное собрание сочинений. В 30 т. – Л., 1972–88. – Т. 5. – С. 89. В дальнейшем см. ссылки на это издание в тексте.

3. **Castel L.B.** L'homme moral oppose à l'homme physique de Rousseau. – Toulouse, 1756.

4. **Герцен А.И.** Собрание сочинений. В 8 т. – М., 1975. – Т. 3. – С. 310.

5. См.: **Лукьянец И.В.** Французский роман второй половины XVIII века. – СПб., 1999. – Гл. 1. – С. 8–86.

6. См.: **Кассирер Э.** Жизнь и учение Канта. – М., 1996.

7. **Stael J.** Lettres sur les écrits et le caractère de J.-J. Rousseau. – Paris, 1788.

8. **Pulcini E.** Amour-passion et amour conjugal. Rousseau et l'origine d'un conflit moderne. – Paris, 1998; **Лукьянец И.В.** Ук. соч.

С.Н. Артановский

«Созвучие времен нам недоступно»: из лирики Германа Гессе

В преданиях древних греков и некоторых других народов встречается легенда о золотом веке, у нас русских, есть сказание о граде Китеже. В мифологии, в летописях народов мира часто речь идет о *героических временах*. Обычно они противопоставляются нашей современности. Действительно, в истории многих цивилизаций были периоды, когда каждый человек, от верховного властителя до скромного хлебопашца или рыбака знал свое место в общественном целом, воспринимал его как должное. Герои-воины защищали очаги и алтари от вражеских нашествий. Люди верили в Бога, молились в храмах и вера укрепляла их перед лицом внешних бед и личных переживаний.

В жизни людей тех времен было немало страданий, тягот, неудобств. К тому же, современная цивилизация имеет существенные достижения. Она дала нам ранее неизвестный комфорт, увеличила продолжительность жизни, расширила интеллектуальный горизонт. В нем, в частности, определенное место занимают *героические времена*. Они учат нас тому, чего нам так не хватает – необычному, непреходящему, священному.

Сегодня мы переживаем далеко не героические времена, в разворованной и униженной стране традиционная духовность России поставлена под вопрос. Что поделаешь, розы не цветут зимой. Но корни живы, и мы верим, что придет весна, и розы распустятся снова. Круговорот истории столь же вечен, как круговорот природы. Но не столь гарантирован, и потому нужно наше мужество и наши усилия. Обрести его нам помогут творения человеческой мысли, в которых опора на героическое прошлое соединяется с надеждой на будущее.

Такова, в частности, поэзия Германа Гессе.

Хорошо известны книга Германа Гессе «Glassperlenspiel», его «Степной волк» и другие художественные произведения. Гораздо меньше мы знаем о его философской лирике. Мной осуществлен перевод

одного из стихотворений Г. Гессе. В нем писатель говорит об отсутствии «глубины времен» (*Zeitenferne*) в мировоззрении современного человечества, о разрыве преемственности и измельчании людей нашего поколения. В то же время он видит единство мирового процесса, которое он понимает в духе представлений индийской философии о вечном круговороте. Стихотворение кончается на оптимистической ноте:

«Каждый час
пробивается новая радость –
Вместе с новым страданьем –
И к ним мы встаем».

(В тексте перевода дан другой вариант).

Поэма Г. Гессе созвучна многим произведениям русской поэзии XIX и XX веков. Такие поэты как Фет в своих антологических стихотворениях, К. Бальмонт, В. Брюсов и другие часто обращались к образам древних неевропейских цивилизаций. Монументальный портрет древнего героя создан Н. Гумилевым в стихотворении «Воин Агамемнона». Идея круговорота времен не раз встречается в его стихах.

«Когда же, наконец,
восставши, от сна я буду снова я –
Простой индиец, задремавший
В священный вечер у ручья».

В более близкие к нашим годы В. Сидоров издал книгу стихов-афоризмов, навеянных «индийскими сюжетами» (1985). Подобно Гессе, он пытается преодолеть «слабоумное преклонение перед настоящим» (слова А.С. Пушкина в статье о Радищеве). «Загадка времени тогда лишь разрешится, когда в единство с вечностью войдешь». Как и немецкий поэт, он верит в вечное возвращение. «Рожденный светом, в свет вернуться должен».

Р. С. Подлинник стихотворения, как и перевод, не рифмован и написан вольным размером.

Из кн.: In einer sammlung agyptische Bildwerke. Hermann Hesse Vom Baum des Lebens. Ausgewählte Gedichte. Imiselsveklaq. 1959. S. 40–41

Герман Гессе

Среди собрания египетских скульптур
Глазами – драгоценными камнями
Вы смотрите спокойно и бесстрастно
Как смотрит вечность на своих детей.
Чертам лица чужды любовь и бури
Походкой властной, породнясь с судьбой
Вступали вы на площади пред храмом
И святость ладаном курилась надо лбом.
Изгиб колен был полон редкой силы
Вы красотой сияли безмятежно.
Вам вечность родиной была.
А мы, вам младшие собратья
Бредем распущенno безбожною тропой
Желаньям жгучим преданы безмерно
Которыми наш ум не может овладеть.
Смерть – вот на что нацелено движенье
Беспамятство – вот то, к чему пришли.
Созвучие времен нам недоступно
Хотя манит нас образ давних лет.
Однако жив под свежею золою
Огонь сродства. Мы ожидаем
Богов новоявленья. Любим вас,
Безмолвных первозданных предков.
Ведь нам ничто не чуждо.
Приемлем смерть, страдание – они
Ничуть нас не тревожат. Глубже
Любить мы научились. Посмотрите,
Душа поет как птица в небесах,
И море, и долины ей родные.
Мы обнялись с бродягой и с рабом
Назвали братом зверя, лес и камень.
Исчезнут наши лики, тень от тени,
Нам не дано их в камне воплотить.
Вспорхнем как мотылек в сиянии бездонном
Тревог и радостей всё умножая ряд.
Нетерпеливо,ечно и упорно
Стремясь опять попасть в круговорот.

пер. С. А.

«И мастерство, и вдохновение...»

**Интервью с народным артистом РСФСР
лауреатом гос. премии СССР, зав. кафедрой хореографии,
профессором Борисом Яковлевичем Брегвадзе**

Санкт-Петербург, сколько слов любви и восхищения
уже прозвучало в твой адрес в этот юбилейный год!
В свои 300 лет наш город красив, молод и жизнелюбив,
как и многие, кто связал с ним свою судьбу.

Величие города складывается из реальных событий и фактов,
из биографии людей, которые живут в нем и трудятся.

Людей энергичных, увлеченных, талантливых.

Тех, кем по праву гордится наш город. Именно таким является наш собеседник –

Борис Яковлевич Брегвадзе, лауреат Государственной премии СССР,
народный артист России, профессор, заведующий кафедрой хореографии
нашего университета и просто очень обаятельный и скромный человек.

— Борис Яковлевич, у Вас богатая, творческая биография, прежде всего связанная с ленинградским балетом, слава которого не нуждается в каких-то особенно пышных словах, а считаете ли вы себя счастливым человеком?

— Наверное, да. Я с детских лет мечтал о балетной сцене и не смотря на жизненные перепетии (одна война чего стоила) мне удалось стать солистом прославленного Мариинского театра. Разве это не счастье?

— В сорок шестом году Вы исполняете ведущие партии в Саратовском театре оперы и балета. А как и когда вы стали ленинградцем?

— Это был извилистый путь. Родился я в Саратове в бедной семье далекой от театра, и лишь благодаря собственной инициативе, я сначала поступил в хореографический кружок при дворце пионеров, а потом и в Саратовское театральное училище на балетные курсы. Когда началась война училище закрылось и мне пришлось учиться в авиационном техникуме. Но мой педагог по хореографии Татьяна Михайловна Сергеева сумела собрать наш класс, и рано по утрам мы занимались в зрительном зале кинотеатра, держась за спинки стульев. Со временем на базе нашей группы, в которой кроме меня было еще пятнадцать девочек, образовалась студия при театре балета имени Чернышевского. Я одновременно учился в авиационном техникуме и посещал студийные занятия. В сорок втором году, когда мне было уже шестнадцать лет, меня пригласили в театр работать артистом балета. Так началась моя театральная жизнь. Так что уже более шестидесяти лет тружусь на хореографической ниве, о чем не перестаю благодарить свою судьбу.

В театре я танцевал и в балетах, и в операх, и даже в опереттах, считался одним из ведущих артистов, но мысль, что мне надо еще многому научиться меня не оставляла. В сорок пятом году, когда я с матерью, можно сказать, случайно, оказался в Ленинграде, за два дня до отъезда, я решился зайти в Ленинградское хореографическое училище. Прихожу я на ставшую теперь для меня родной улицу зодчего Росси и обращаюсь к художественному руководителю училища Николаю Павловичу Ивановскому. Этому человеку я многим обязан в своей судьбе, а тогда он у меня ничего и спрашививать не стал. Только сказал: «Приходите завтра, мы вас посмотрим». Я ему в ответ: «У меня нет туфель балетных». — «Дадим». Я прихожу. Дали мне туфли. Я переоделся во что попало, захожу в зал... а там сама Ваганова и другие, ныне легендарные педагоги! Я один перед ними. Педагог задает комбинации, пианист играет, а у меня с перепугу получается даже то, что в Саратове никогда не выходило. В общем, меня приняли. Но когда стали оформлять, выяснилось, что пока я не уволился из театра, взять меня не возможно. Пришлось мне ехать обратно домой, где я проработал еще почти год. Наш директор не хотел меня отпускать и только с помощью комсомольской организации мне удалось взять расчет. Правда, директор перед этим потребовал с меня расписку, что я после годичного обучения вернусь в театр. Каюсь. Эти обязательства я не выполнил.

В Ленинграде меня определили в класс Бориса Васильевича Шаврова, где были ребята, которые вернулись с войны или служили в армии. Мне было уже двадцать, а кому-то и двадцать четыре, и двадцать шесть. Выдали мне талоны на питание, рубашку с короткими рукавами и стал я учиться. Проучился до ноября. Время было суровое, — сорок шестой год. В родительской семье я далеко не привык к разносолям, но здесь было по-настоящему голодно. Я решил вернуться в Саратов. Собрал чемодан, думаю, придет праздник, я и уеду. Так бы и уехал, если бы здесь не произошел Его Величество Случай. К нам на урок пришел незнакомый мне человек. Посидел, посмотрел и ушел. Потом товарищ по классу ко мне подходит и говорит: «А ты знаешь, кто это был?» — «Нет, не знаю». «Это Лопухов, и нас с тобой выбрали на сольную партию в театр». Федор Васильевич Лопухов, один из основателей советского балета, всеми уважаемый мэтр, танцевавший в Мариинском театре еще при Петипаставил тогда балет «Весенняя сказка» про Снегурочку, и ему нужны были два исполнителя на партии Ветров в первой картине. Там была целая вариация, кода и многое другое. Уже вечером этого дня нас вызывают на репетицию. Вы представляете? Мне дали в Кировском театре сольную партию! Молодому человеку из провинции, который и мечтать-то не смел о Ленинградской сцене! Мы тогда даже премьеру танцевали. Взрослые артисты

нас дублировали, они исполняли второй спектакль, а мы, ученики, первый! Я, естественно, остался учиться дальше. На выпусксе я уже танцевал па-де-де из балета «Дон Кихот», и был принят в труппу театра оперы и балета им. Кирова, так тогда называлась Мариинка. Там мне сразу дали Базиля из «Дон Кихота», и двадцать первого декабря, я как сейчас помню, сорок седьмого года, состоялась моя премьера. Так я стал ленинградцем.

— Скажите, а были ли приглашения работать в Москве?

— В пятьдесят шестом году в Большом Театре художественным руководителем был Петр Андреевич Гусев, который до этого в течении пяти лет возглавлял балет Кировского театра и вводил меня во многие спектакли. В Большом поставили балет «Лауренсию» хореографа Чабукиани, и Петр Андреевич пригласил Наталью Михайловну Дудинскую и меня станцевать этот спектакль восьмого марта. Все прошло хорошо. И вдруг в конце месяца опять мне звонок: не могу ли я приехать? Заболел исполнитель партии Фрондосо. Сажусь в поезд, еду в Москву. С одной репетиции танцуя с Майей Михайловной Плисецкой. После этого спектакля меня вызвали в дирекцию и предложили перейти в Большой Театр. Я засомневался: «Я не хотел бы увольняться из театра. Вот если бы перевод был...» На этих условиях я дал согласие. Но в то же время какое-то чувство останавливало. У меня было больное колено. Это иногда мешало мне танцевать, надо было периодически лечиться. Тем временем меня опять вызывают в Москву. И опять «Лауренсию». Это был особенный спектакль. В зале присутствовали Никита Сергеевич Хрущев, маршал Тито и весь дипломатический корпус. Мы с Майей Михайловной очень старались. Помню, по ходу спектакля, я должен был стремительно выбежать на сцену с саблей в руке. Разбегаюсь из первой кулисы и вдруг меня, так сказать, «на полном скаку» останавливает какой-то товарищ в штатском: «Вы куда?». Оказывается, Хрущев сидел в ложе у самой сцены, и на одного из его телохранителей моя бутафорская сабля и горящие глаза произвели устрашающее впечатление. Чуть не опоздал на свой выход. На следующий день после этих бурных событий я почувствовал боль в ноге.

Думаю: нет, стоп. Это видимо знак. Стал взвешивать все за и против. В Москве надо начинать карьеру заново. Значит, танцевать и танцевать. А здесь я был уже свой человек, публика меня хорошо знала. Так что, я решил и остался. И слава Богу!

— Кого вы считаете своими учителями?

— Во Дворце пионеров, кто меня к палочке поставил? Это была Лидия Аркадьевна Шарогорова. Когда я пришел туда, она спросила меня: «Мальчик, а что ты умеешь? Раз фамилия грузинская, значит, лезгинку?» Я станцевал лезгинку. «Не убежишь?» Я говорю: «Не убегу». Принесся счастливый домой: «Мама, сшей мне туфли! И такие тесемки большие-большие!» У балерин-то они завязываются на щиколотке, а я под коленкой их завязал. Так и пришел. Моя первая учительница все смотрела на меня и улыбалась, улыбалась. Позже в Саратовском училище — Татьяна Михайловна Сергеева. Благодаря ей, когда началась война, сохранился наш танцевальный класс. Вела она его, кстати сказать, бесплатно. Это был настоящий подвижник своего дела.

В театре им. Чернышевского я многому научился у Юрия Николаевича Рейнике. Если не ошибаюсь, он закончил Петроградское хореографическое училище в 1922 году. У него были тяжелые уроки. Однажды, во время урока он вдруг воскликнул: «Смотрите, смотрите! А Брегвадзе-то запрыгал!»

В ленинградском училище я попал в класс Бориса Васильевича Шаврова, чье имя вписано золотыми буквами в историю русского балета. В 20-х – 30-х годах он был премьером Мариинского театра, занимал ведущее положение. Правда, танцующим я его уже не застал. В мое время он перешел на мимические роли, но это был великолепный актер. Его командор из «Лауренсии», фея Карабосс из «Спящей красавицы» незабываемы для тех, кто их видел. Потом, уже будучи артистом, я занимался у Владимира Ивановича Пономарева, участника знаменитых Дягилевских сезонов. Он также был прекрасным педагогом. Среди его учеников такие величайшие танцовщики как Ермолаев, Чабукиани, Сергеев. Работал со мной и Александр Иванович Пушкин. У него позже учились Нуриев и Барышников. Так что видите, сколько в моей судьбе было настоящих

мастеров и каждый вкладывал в меня свой опыт, знания, свой талант. Одним словом, с учителями повезло.

— Судьба подарила хороших, талантливых, добрых людей. А были ли такие, которые мешали?

— Нет. Нет, не было.

— То есть никаких подножек и помех?

— У меня все было гладко. Станцевал один балет, сразу готовишь другой. Роли разнообразные, интересные. Если что и было помехой, — то это собственное колено. Оно все-таки несколько придерживало меня.

— Расскажите, пожалуйста о Ваших партнерах.

Мне выпала честь танцевать со всеми знаменитыми ленинградскими балеринами своего времени. Они все были очень разные, каждая обладала своей яркой индивидуальностью. Единственное, что их объединяло — наличие недюжинного таланта. Дудинская, Вячеслава, Балабина, Шелест, Зубковская, Осипенко, Минченок, Ястребова, Кургапкина, Моисеева — далеко не полный список моих партнерш. О каждой из них у меня сохранились самые теплые воспоминания, с каждой мне было приятно и интересно танцевать. А постоянной партнерши у меня не было. В «Медном всаднике», к примеру, на протяжении моей карьеры я станцевал с десятью балеринами.

— Хочется спросить об учениках. Гордитесь ли Вы ими?

— Я преподаю классический танец в Академии русского балета с 1962 года. В прошлом году у меня был тридцатый выпуск, если посчитать всех — свыше ста учеников. Есть заслуженные, народные. Первые мои ученики уже давно на пенсии, есть, к сожалению, и те, кто уже ушел из жизни.

Учить, вообще-то, очень трудно. Лучше самому танцевать. Тогда ты сам себе предоставлен, сам за себя отвечаешь. Вначале тебе помогает репетитор, мы вдвоем делаем роль. Когда появляется опыт, ты многое можешь и сам без репетитора. На сцене ты уже не думаешь о движениях, у тебя все отработано. Главное, выйти и танцевать с душой. Главное, душевно. А ученика надо всему научить. И азам, и технике, и танцевальности, и эмоциям, и чистоте исполнения. Учить, к тому же, не только трудно, но и волнительно. Особенно, когда выпускные спектакли или концерты, когда ученик танцует на Мариинской сцене. Тогда волнуешься больше, чем когда-то за себя самого.

Моих учеников можно встретить в большинстве балетных трупп Петербурга. Некоторые из последних выпусков сейчас работают в Мариинском театре, в Михайловском. Они на хорошем счету, уже танцуют соло. Со временем, я надеюсь, они займут ведущее положение.

Так что, можно сказать, что у меня есть повод гордиться своими учениками. Но я мало об этом задумываюсь, просто продолжаю делать свое дело.

— Борис Яковлевич, еще такой непростой, возможно, вопрос. Кого из тех, с кем так или иначе вас сталкивала судьба, вы считаете великими людьми, может быть, великими представителями «золотого века советского балета»? Некоторые имена, наверное, уже прозвучали, но давайте их снова повторим.

— Вы знаете, сейчас принято хороших танцовщиц и танцовщиков называть звездами и даже великими. Мне кажется понимание значения той или иной личности в искусстве приходит со временем. Раздавать столь значительные эпитеты, наверное, имеют право только люди, видевшие на своем веку не одно поколение артистов. Им есть с кем сравнивать. Из тех, кого мне посчастливилось видеть на сцене, я бы назвал Великими танцовщиками Вахтанга Чабукиани, Константина Сергеева, Константина Соловьева, Владимира Васильева, Рудольфа Нуриева, Михаила Барышникова. А Великими балеринами: Галину Уланову, Наталью Дудинскую, Аллу Шелест, Татьяну Вечеслову, Майю Плисецкую.

— Можно ли говорить о разнице школ, имея в виду ту школу, что прошли Вы, и современную школу, о появлении сегодня каких-то новых интонаций, красок, манер?

— Конечно, время меняет эстетику танца. Это медленный, незаметный для повседневного взгляда процесс. Только сравнив, предположим, два исполнения одной и той же вариации 40–50-летней разницы, вы увидите как усложнилась техника, изменилась манера и т. д.

— А что уходит, что теряется?

— Возможно, теряются тонкости стиля, чистота танца. Появилась другая броская манера. Если Ленинград от Москвы когда-то отличался более сдержаным, «благородным» исполнением, то сейчас это различие ушло. К примеру, балерины выше сейчас стали поднимать ноги, зачастую совсем не к месту. Нелепо видеть принцессу Аврору из «Спящей красавицы» с задранной как в канкане ногой. В плане эмоциональности, мне кажется, раньше и балерины, и мужской состав были более выразительны и артистичны.

— Можно ли сказать, что артистичность давала особенную глубину восприятия спектакля?

— Безусловно. Сегодня бывает придешь на спектакль, а тебя не трогает происходящее, твоя душа не откликается. А вот Федор Васильевич Лопухов говорил: «Зритель приходит в театр, чтобы испытать, пусть всего несколько минут, истинное наслаждение». Редко сейчас приходится испытывать такое наслаждение. Может быть, я воспитан на прежних примерах, но теперь мне не достает того, чтобы меня так вот задело, захватило.

— Ваш взгляд и Ваши требования очень строги, потому, может быть, что вы пристрастный зритель...

— В какой-то степени, да. Смотрю на нынешних балерин в «Дон Кихоте». Хорошие танцовщицы, крепкие, профессиональные, ничего не могу сказать. А я вспоминаю, как все это Дудинская делала. Совершенно невольно.. Когда она только выбегала на сцену, все зрители сразу оказывались у нее в плену. Вот и получается, смотрю на одну, а вижу другую – несравненную.

— Вам тоже удавалось пленять. Вас, читаем, каждый раз вплоть до самого последнего спектакля сопровождала, цитирую, «неослабевающая любовь зрительного зала». Что же определяет любовь зрителя к балетному артисту?

— Трудно сказать. Наверное, для этого надо соответствовать ожиданиям публики, уметь дать ей то, за чем она пришла в театр. Мой зритель – послевоенный. Люди тогда истосковались по ярким краскам, им хотелось праздника, красоты, эмоционального сопереживания, лиризма. Быть может, мое искусство и оказалосьозвучным всему этому. Ну и надо, конечно же, быть обаятельным. В чем секрет обаяния – этого Вам никто не скажет, но у меня оно, кажется, было. Во всяком случае, мне его приписывают.

— Из того, что вам еще приписывают, надеюсь, вам будет приятно услышать то, что Брегвадзе отличает «глубокое проникновение в психологию героев. Лиричность, мужественность позволили создать незабываемые образы», он «развил стиль героического мужского танца, внеся в него лирические ноты, мягкий юмор», ему «наиболее удавались лирико-драматические роли, в которых выявились лучшие черты его искусства – человеческая теплота, эмоциональная наполненность, темперамент, динамичность, яркость, мужественность, простота».

— Ой, как много!

Значимость творчества актера определяется не количеством ролей, не числом выступлений, а, как считается «глубиной созданных образов». Судьба, мы знаем, щедро подарила Вам и количество ролей, и впечатляющее число выступлений, многие из них называют эталонами, до сих пор живущими в зрительской памяти. А что все-таки особенно дорого Вам, если вести речь о любимых партиях, любимых героях?

Федор Васильевич Лопухов в одной из своих книг писал, что я люблю пострадать на сцене, и был прав. Мне очень нравилось танцевать балеты насыщенные, в основном, любовными страстями. Я смеялся: то я на сцене женюсь, как в «Дон-Кихоте» или «Лауренции», то меня убивают различными способами: закалывают как Меркуцио, сжигают как Лемми в «Тропою грома». Или я сам себя убиваю, как в «Баядерке» или «Отелло». В «Египетских ночах» за ночь любви с Клеопатрой я выпивал чашу с ядом и тут же падал замертво. Скажу честно, на сцене умирать так приятно! В «Медном всаднике» были целые картины, где Евгений так мучается, что доводит себя до сумасшествия и опять же умирает. Все это я делал с большим удовольствием. Федор Васильевич шутил: «Да он же с Волги, у него мать волжанка. Так что это Саратовские страдания». Хотя, как я помню, лет до шестнадцати я был совершенно не выразителен. Меня еще худрук про-

сил: «Ну, спящая красавица, давай, выдави хоть какие-нибудь эмоции». Очень постепенно во мне что-то просыпалось. А вообще, потом меня было хлебом не корми, только дай выйти на сцену!

— Кафедра самодеятельного танцевального творчества в Ленинградском государственном институте культуры создана в 1964 году. Как получилось, что со дня основания Вы являетесь ее бессменным руководителем?

В шестьдесят четвертом году мне было тридцать семь лет. Я не только танцевал в театре, но и преподавал в училище. В один прекрасный день вдруг раздался звонок — меня приглашает на встречу ректор института культуры. Открывается отделение по подготовке педагогов для самодеятельных хореографических коллективов и мне предлагаю его возглавить. Я в полном недоумении. Ведь у меня даже высшего образования тогда не было. Подозреваю, что просто-напросто, я был из известных ректору артистов балета. После месяца раздумия, решил согласиться. Поначалу ни я, ни приглашенные мною педагоги много не знали и не понимали. Но — постепенно, шаг за шагом освоились и вот, в будущем году нашей кафедре уже 40 лет.

— Примите наши поздравления с наступающим юбилеем! Хочется узнать, в чем особенности преподавания на кафедре хореографии именно нашего вуза?

— Благодарю за поздравления. Что касается особенностей, то к примеру в Московском университете культуры и искусств есть кафедра народного танца, кафедра бального танца, кафедра классического танца. Мы же даем общее образование, куда входит и классический танец, и народно-характерный, и историко-бытовой, и бальный танец. Изучают у нас и искусство балетмейстера, современную хореографию. Все вместе. Студент не должен замыкаться в одной какой-то области. Чтобы он был востребован, очень важно общее развитие. Нельзя предсказать, как судьба повернется. Кто-то пойдет преподавать классику, кто-то джазовый танец и т.д. При образовании кафедры ставилась задача подготовить специалистов широкого профиля — педагога, постановщика и репетитора в одном лице. Этую цель мы преследуем и поныне. За сорок лет мы выпустили, наверное, около семисот человек. Они работают во многих городах нашей страны. К примеру, наш Петербургский колледж искусств полностью укомплектован нашими выпускниками.

Еще я хотел бы сказать, что раньше студенты были другими.

— Что значит другими? Добросовестнее, талантливее?

Добросовестнее, это точно. В отношении талантов я так не могу сказать, и сейчас встречаются очень способные ребята. Но раньше они твердо знали, зачем они сюда пришли. А сегодня, зачастую, ведут себя легкомысленно. Изучают историю балета, а балетные спектакли не смотрят. Хорошо еще, если из-за того, что работают по вечерам. А то ведь кому-то это просто не интересно. Но, думаю, все-таки жизнь заставит и кругозор свой расширять и более ответственно относиться к выбранной профессии.

— Спасибо большое за интересный разговор! Напоследок разрешите задать со всем короткие вопросы. Много ли из желаемого Вам удалось достичь?

— Много. Я учился у великих мастеров, танцевал на великой сцене с великими артистами. Вспоминая лица зрителей, ждавших меня у выхода из театра после моего последнего спектакля, мне кажется, что мне в этой жизни кое-что удалось.

— Кем вы себя считаете? Артистом, хореографом, педагогом?

— Артистом. Ведь педагог — он тоже артист. И как хороший артист, он должен делать свое дело с огоньком, с вдохновением. Иначе, это рутина.

— А все-таки, что важнее: мастерство или вдохновение?

— В подлинном мастерстве всегда есть Божья искра. Поэтому позволю себе процитировать знаменитые строчки «и Божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Важно все.

И.Е. Баренбаум

На Дворцовой

Когда в 1945 году я поступал в аспирантуру Библиотечного института им. Н.К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств), ею заведовал Лев Рудольфович Коган. Это был необычайно обаятельный человек. Крупного роста, но какой-то весь мягкий, с розовыми брызжами щек, он походил на доброго Деда Мороза. Он говорил со мной очень доброжелательно: «Вы, конечно, будете прияты».

Так оно и получилось.

Лев Рудольфович был старым культработником, по молодости он работал в научной библиотеке в Одессе, написал ряд книг по библиотечному делу. Вместе с тем он был специалистом по русской литературе, преподавал литературу и в нашем институте.

Это был культпросветчик старой школы. Энтузиаст. Еще до войны — под его руководством в институте работал литературный кружок. Сохранились фотографии, на которых изображены члены кружка — Лев Рудольфович и гости: на одной Алексей Толстой, на другой — Вячеслав Шишков.

Лев Рудольфович жил в Детском селе рядом с Толстым, часто с ним общался. Уже после войны написал воспоминания о Толстом и Шишкове, которого тоже хорошо знал лично. Эта дружба говорит сама за себя — Льва Рудольфовича, его знания, эрудицию, любовь к литературе, человеческие качества ценили. Между прочим, он писал роман «Изгнание» — о Пушкине на юге. С чтением глав из этого романа он выступал на заседании Пушкинского общества. По-видимому, роман не был завершен. Во всяком случае, никаких упоминаний о нем в дальнейшем мы не нашли.

Лев Рудольфович много занимался с нами, аспирантами, часто беседовал, делился своим опытом.

В памяти запечатлелся такой факт. Однажды он пригласил нас к себе домой. Это была деловая встреча. Лев Рудольфович беседовал с нами об организации научного труда, о методике исследования.

Беседа была очень живой, непосредственной. Лев Рудольфович демонстрировал нам свою «лабораторию» — картотеки, папки с материалами. В это время он работал над летописью о жизни и деятельности Н.А. Островского, поскольку был большим знатоком творчества русского драматурга. Параллельно готовилась и докторская диссертация об Островском. Особенное впечатление на меня произвели папки с хорошо систематизированным материалом. Я не отличался в этом отношении большой аккуратностью, писал в тетрадях, на отдельных листах, в блокнотах. Поучительны были записи, и их ведение, отдельные листы, с указанием автора, названия работы, темы, раздела и т. д. Казалось бы все это мелочи, но потом я убедился, насколько такие «мелочи» важны и полезны. От организации научного труда исследователя во многом зависит успех работы, ее точность, своевременность исполнения...

Был конец 40-х годов. Наступали тяжелые времена. В институте это еще не ощущалось в полной мере, но общая атмосфера отягощалась.

Помню, как Льва Рудольfovича принимали в партию. По-видимому, этот шаг был продиктован и убеждениями Льва Рудольfovича, и обстановкой. Он уже немолод, вступление в партию укрепляло позиции. Одним из рекомендующих был ректор института П.Е. Никитин. Ко Льву Рудольfovичу он относился с уважением, ценил его как педагога и организатора. Никитин подчеркнул, что если человек в таком возрасте принимает решение вступить в партию, то такое решение не может не быть зрелым, хорошо продуманным, выношенным. «Всей своей жизнью, работой, преданностью делу Лев Рудольfovич заслужил право быть принятym в члены партии», — говорил П.Е. Никитин. Помню, как они обнялись и расцеловались по-товарищески, по-брратски. Минута была трогательная.

Лев Рудольfovич был превосходный оратор и лектор. Его выступления отличались оригинальностью мысли, каким-то особым, «своим», поворотом.

Отмечалось столетие со дня выхода в свет «Манифеста коммунистической партии». Этому событию в институте была посвящена научная сессия. Ничего не запомнилось, кроме выступления Льва Рудольfovича. Неожиданно и убедительно он сравнил «Манифест» с симфоническим произведением. Было показано, что все построение «Манифеста» отвечает законам симфонического жанра: зчин — «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», проходящий лейтмотивом через все произведение; кульминация, апофеоз финала: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Сравнение с симфонией как бы усиливало мощь «Манифеста», объясняло его колossalное влияние на современников, его неувядашую силу. Сегодня такое впечатление может оказаться «не ко двору». Раздаются голоса, что «Манифест», дескать, «оболванил» наш народ. Но то было иное время, иная эпоха. Иными были и оценки. Впрочем, вряд ли такая работа, как «Манифест коммунистической партии» будет забыта. Это одна из вех на трудном пути человечества в поисках счастья. Из истории, из прошлого ничего не выкинешь.

Смерть Льва Рудольfovича прошла для меня как-то незаметно. Он болел, отошел от дел. Угас.... В музее института висит его фотография. Но о нем вспоминают редко от случая к случаю. Лев Рудольfovич Коган заслуживает лучшей памяти. Не так уж много людей «настоящих». Он был одним из них.

Однажды, просматривая газету «Невское время», я натолкнулся на очерк под названием «Учитель». Очерк был посвящен памяти Льва Давидовича Парнеса. История была трагической. Необычайно одаренный, энциклопедически образованный 22-летний школьный учитель и аспирант кафедры математического анализа Педагогического университета им. А.И. Герцена, был убит в нескольких метрах от своего дома. Убийцы найдены не были.... Но обратило мое внимание и другое: Парнес, оказывается, был внуком Льва Рудольfovича Когана.

Автор очерка, Татьяна Кудрявцева, побывавшая в доме Парнесов, пишет: «Я сидела в старческом кресле с ободранной обивкой, кресло это — единственная и бесценная вещь, доставшаяся Льву в наследство от его замечательного деда — бессребреника и мудреца, филолога и первого депутата Ленсовета, не получившего от Советской власти ничего и ушедшего из жизни, с наивной верой в добро. Леву назвали в честь деда. Микрокосмос личности был один. Так закодировал кто-то свыше»¹ Очерк иллюстрирован двумя фотопортретами. Сходство — несомненное.

Библиографы, библиотековеды...

Василий Федорович Сахаров. Известный библиотековед. Один из старейших ленинградских библиотекарей. В 20-30-е годы много занимался «открытым доступом», был автором книг и статей на эту тему. Вновь прославился этим уже после XX съезда партии, когда интерес к открытому доступу вновь усилился.

Неразговорчивый, даже стеснительный, этакий бурчливый «Бирюк», Василий Федорович был внешне довольно симпатичным мужчиной, нравившимся женщинам. Была у него одна особенность: он не носил галстуков, ходил с открытым воротом. Ему казалось, что галстук его душит. Только после прихода в институт на пост ректора Е.Я. Зазерского, приверженца «попрядка в костюме», Василий Федорович

вынужден был надеть галстук. Представляю, какие это были для него муки!

К своим занятиям Василий Федорович относился с большой серьезностью, уважительно. Как-то я приехал в Киров (Вятку) на производственную практику со студентами, остановился в центральной гостинице. Знал, что здесь должен быть и Василий Федорович. Поинтересовался, как к нему пройти.

— А, это тот — профессор? Он пишет какую-то книгу, очень занят и просил его не беспокоить.

Я, конечно, встретился с Василием Федоровичем. Мне нужно было ему кое-что передать. Но он, действительно, в это время неохотно пускал к себе, вел затворнический образ жизни и «творил».

Под его редакцией готовился учебник «Работа с читателями». Этим он и был занят, «священнодействовал».

Звание профессора Василий Федорович получил поздно, будучи кандидатом наук. В поведении его ничего не изменилось, «профессором» библиотечного дела он был и до этого.

Мы сблизились с ним так.

Чувствуя приближение старости, понимая, что творческая активность слабеет, он решил распродать часть своей библиотеки. Предложил и мне купить некоторые книги. Я пришел к нему, и мы вместе просматривали библиотеку, я отбирал то, что мне представлялось интересным, он обращал мое внимание на другие книги, брошюры, уговаривал взять. Когда отбор был сделан, договорились не обращаться в магазин, а оценить «на глазок». В общем, в цене сошлись, и я все купил. Этим, по-видимому, «растопил» сердце Василия Федоровича. С этих пор мы стали чаще общаться, беседовать, появились какие-то общие интересы.

Незадолго до кончины Василий Федорович передал мне статью о Бабушкине как читателе. Из специальных журналов ему ее возвращали. Что-то в редакциях не устраивало, какие-то биографические факты. Меня это мало смущало, и я согласился поместить ее в одном из своих сборников. Вскоре после этого Василий Федорович скончался. Перед смертью он стал совсем плохо видеть, очень жаловался на глаза, но буквально до последнего часа был в полном умственном здравии. Прожил он долгую жизнь, был награжден

за свои труды, пользовался признанием в кругах специалистов.

По настоянию близких его отпевали в церкви. На похоронах было людно, простились пришли многие. Одним из активных организаторов похорон была Ревекка Моисеевна Штейнпресс, ученица и помощница Василия Федоровича по кафедре. Она всю жизнь была бескорыстно влюблена в Василия Федоровича. Для нее это был «бог», и утрата была велика, невосполнима.

* * *

Евгений Павлович Брандис пришел к нам в институт вскоре после войны. Невысокий, слегка сутулящийся, в больших роговых очках — он часто мелькал в стенах нашего института. Читал он лекции строго, академично, сильным низким баритоном. Студенты на его лекциях старательно записывали все, что он говорил. Учебников хороших не было, а его лекции отличались полнотой, логичностью, исчерпывающе освещали тему.

Когда я защищал кандидатскую диссертацию, Евгений Павлович захотел познакомиться с моей работой.

— Я на месте Бориса Георгиевича (Резизова) сделал бы несколько иначе, — сказал Евгений Павлович, возвращая мне диссертацию. — У меня есть замечания, я выскажу их на защите.

Действительно, он выступил и, похвалив в целом работу, сказал и о ее недостатках. Мне показалось, что сказано это было с «напором», можно было легче, мягче. Впрочем, моя реакция была естественной, возможно, субъективной, ведь речь шла о моей судьбе.

Евгений Павлович вел себя в институте активно, много работал со студентами, вел литературный кружок. Он был плодовит в научном отношении, много писал, печатался.

Не избежал он в те трудные годы и неприятностей, как и многие. Он подал заявление в партию. На собрании стали интересоваться его биографией, происхождением. Выяснилось, что его отец был из «бывших». Его обвиняли в том, что он скрыл эти факты. Дело оборачивалось для него плохой стороной. В итоге в приеме в партию ему было отказано, пришлось и из института уйти.

Но, как это порой бывает, не было бы счастья — несчастье помогло. Брандису

удалось закрепиться в Доме детской книги, где он и до того сотрудничал, участвовал в составлении литературных справочников, печатался.

Оставшись не у дел, Евгений Павлович целиком сосредоточился на литературной работе. Одна за другой стали выходить его статьи, книги, брошюры. Широкую известность приобрела его книга «От Эзопа до Джанни Родари». Вскоре он переключился на Жюля Верна и фантастику. Его книги и очерки вызывали читательский интерес. Написал он книгу о Марко Вовчке, которая занималась переводами Жюля Верна. Наконец, вместе с литератором Дмитревским, он стал писать о Ефремове – знаменитом нашем фантасте. Они сдружились. Незадолго до своей кончины Ефремов писал жене: «Меня, конечно, нужно сжечь, а урну, если хочешь, чтобы было место, хорошо бы на Карельском перешейке. Это неспешно. Пока урна может стоять сколько угодно. Помогут Дмитревский и Брандис, вообщем ленинградцы...»²

Евгений Павлович приобрел известность как знаток и исследователь научно-художественной фантастической литературы. Его приняли в Союз писателей, и он даже стал председателем секции писателей – фантастов Ленинграда. Был авторитетен и влиятелен.

Когда моя соискательница В. А. Дмитриева завершила работу над диссертацией о французском издателе Ж. Этцеле, который выпускал Жюля Верна и сотрудничал с Марко Вовчок, я решил пригласить в качестве оппонента Евгения Павловича. Сначала он отказывался, ссылаясь на то, что вообще забыл давно о своей научной степени и не выступал оппонентом, но потом все же удалось заинтересовать его темой и уговорить. Защита прошла весьма успешно, и выступление Брандиса подогрело к ней интерес. С тех пор моя ученица и Брандис установили добрые взаимоотношения, и через Леру я узнавал о том, как складываются дела Евгения Павловича.

В те годы выехать за рубеж, особенно в капиталистические страны, даже для членов Союза писателей было непросто. Брандис мечтал побывать в Париже. Дело шло к счастливому финалу, но в это время он оказался в больнице. Болезнь прогресировала (кажется, рак). Лера наведыва-

лась к нему, поддерживала связь с женой Евгения Павловича. Медицина оказалась бессильна. Евгений Павлович так и не вышел из больницы. Он умер в 1985 г. в возрасте около 70 лет. Возраст в общем почтенный, но он всегда выглядел моложе своих лет, а главное был очень работоспособен, творчески активен.

Завершу свой рассказ о Брандисе отрывком из воспоминаний писателя Леонида Борисова, заядлого библиофила.

«Человек, о котором пойдет сейчас речь... золотые руки, – иначе не назовешь талантливого Евгения Павловича Брандиса: он образованный, трудолюбивый, пытливый литературовед, зоркий и принципиальный (прямота помогает и лечит) критик. Ему свойственно умение организовывать нечто пребывающее в полу хаосе; он в состоянии прочесть лекцию о своих любимых писателях, и прочесть ее так, что слушающий завтра же пойдет в библиотеку и возьмет рекомендованное ему лектором.

Десять лет назад Евгений Павлович весьма ощутимо помог мне: ему дали на рецензию рукопись моего «Жюля Верна», – недели три спустя я получил рецензию за подписью «Е. Брандис». На двадцати четырех страницах рецензент не употребил ни одного отрицательного по моему адресу эпитета, ни словечка не сказал за или против – он всего лишь привел в некоторую систему все промахи мои, ляпсусы, органические и неорганические ошибки, вранье истовое и такое, что еще возможно и простительно допустить...

Следовало сделать выводы, и я их сделал: исправил все ошибки, немало наделав новых (для второго издания надо же было что-то оставить!).

Вот эта доброжелательная прямота сдружила меня с Брандисом. Двумя годами позже он раздобыл редкую английскую книгу о жизни Стивенсона (я работал над романом об этом писателе), а немного времени спустя писал обо мне в «Звезде» и преподносил мою особу читателям во вступительной статье моей новой книге.

Я уже весьма немолод, но очень рад, что хотя и на закате моего бытия я в претличных отношениях с литератором, который помогал мне строгостью, прямотой, правдой – всем тем, что цементирует подлинные человеческие отношения.

Евгений Павлович принадлежит к тем немногим писателям, которые неусыпно и болезненно следят за появлением новинок в книжных магазинах. Для него, как и для меня, табельный день, когда в лавку писателей приходит из Москвы контейнер, когда в нашу лавку идешь, как хозяюшка на базар за мясом (а, может быть, и рыбку добудешь).

— Что нового в нашей лавке? — спрашивает меня по телефону Евгений Павлович.

Перечисляю то, что ново и интересно для меня, — оно почти всегда интересно и для него.

Повторю: я ценю в нем дар прямоты, откровенности — основ дружбы. Кажется, ему дорого мое умение ценить именно эти свойства человека»³.

«Маленький Андроников» — говорили о нем. Осип Мандельштам шутил: «Посреди огромных буйволов ходит маленький Мануйлов» (Виктор Андроникович Мануйлов был близким знакомым друзей Мандельштама — А. О. Моргулиса и И. Д. Ханцина)⁴.

Виктор Андроникович Мануйлов пришел к нам в институт из университета. Его назначили проректором по научной работе.

Невысокий, какой-то весь кругленький, он этаким шариком катился по коридорам института. Он был неусидчив и деятелен. То он на лекциях, то принимает у себя в кабинете, то беседует с кем-то в кулуарах, на лестнице. Вот его видят в Пушкинском доме, а вот он снова на лекциях в университете, в Доме писателей... Фигаро здесь, Фигаро там... Любопытно, что подобное ощущение возникало и у других. Так, например, В.Э. Вацуро в поздравлении Виктору Андрониковичу по поводу его 80-летия писал в «Литературной газете»: «Деятельность его неистощима, энергия удивительна. Кто-то заметил, что В.А. Мануйлов — пример движения: он способен быть одновременно в двух точках пространства. Его видят одновременно в двух точках пространства. Его видят за членением корректур академического Лермонтова и, кажется, в то же самое время — на Крымском побережье, в домике М.А. Волошина, где десятки отдыхающих, боясь проронить слово, слушают его рассказ, а потом поднимаются за ним по горному склону к могиле поэта»⁵. Это был милей-

ший человек. Годы были трудные. Боролись с «космополитами», выискивали «крамолу» где только можно, а Виктор Андроникович спасал одного, помогал другому, выручал третьего. Так он помог профессору Т. Сильман, жене В. Адмони, оказавшейся в силу обстоятельств не у дел. Вот что рассказывает об этом Адмони:

«Днем истребления космополитов в Институте иностранных языков был 12 апреля 1949 года. Это был день Тамариного рождения. Когда Тамаре исполнилось 40 лет.

Сразу Тамару не уволили. Ее сняли с заведования кафедрой и выгнали только через год. Весной пятидесятиго года. И тогда казалось, что о преподавательской работе для Тамары вообще нечего и думать. Но такая работа нашлась. Тамара вернулась к преподаванию немецкого языка — в неязыковом вузе — в Библиотечном институте. Удалось это сделать с трудом. Благодаря стараниям Виктора Андрониковича Мануйлова, давнего нашего знакомого. Он был тогда в Библиотечном институте заместителем директора. Понадобилось еще рекомендательное письмо от Михаила Павловича Алексеева, члена-корреспондента Академии наук СССР.

Мануйлов сначала надеялся провести Тамару в Библиотечный институт по конкурсу как заведующую кафедрой иностранных языков. Но ему помешали. «Ход ко нем» — вот так назвала эту попытку на заседании учченого совета Наталия Николаевна Житомирова, заведовавшая кафедрой детской литературы... И вместо Тамары заведующей кафедрой стала только что защитившая кандидатскую диссертацию взбалмошная пожилая женщина. И только благодаря настойчивости Мануйлова Тамару все-таки зачислили в институт преподавателем, хотя и на профессорскую ставку. И четыре года Тамара проработала в Библиотечном институте, обучая студентов азам немецкого языка, склонению и спряжению»⁶.

Последние строки отдают горечью — Сильман была видным лингвистом-теоретиком.

Мануйлов был талантливым лектором, напоминал чем-то Гуковского, но опять-таки — «маленький Гуковский». Он не делал утомительных официальных докладов. Выступал всегда как-то экспромтом, на ходу. Возможно, даже наверняка, он к сво-

им выступлениям готовился, но выглядело это, как яркая импровизация. Эрик Эз-рович Найдич, так же, как и Виктор Андроникович, лермонтовед, выступая на вечере памяти В. А. Мануйлова, говорил, что Виктор Андроникович умел «делать науку весело, даже с озорством»⁷. Это очень верно. На одном идеологическом семинаре – непременных тогда – обсуждался вопрос о партийности литературы и искусства. Виктор Андроникович заговорил о только что вышедшей книге Б.С. Мейлаха «Ленин и проблемы литературы конца XIX – начала XX вв.», удостоенной Сталинской премии. С одной стороны, похвалив автора, он с другой покритиковал его за какие-то «отступления». Но сделано это было очень мило, неназойливо и главное – не опасно для автора.

Вышла книга Г.К. Макогоненко о Н.И. Новикове. Виктор Андроникович увидел ее в моих руках, спросил:

– Ну, как, нравится?

Я по горячечной своей молодости стал говорить о недостатках монографии. Виктор Андроникович посмотрел на меня внимательно, улыбнулся и сказал:

– Но ведь хорошо, что книга вышла. Не так ли? Это ведь главное!

Он был необычайно доброжелателен и тактен.

По своему положению проректора по науке он обязан был посещать занятия, особенно молодых преподавателей.

А я только приступил впервые к чтению курса. Конечно, не все у меня ладилось. Я старался читать громко, эмоционально, подражая Гуковскому. Мне самому не все было по душе. Я искал себя, свой стиль и не находил.

Виктор Андроникович перехватил меня однажды по дороге.

– Я слышал Вашу лекцию о Марре.

– Как? Когда?

Я был изумлен. На лекциях у меня он не был. Оказалось, что он слушал меня за дверью, не желая пугать своим присутствием.

– Лектор из Вас получится. Не сомневаюсь, – говорил Виктор Андроникович. – Но вообще, чтобы стать настоящим лектором, надо прочитать не менее тысячи часов. По своему опыту знаю.

– Я посоветовал бы Вам читать, – продолжал он, – как профессор Асмус. Когда он рассказывает о литературе Древнего

Рима, такое впечатление, что вы видите этих римлян, слышите их. Так он передает атмосферу античности.

Сказал также, что я преувеличиваю значение Марра (впрочем, это было как раз после появления статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания», в которой Марр был подвергнут беспощадной критике).

В этом весь Виктор Андроникович. Ничего прямо, грубо, резко. Ничего обидного, оскорбительного для человека. А в то же время понимаешь свое несовершенство, ошибки, понимаешь, что надо делать лучше, работать, расти.

Когда после известного «дела врачей» мое положение в институте осложнилось, ректор – Скрыпнев – должен был заниматься «реконкистой», он пришел ко мне на лекцию. Я читал историю зарубежной библиографии. Ему лекция не понравилась, он нашел, что она «аполитична», обнаружил еще какие-то грехи.

Виктор Андроникович, который тоже присутствовал на лекции, возражал:

– А мне, знаете, понравилось. Это лучше, чем лекции по истории книги.

Все же Скрыпнев настоял на своем и снял чтение курса как не своевременного. Мне пришлось перейти на полставки из-за отсутствия нагрузки, а затем вообще уйти из института.

Мануйлов был известным лермонтоведом, хотя в то время капитальных работ о Лермонтове у него еще не было – статьи, брошюры. Слава к нему пришла позднее, когда он перешел на работу в Пушкинский дом (точнее, его перевели туда – со своей мягкостью, объективностью он оказался в «идеологическом» вузе не ко двору). Уже на пенсии он возглавил работу по созданию знаменитой лермонтовской энциклопедии. Труд всей жизни.

Выходили и другие его книги, статьи.

Однажды мы столкнулись с ним в прихожей Лениздата. Перед этим как раз вышла его очередная книга.

– За гонораром? – спросил я его.

– Да, – ответил Виктор Андроникович. – И Вы тоже?

Он постарел, но был все такой же живой, бодрый.

Он ушел из жизни, оставив о себе добрую память. Перед смертью вышел небольшой томик его стихов, которые он писал

всю жизнь, но не решился печатать. И в этом — скромность.

В 1989 г. на вечере памяти Мануйлова было объявлено, что издательство «Советский писатель» готовит к выпуску воспоминания Виктора Андроновича под названием «Записки счастливого человека», объемом 35 авторских листов. Они вышли спустя десять лет. Долго не могли найти средства для их издания. Помогли спонсоры. «Счастливый человек»...

В заключении хочется привести любопытный отрывок из воспоминаний Якова Липковича, характеризующий Виктора Андроновича с неожиданной стороны:

«Виктор Андронович Мануйлов выдающийся советский литературовед, не-превзойденный знаток творчества Лермонтова. Человек ясного и свободного ума, последний вольтерьянец, он в то же время имел одно довольно странное хобби. Умел предсказывать по руке будущее, — и что самое поразительное — редко ошибался (о своем увлечении хиромантией Виктор Андронович поведал в биографическом очерке «Самое главное или Как я стал хиромантом»⁸. Обладая таким сомнительно-полезным даром, он, к сожалению, весьма охотно его демонстрировал. И вот к чему это привело. Как-то шутки ради попросил погадать себе и Игнатью Дворецкому. Мануйлов взглянул на линию жизни и произнес что-то загадочно-неопределенное. Тогда Дворецкий с присущей ему настойчивостью потребовал от Виктора Андроновича сказать всю правду. В конце — концов, не выдержав такого нацика, нашуважаемый хиромант сказал то, чего всегда избегал говорить другим, — сколько Дворецкому осталось жить. Срок был небольшой — что-то около года. И со-

впало это жестокое предсказание по времени с первым инфарктом.

Однако желание жить и писать было настолько сильным, что на первых порах Дворецкий стал быстро и хорошо поправляться. Вскоре он был уже на ногах и постепенно стал забывать о безжалостном предсказании Мануйлова. «Знаешь, — однажды сказал он мне, — Мануйлов колебался, он не был окончательно уверен в своем гадании. И вот видишь, все уже позади».

Как хотелось Дворецкому жить, работать! Он по-прежнему был необыкновенно деятельным... И все же лермонтовед не ошибся. Через несколько месяцев Дворецкого не стало, не выдержало больное, наруженное сердце...

И еще один небольшой штрих. В известном каталоге «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана» под номером 2873 значится «Зеленое кольцо: Журн. Учащихся гимназии Е. Д. Петровой. — Новочеркасск: Тип. изд-ва „Время“. — на правах рукописи, 1919. — №7». Дарственная надпись гласит: «Дорогому Моисею Семеновичу Лесману мое второе выступление в печати с просьбой никому его не показывать. В. Мануйлов. 12.VIII. 1940 г. Двадцать один год спустя». Еще одно свидетельство необычайной скромности Виктора Андроновича.

¹ «Невское время», — 1993. — 2 окт.

² Измайлова А. Гуманность //Нева. — 1990. — № 5. — С. 180.

³ Борисов Л. Родители, наставники, поэты...М., 1967. — С. 148-150.

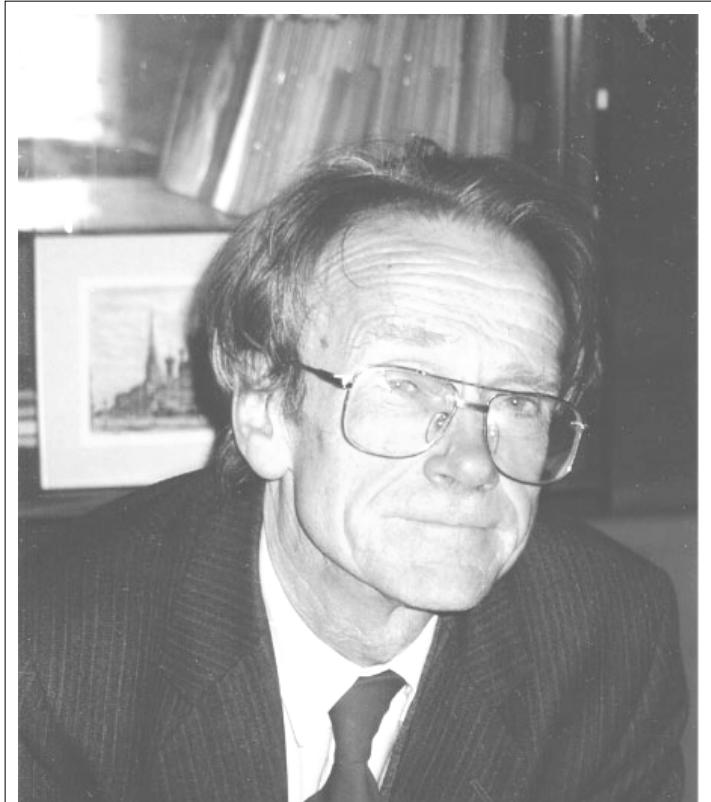
⁴ Вопросы лит. — 1991. — №1. — С. 249.

⁵ Лит. Газета. — 1983. — 3 сент.

⁶ Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем: Роман. — СПб., 1993. — С. 290.

⁷ Рус. лит. — 1989. — № 3. — С. 254.

⁸ Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. — СПб., 1990. — С. 409 — 419.

Эльмар Владимирович Соколов

Эльмар Владимирович Соколов

(06.11.1932-01.04.2003)

На 71 году ушел из жизни выдающийся российский ученый, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, член многих национальных и международных академий Эльмар Владимирович Соколов.

Это был человек уникального таланта, энциклопедических знаний. Его фундаментальные труды по проблемам культурологии, культуры личности, психоанализа, досуга на многие десятилетия обогнали время и в значительной мере предопределили развитие философской мысли, послужили методологической основой становления в России культурологии как области научного знания и социальной практики.

Он создал научную школу культуры личности, воспитал сотни ученых и практиков социально-культурной сферы, его имя с благоговением произносят в ведущих университетах мира. Он при жизни получил признание классика, но оставался безмерно скромным, застенчивым, не придававшим значение тому, какое место он занял в истории цивилизации.

Подлинно большое видится на расстоянии. Мы верим, что XXI век в полной мере оценит его, а сегодня мы склоняем головы перед светлой памятью замечательного ученого и человека.

Коллектив преподавателей и студентов Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

ОДИН ИЗ ЯРКОГО ПОКОЛЕНИЯ

1 апреля ушел из жизни **Эльмар Владимирович Соколов**, профессор Петербургской академии культуры. Замечательный ученый, прекрасный, талантливый и светлый человек. Доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Его книги еще при жизни стали классическими. Практически ни одна работа по культурологии не могла обойти вниманием его труды. В его исследованиях, посвященных культуре и личности, проблемам досуга, явно ощущается небанальное осмысление совсем обычных, всем известных вещей. Круг его интересов был широк и неожиданен. Чрезвычайно волновали его теоретические вопросы любви, смерти, внутренней психологической жизни человека. Его яркая индивидуальность сквозит во всем, что он написал, демонстрируя огромную эрудицию и смелое осмысление того, что он знал.

Его лекции и выступления были всегда чрезвычайно честными и неожиданными. Особенно это ощущалось в годы самые сложные, темные, застонные. Он осмеливался выступить со своим необшпринятным мнением, и часто это было актом гражданского мужества.

Он был ярким представителем поколения шестидесятников. К сожалению, оно постепенно уходит из нашей жизни. Замечательный друг, прекрасный научный руководитель, хороший муж и отец, светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Друзья и коллеги

04-JAN-1900 13:44

Министерство культуры
Российской Федерации
МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
(МГУКИ)
ул. Библиотечная, 7, г. Химки
Московская обл., 141406
тел. 570-31-33, факс. 570-04-44
E-mail: postmaster @ mguic.edu.ru
03.04.03 № 04-6671/
на № _____ от _____

Г

Уважаемый Павел Алексеевич!

Выражаем Вам глубочайшие соболезнования в связи с уходом из жизни Эльмара Владимировича Соколова. Тяжелую утрату вместе с коллективом Вашего вуза разделяет сегодня вся российская научная общественность, тысячи коллег и учеников Эльмара Владимировича. Ректорат и коллектив Московского государственного университета культуры и искусств склоняют головы перед светлой памятью о видном ученом, замечательном педагоге и прекрасном человеке.

Ректор

Т.Г.Киселева

Ушел из жизни выдающийся российский ученый, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, член многих национальных и международных академий Эльмар Владимирович Соколов.

Это был человек уникального таланта, энциклопедических знаний. Его фундаментальные труды по проблемам культурологии, культуры личности, психоанализа, досуга на многие десятилетия обогнали время и в значительной мере предопределили развитие философской мысли, послужили методологической основой становления в России культурологии как области научного знания и социальной практики.

Он создал научную школу культуры личности, воспитал сотни ученых и практиков социально-культурной сферы, его имя с благоговением произносят в ведущих университетах мира. Он при жизни получил признание классика, но оставался безмерно скромным, застенчивым, порой не осознавшим какое место он уже занял в истории цивилизации.

Подлинно большое видится на расстоянии. Мы верим, что XXI век в полной мере оценит его, а сегодня мы склоняем головы перед светлой памятью замечательного ученого и человека.

1 : 100 9500... PAC. PHONE NO: + 9594699 499. 02 2003 02:35P

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

119899, Москва, Воробьевы горы, МГУ, 3-я корпус

тел.: (095) 939-4698 факс: (095) 939-4699

Ректору
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусства
Подбельтову П.А.

Глубокоуважаемый Павел Алексеевич!

Дорогие коллеги!

Коллектив социологического факультета Московского университета с глубокой печалью воспринял известие о кончине доктора философских наук, профессора кафедры теории и истории культуры, заслуженного деятеля наук РФ Эльмара Владимировича Соколова.

Искренне разделяем вашу скорбь. Выражаем соболезнования семье покойного и просим Всеевального дать ей силы пережить невосполнимую утрату.

От имени коллектива социологического факультета МГУ,

декан
социологического факультета
профессор

Добренков В.И.

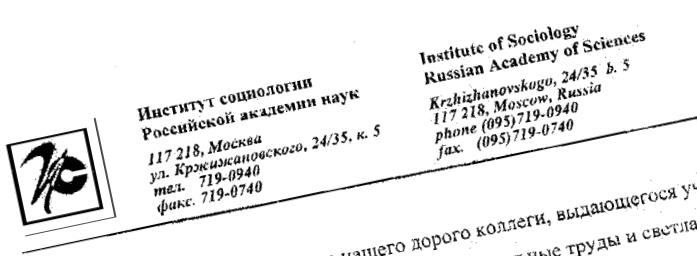
Министерство образования Российской Федерации выражает глубокое соболезнование по поводу безвременной кончины выдающегося российского ученого, доктора философских наук, профессора, действительного члена Академии гуманитарных наук Эльмара Владимировича Соколова.

Эльмар Владимирович был одним из основателей отечественной культурологии, внес огромный вклад в теорию воспитания, формирования личности молодого человека, создал целую научную школу. Его смерть – невосполнимая потеря для отечественной гуманитарной науки, для друзей и коллег, родных и близких, для всех, кто знал и уважал Эльмара Владимировича.

Память о выдающемся ученом и хорошем человеке сохранится в наших сердцах.

Заместитель Министра

Ю.В.Коврижных

Институт социологии
Российской академии наук
117 218, Москва
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5
тел. 719-0940
факс. 719-0740

Institute of Sociology
Russian Academy of Sciences
Krzizhanovskogo, 24/35 b. 5
117 218, Moscow, Russia
phone (095) 719-0940
fax. (095) 719-0740

Глубоко скорбим о кончине нашего дорогого коллеги, выдающегося ученого
Эльмара Владимировича СОКОЛОВА. Его замечательные труды и светлая лич-
ность навсегда останутся с нами.
Наши искренние соболезнования родным и близким Эльмара Владимиро-
вича.

От имени коллектива института социологии Российской академии наук.

Директор Института профессор

Фабрикс

Л.М.ДРОБИЖЕВА

Соболезнования прислали:

1. Заместитель министра образования РФ КОВРИЖНЫХ Ю.В.
2. Президиум Академии гуманитарных наук,
 проф. ПУЛЯЕВ В.Т., проф. КОЗЛОВ А.А.
3. Декан социологического факультета МГУ, проф. ДОБРЕНЬКОВ В.И.
4. Директор института социологии РАН, проф. ДРОБИЖЕВА Л.М.
5. Ректор Московского гос. университета культуры и искусств
 Проф. КИСЕЛЕВА Т.Г.
6. Доктор философских наук, проф. ЯДОВ В.А.
7. Кандидат философских наук АЛЕКСЕЕВ А.
8. Редактор журнала «Человек» М. МАНИУЛЬСКИЙ
9. Доктор философских наук, проф. Б.ДОКТОРОВ
10. Директор НИИКСИ СПбГУ, доктор психол. н. СЕМЕНОВ В.Е.
11. Доктор философских наук, проф. СИКЕВИЧ З.В.
12. «Санкт-Петербургские ведомости» – 4 апреля 2003 года.
13. «Невское время» – 2 апреля 2003 года.
14. «Телескоп» – 4 апреля 2003 года.
15. Кафедра теории культуры, этики и эстетики МГУКИ
 Проф. ФЛИЕР А.Я., проф. ОРЛОВА Э.

Сергей Артановский

**«Я никогда не говорил того, во что не верил.
Но иногда мне приходилось молчать».**
Э.В. Соколов как человек и ученый

Никому не дано прожить жизнь вне своего общества и своей эпохи. Но бывают люди, которым удается сохранить некоторую меру независимости в области духа. Эльмар Владимирович имел мужество не соглашаться с неправдой своего времени. Но он большую часть жизни провел в обществе, которое жестко диктовало своим членам «правила игры». Вместе со многими другими членами научного сообщества советской эпохи, Эльмар Владимирович нередко оказывался в трудных нравственных ситуациях.

Но не анализ нравственно-психологических переживаний Эльмара Владимира-вича является содержанием моего очерка. Это написанный по моим личным воспоминаниям рассказ об идейной эволюции русской интеллигенции шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов, о научном сообществе той поры – обо всем этом в связи с *трудами и днями* Э.В. Соколова, с его идеями и его главном труде «Культура и личность».

Несколько не претендуя на полноту картины, я попытаюсь сделать набросок некоторых характерных черт эпохи и личности Эльмара Владимира-вича, показать его как человека своего времени и как личность, всю жизнь искавшую вечные ценности.

Наše знакомство с Эльмаром Владимира-вичем относится к 1959 году. Я стал работать на кафедре философии института им. А.И. Герцена, пришел на заседание кафедры и очутился в обширной комнате, посреди которой стоял большой квадратный стол, и за ним сидело человек двадцать преподавателей. Я обвел глазами присутствующих – одно лицо особенно привлекло меня благородством и интеллигентностью выражения. Это был Эльмар Владимира-вич. Мы познакомились, и стали друзьями на 44 года. Мы были вместе и в часы досуга, и в работе. Обсуждали научные вопросы, события в стране и за рубежом, в одно и то же вре-

мя начали читать курс культурологии уже в другом вузе – в Институте культуры.

В эти годы у Эльмара Владимира-вича созрел замысел его книги, которая вышла в 1972 году и получила высокую оценку учеников нашего круга. В ней были воплощены сокровенные мысли Эльмара Владимира-вича и в то же время, она была характерным произведением эпохи семидесятых годов в истории советского общества. Понять ее можно именно в контексте этого времени.

Позволим себе небольшой экскурс в прошлое. Историю советского общества можно разделить на три периода. Первый в ряду – становление большевистского господства. Второй – его консолидация (с начала тридцатых годов и до XX съезда КПСС). Его можно назвать сталинским. Третий – с XX съезда КПСС и до конца советской власти – резкое ослабление большевизма, по сути дела – постбольшевизм (как сказал мне однажды Эльмар Владимира-вич, «Это, пожалуй, уже большевизмом назвать нельзя»).

Советский режим продолжал существовать, но власть уже чувствовала необходимость перемен и хотя неохотно, но шла на уступки. Преследования инакомыслящих продолжались, но теперь они касались только тех, кто активно и целенаправленно выступал против существующего строя, устанавливая связи с заграницей, передавая туда рукописи и получая оттуда критическую по отношению к советскому режиму литературу.

В то время как и раньше любой гражданин мог получить 10 лет каторжных работ за пару неосторожных слов. Люди получили возможность обсуждать положение дел в стране и высказываться критически по крайней мере в кругу друзей или сослуживцев, не рискуя попасть за решетку. Постепенно народ осмелел, критика пыталась пробиться и в печать. Это встречало противодействие, но кое-что прорвалось. Был напечатан «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, эмигрант-

ские воспоминания Ильи Эренбурга. С каждым годом в стране становилось все больше заезжих иностранцев – корреспондентов газет, туристов, музыкантов-гастролеров. Советский Союз стремился к установлению связей с иностранными державами, и декларируя свое презрение к мнению правительства и прессы капиталистических государств, втайне все больше считался с их мнением. Как не пытаясь партийная верхушка «не поступаться принципами», процесс либерализации советского общества набирал все новую силу. Дальше последовало обвальное падение режима. В какой-то мере оно было подготовлено этой либерализацией, но вряд ли оно было ее прямым последствием. Советский Союз развалили другие силы – в первую очередь сама партийная верхушка, жаждавшая сделать свои богатства наследственными, а также постоянное давление Запада, в первую очередь США, и другие факторы.

Но вернемся к эпохе, когда вышла книга Эльмара Владимира. Конец шестидесятых – первая половина семидесятых годов – пора зрелости этого процесса, либерализации раньше заметного только по отдельным проявлениям.

В научном сообществе того времени, почувствовавшем, хотя и весьма смутно, аромат свободы, возникло желание преодолеть догматику марксизма. Но для этого была необходима какая-то опора, какая-то другая научная парадигма. И взоры российских ученых обратились к наиболее популярной на Западе концепции – американскому интеракционизму. Эта концепция оказалась тем более подходящей, что она имела точки соприкосновения с марксизмом, и переход к ней для ученых, воспитанных в марксистском духе, был психологически несложным. Общим моментом была исходная аксиома, согласно которой личность есть продукт общественных отношений, «точка пересечения социальных связей» (К. Маркс), результат взаимодействия социальных групп и индивидов (в формулировке американских ученых). Как и марксисты, американские ученые в большинстве своем полагали, что действительность социальной жизни людей определяет их сознание. Конечно, были и разногласия, и притом существенные. Так, марксистский тезис о примате производственных отношений в жизни социума не

встречал поддержки в научных кругах США, да и других стран за пределами «социалистической системы». Были и другие важные расхождения.

Наиболее удобной для освоения оказалась американская социальная психология. Такого предмета в марксистских общественных науках вообще не было, и ввести ее положения в марксизм было наиболее легко. По этому пути шли многие советские исследователи, включая и Эльмара Владимира. Позже и отчасти вслед за ним еще более полно использовали американские учебники социальной психологии И.С. Кон, В.А. Ядов, А. Здравомыслов и другие. Отдал дань этому увлечению и пишущий эти строки.

Другим полем освоения была американская «культурная антропология». Такое название получила в США наука этнография, описание быта, языка и культуры народов мира, преимущественно бесписьменных. В немецкой науке конца XIX – начала XX века она называлась Volkerkunde, народоведение. Это было связано с тем, что единицей исторического исследования был народ. Франц Боас, основоположник американской науки о бесписьменных народах, был выходцем из Германии, но его ученики ввели новое название для своей научной дисциплины. Сказался повышенный интерес к личности и к культуре. Вскоре понятие «народ» и вовсе исчезло из культурной антропологии. Его заменила «культура», у каждого сообщества структурированная по-своему. Особое распространение получил термин pattern of culture, введенный Руфь Бенедикт – пожалуй, наиболее оригинальным умом среди «культурных антропологов». Впрочем, и здесь не обошлось без немецкого влияния – в данном случае, Ос瓦льда Шпенглера.

Американская наука уже за первую половину XX века накопила большой фактический материал, позволивший ей сделать ряд теоретических обобщений, оказавшихся плодотворными для дальнейших конкретно-исторических и полевых исследований. Несмотря на то, что многие обобщения делались наспех, такие понятия как «аккультурация», «культурный ареал» и другие явились значительным достижением. Влияние американской науки о быте и нравах народов мира, о взаимодействии культур распространилось по

всем странам, сказалось оно и у нас, несмотря на косые взгляды чиновников, ведавших идеологией.

В целом американское влияние было положительным вкладом в развитие нашей общественной науки. Необходимо и сегодня пристально следить за ее успехами. И все же в наши дни пик интереса к «культурной антропологии» пройден. Ознакомление с философией культуры Эдм. Гуссерля, Э. Кассирера и других немецких философов, с трудами французской социологической школы показало необходимость более широкой ориентации в вопросах методологии. Но это произошло лишь в девяностые годы, и находится за пределами нашего повествования.

Впрочем, некоторые идеи немецких философов были освоены в советской науке и раньше. В 1960 году вышла в свет книга В.П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры». В ней было изложено то, что, по мысли автора, должно было стать «марксистской теорией ценности». Обращение к немецкой философии конца XIX – начала XX века очевидно. Но основной смысл книги был не в академической теории. В.П. Тугаринов высказал мысль, со временем Платона хорошо известную европейской философии, но прозвучавшую очень смело и своевременно в контексте длительных усилий марксистов втиснуть всю историю и всю общественную жизнь человечества в прокрустово ложе классового подхода. В книге было сказано, что помимо конкретно-исторического (а в марксизме это означало классового) подхода есть еще ценностный – с точки зрения благости того или иного явления жизни и культуры для человека. «Ценности – интуитивны», – сказал Василий Петрович в разговоре со мной в те годы. В частных беседах Василий Петрович раскрывался как чрезвычайно проницательный, чуткий к запросам времени мыслитель. В печатных работах он был гораздо осторожнее.

Но вернемся к книге Эльмара Соколова. Мы не будем излагать ее содержание в духе обычной рецензии – что написано в первой главе, что во второй и т. д. Тем более, что многие положения труда Эльмара Владимира Владимировича давно вошли в основной фонд отечественной науки. Вместо этого сосредоточимся на главном, о чем хотел сказать Эльмар Владимирович

и притом в том виде, в каком его идеи созрели к тому времени, когда он взялся за перо.

В ту пору мы все, первые культурологи северной столицы, стремились дать определение культуры. Мы все читали книгу А. Крёбера «Культура: обзор определений» и желали изобрести что-то свое. Эльмара Владимира Владимировича это удалось. «Культура есть все то, что создано разумом и руками человека». По своему характеру это определение восходило к тому, которое дал Э.Б. Тэйлор в 1871 году. С тэйлоровским оно разделяло тот недостаток, что в нем не было проведено различия между культурным и социальным. Достоинством определения в формулировке Эльмара Владимира Владимировича была его ясность и простота – они позволяли легко запомнить дефиницию. К тому же, такое определение – первый и необходимый шаг к выяснению сущности культуры.

Сегодня я бы дополнил это определение и придал бы ему следующий вид: «Культура есть все то, что создано разумом, волей и руками человека». Таким оно представляется мне и в наши дни полезным – естественно, наряду с другими определениями.

То, что создано человеком, существует на благо его, выполняя определенные функции. Это понятие применительно к культурологии было разработано именно в книге Эльмара Владимира Владимировича. Первоначально оно имело следующий вид. Существует одна основная функция культуры – сигнификативная. Она означает, что человек посредством культуры осмысливает мироздание и общество, придает значения вещам и явлениям. Он дает им имена, и Вселенная обретает смысл. Это, в свою очередь, делает возможным ориентировку человека в мире действительности – как приспособление к ней, так и ее преобразование.

С сигнификацией напрямую связана коммуникация – она позволяет сделать смыслы общезначимыми. Что касается остальных функций, они, по мысли Эльмара Владимира Владимировича конституируются на базе сигнификативно-коммуникативной. Ибо любая функция культуры возможна лишь на основе человеческого осмысливания мира. Таковы функции становления личности, нормативная, проективная, адаптивная. Позже Эльмар Владимирович

предложил пополнить список *защитной функцией*. (Зонтик и КГБ, противотанковый ров и защита в шахматной партии и т. д.). Несмотря на то, что Эльмар Владимирович настаивал на своей идее, она не привилась.

В книге названия и расположение функций были подвергнуты некоторой косметической обработке дабы привести их в более приемлемый для марксизма вид. Но суть дела изменилась мало.

При всем своем значении функциональный подход к культуре далеко не исчерпывает методологию ее изучения. Мне запомнилось понятие самоценности культуры, на которое указал мне в одной из наших бесед Эльмар Владимирович. Вскоре мы снова вернулись к этой теме, но так и не довели дело до какого-либо определения. Но меня это понятие очень заинтересовало, и я попытаюсь сейчас изложить некоторые свои соображения на этот счет. Не знаю, согласился бы Эльмар Владимирович с моей попыткой развить его идею.

Во второй половине XX века возникла тенденция аксиологизировать понятие культуры. Это означает, что ценность были признаны не только Истина, Добро, Красота и другие элементы духовной культуры (что было уже у неокантианцев в конце XIX век), но и культура как целое. Отсюда такие выражения как «борьба за культуру», «защита культуры от современного варварства» и т. д. В этом ценностном значении культура оказалась близкой к некоторым другим высшим ценностям, в особенности ценностям религии. Произошло то, что можно назвать «обменом атрибутами» между культурой и религиозными ценностями. В нашу эпоху безверия «гуманизм» и «культура» для многих людей стали чем-то вроде «пароля времени».

В ином плане шел процесс все более высокой оценки культуры не с точки зрения ее благостного характера, ее пользы для духа и тела, а по мастерству ее исполнения. Важнымказалось не только, что она дает человеку, но и то, насколько хорошо она «сделана». Иными словами, оценка касалась совершенства форм.

И, наконец, появился еще один аспект оценки культуры. По мере того, как культуры народов мира становились объектом все более пристального изучения и втягивались в наш интеллектуальный кругозор, культуру стали рассматривать как некую

сокровищницу, научно сконструированную архитектонику, которая позволяет удерживать в нашем историческом сознании ценности различных и при том очень многих цивилизаций.

Переплетение этих трех тенденций в оценке культуры и, возможно, другие моменты аксиологизации культуры, и позволяют говорить о самоценности культуры.

Следует подчеркнуть, что это понятие ни в каком случае не может быть противопоставлено тезису о том, что культура всегда имеет человеческий смысл. Но культура может быть как бы самоценной в том значении этого термина, что она как целое выходит за пределы конкретной, непосредственно связанный с явлениями жизни функциональности, культура образует тезаурус, из которого сообщество и личность могут черпать то, что им требуется, не разрушая при этом его целостности. Сокровищница культуры становится сакральной, попытка уничтожить ее какую-то часть объявляется вандализмом.

Самоорганизация культуры конституирует ее как особый, обладающий своими свойствами и качествами мир совершенных форм. В этом смысле мы и говорим о самоценности культуры. Культура представляет перед нами не только как способ деятельности (по известному определению Э.С. Маркаряна), но и как особый мир, который становится достоянием внутреннего мира человека, в известной мере формирует его сущность.

Например, мы слушаем музыкальное произведение, скажем, сонату. Она является контрапунктом форм, доставляет нам эстетическое удовольствие, оживляет в нашей душе пережитое и помогает его осмысливать. Функция становления личности налицо, но есть и соната как культурный организм, и его законченная форма приобретает непреходящую ценность в веках, несмотря на то, что ее функции меняются в процессе социальной эволюции. Мы нередко начинаем воспринимать музыку как источник мудрости, как нечто, стоящее высоко над обыденной жизнью.

«В ней что-то чудотворное горит,
И как в огне, ее края гранятся,
Она одна со мною говорит
Когда другие подойти боятся».

В этом отрывке из стихотворения А. Ахматовой, посвященного Д. Шостаковичу, му-

зыка представлена как самосозидающаяся сила, способная противостоять неприменимой действительности. Человеку, в силу обстоятельств отрезанному от действительности, она заменяет ее, как бы становится живым собеседником. Это тоже своеобразная функция культуры (может быть, способ защиты), но в то же время обращение к ней как к самоценной стихии.

В некоторых произведениях литературы, в мифах и преданиях сделан и еще более решительный шаг в сторону символического утверждения самоценности культуры. В «Портрете Дориана Грея» Оскара Уайльда картина берет на себя бремя старения, освобождая человека от него. В мифе о Пигмалионе и Галатее, в сказках фольклорного характера, в сказках Э.Т.А. Гофмана произведения искусства «оживают»: культурное обретает как бы биологическое существование.

Заканчивая эти размышления, подчеркну вновь, что «самоценность» культуры для нас не противостоит ни человеческому смыслу культуры, ни ее функциональности. Мы лишь утверждаем, что культура как огромная сокровищница человеческих смыслов сама по себе есть величайшая ценность, во всей ее целостности, которую человечество, ее создавшее, обязано хранить и защищать от попыток варварски ее уничтожить.

В первые годы разработки теории культуры, которая осуществлялась нами преимущественно в лекционных курсах, мы уделяли большое внимание понятию антикультуры. В частности, имел место и диалог со студентами на эту тему. Что такое антикультура? Сгусток разрушительных и садистских инстинктов, озлобленное желание отомстить за свое духовное убожество вандализмом в отношении того, что стоит выше ограниченного кругозора недоумков? Или продуманное уничтожение культурных ценностей во имя торжества другой системы ценностей? Или и то, и другое? Наши размышления и беседы не отились в законченные тексты, в культурологии того времени возобладал дезаксиологический подход к культуре: в рамках которого понятие антикультуры не имело смысла.

Между тем, треть столетия, прошедшая с тех пор, показала настоятельную потребность в этом понятии. Мир по-прежнему сотрясают войны, которые становятся

все более разрушительными для городов, памятников, приводят к деморализации и пробуждению варварских инстинктов. К ним прибавился терроризм. Разрушение статуй Будды талибами и попустительства американских офицеров и солдат, приведшее к разграблению Багдадского музея напомнили нам об опасности вандальства. Исследование культурно-исторических предпосылок разрушения культуры должно в наши дни стать предметом культурологического изучения.

К числу несомненных достижений русской гуманитарной науки семидесятых годов относятся семиотические концепции, основной смысл которых был в положении о первичной и вторичной моделирующей системах. Язык, по мнению этих теоретиков, был первичной моделирующей системой. На его основе возникали вторичные подобные системы – искусство, символизм различного рода и т. д.

Эти соображения были оформлены в докладе, с которым Ю. Лотман, Успенский и другие выступили на международном конгрессе славистов в Югославии в 1973 году. Они стали основой изучения культуры как обширной моделирующей системы. Курс *теории культуры*, как ее называл А.И. Арнольдов, стал читаться сначала в Москве. Двумя – тремя годами позже его стали читать в Ленинграде. Одним из первых, кто стал вести этот курс и кто по сути дела создал его, исходя из представления о культуре как семиотической системе, был именно Эльмар Владимирович. Он высказал мысль о функциях культуры, обосновав это положение в книге «Культура и личность» и развив его в курсе культурологии, который он читал с 1968 года и до конца своих дней. Его лекции пользовались неизменным успехом у студентов – и это несмотря на обычай Эльмара Владимира не давать себе труда тщательно выстраивать свое изложение. Но бурный поток его мыслей увлекал слушателей и будоражил воображение.

Раз уж я начал говорить об Эльмаре Владимировиче как человеке, продолжу эту тему.

Эльмар Владимирович Соколов родился в 1932 году в семье ученых-ботаников. Его отец одно время был директором Ботанического Института Академии наук. Он и его жена были, как рассказывал Эльмар Владимирович, убежденными большевика-

ми, членами КПСС. Сын их, однако, с юношеских лет придерживался иных взглядов. Это был «классический конфликт поколений», о котором так любят писать социологи. В юные годы Эльмар Владимирович стал либералом и остался им до конца своих дней. Несмотря на увлечение в молодые годы сочинениями Бертрана Рассела Эльмар Владимирович не был правоверным западником. В философских вопросах ему был свойствен известный максимализм, он был далек от pragmatизма западной мысли. Эльмар Владимирович во многом следовал русской философской традиции, любил Н.Я. Данилевского и Н.А. Бердяева. Да и сам он был настоящий русский человек: честный, жаждущий в душе правды и в то же время он в житейских делах не раздражать окружающих поведением в духе Чацкого (как это делал пишущий эти строки).

От родителей Эльмару Владимировичу досталась квартира в здании Ботанического сада, в которой он жил последние годы своей жизни. Окна ее выходили в сад. По словам его жены, Эльмар Владимирович любил весной и летом, проснувшись утром, смотреть на обновившуюся зелень. Летом Эльмар Владимирович много путешествовал, искал уединенные места, где бы он мог отдохнуть душой.

Мне запомнился один эпизод из такого летнего вояжа, о котором мне рассказал Эльмар Владимирович. В тот год Эльмар Владимирович – это было задолго до его женитьбы – путешествовал в обществе одной молодой женщины, получившей в нашем дружеском кругу шутливое прозвище «рыжей». В дороге путники оказались в довольно глухом месте, где еду приходилось готовить самим. Однако там был небольшой рынок, и Эльмар Владимирович получил поручение сделать закупки. Он вернулся с зеленью, которую положил на стол. Едва «рыжая» бросила взгляд на эти приобретения, как закричала: «Что ты купил?! Это никуда не годится!» Эльмар Владимирович застыл на месте. «Я подумал в тот миг» я никогда не женюсь на этой женщине! – рассказывал он мне позже.

Ах, как он был прав. Эльмар Владимирович не терпел грубости, беспардонной обыденности, насилия. Он был гордым и независимым в душе, ценившим свободу превыше всего. Таким он был и в личных взаимоотношениях, и в общественной жиз-

ни. «Я никогда не говорил того во что не верил. Но иногда мне приходилось молчать». Да, в те годы приходилось иногда держать язык за зубами. Впрочем, наверно, так было во все времена.

Я уже говорил о том, что Эльмар Владимирович был правдивым, простым в обращении с людьми, сердечным человеком. Мне запомнился небольшой, но характерный эпизод. Возвращаясь вечером домой, я встретил Эльмара Владимира, который с портфелем в руке, озабоченно глядя куда-то вперед, спешил к станции метро. «Я – в Публичную библиотеку», – отмахнулся он от моего вопроса. «Опять работать? У тебя же сегодня была уйма лекций» – «Нет, я только навести одну справку... Да, конечно, – добавил он, заметив мой удивленный взгляд, – не в этом дело. Понимаешь, один из моих аспирантов перед защитой, ему нужно помочь, а у нас прервалась связь. Я и хочу поискать его в Публичной. Он должен быть там». Я не одобрил его поступка. – Но таким уж был Эльмар Владимирович. Воистине, он был добрый самаритянин.

Незадолго до смерти Эльмар Владимирович спросил меня, верю ли я в вечную жизнь. – «Как сказать... И да, и нет». – «А я верю в вечную жизнь». Молиться надо и поставить свечу, чтобы вечная жизнь была дана Эльмару Владимировичу, чтобы душа его вошла в светоносный божественный эфир бесконечности.

Вернемся к историческим временам, вовсе не идеальным.

В период «оттепели» и после него – «похолодание» было не столь уж значительным, хотя «диссиденты» всеми силами пытались доказать обратное, – произошел важный сдвиг в сознании российской интеллигенции. Большая часть, особенно «творческой» интеллигенции была проникнута либеральными идеями, жадно слушала Би-би-си, ездила на собственных автомобилях в Прибалтику и, вернувшись, с упоением рассказывала менее счастливым друзьям, как там все чуть-чуть похоже на Запад и поэтому очень, очень хорошо.

В шестидесятых годах ситуация усложнилась. Появилась и стала понемногу крепнуть группа – писателей, изобразивших в своих книгах современную им деревню, с сожалением констатировавших упадок крестьянской морали. Любители русской стариной, бросились собирать обломки

русско-православной культуры, растоптанной большевистским сапогом. Книга Вл. Солоухина «Письма из Русского музея» (1968) имела большой успех. Помню я был восхищен этой книгой и горячо рекомендовал ее своим друзьям. Таким же было отношение к ней Эльмара Владимировича. Он читал и узнал Н.Я. Данилевского и в разговорах с коллегами горячо настаивал на необходимости восстановить русские духовно-культурные традиции.

В конце семидесятых и особенно в восьмидесятых годах диссиденты, почувствовав, что советские руководители все больше считаются с Западом, бросились в объятья своих заграничных друзей и покровителей. Они писали протестующие письма в ЦК КПСС, переправляли свои рукописи за границу, сами стремились эмигрировать за рубеж. Эльмар Владимирович не принимал участие в этом движении. Всегда независимый и честный в своих высказываниях, он чувствовал глубокую внутреннюю связь с Россией. В беседах с друзьями Эльмар Владимирович неизменно защищал национальную точку зрения.

К сожалению, в работах Эльмара Владимира не это отразилось мало. Сказалось, в частности, влияние Вл. Соловьева, на мой взгляд, дурное. Полумистический космополитизм этого философа своими благородными декларациями импонировал Эльмару Владимировичу, также не лишенного склонности улетать в заоблачные дали этакого донкихотского идеализма.

Попытки восстановить подлинные национальные традиции, отличные от официального советского патриотизма послевоенных лет, не понравились партийным руководителям. И это несмотря на осторожность тех, кто в те времена стал собирать старинные иконы и другие предметы русской старины, кто стал искать в деревенской жизни традиционные духовные ценности. Особенно возмутили их очерки Чалмаева.

Один из партийных боссов, Александр Николаевич Яковлев, шеф Агитпропа, пошел дальше всех. В апреле 1972 года в «Литературной газете» появилась его пространная статья под заголовком «Против антиисторизма». Статья открывалась длинным введением, в котором излагались прописные истины марксизма насчет классового подхода. Далее списки тех, кто оказался не на высоте этого подхода. Это

были все те же Чалмаев и его единомышленники, далее шли «реакционная бердяевщина» и архиреакционный Карамзин. Но особый гнев А.Н. Яковleva вызвали некие грузины, посмеющие хорошо отзоваться о царице Тамаре. Правда, вышеозначенная царица жила давно, и вопрос о ее прогрессивности или реакционности мог поставить в затруднение даже самого марксистски «подкованного» историка. Но, поскольку она была царица, А.Н. Яковлев относился к ней с осуждением.

В наши дни Бердяев и Карамзин «реабилитированы». Н.А. Бердяев – блестящий стилист, мастер броской тирады, которые искушают почти любого автора, пишущего на те же темы, что и Бердяев, процитировать их. Не самый глубокий из русских мыслителей, но всегда ясный и здравомыслящий.

Еще крупнее Н.М. Карамзин. По меткой характеристике Бориса Эйхенбаума, его «История государства Российского» – не только труд историка, но и героический эпос. Эта книга явилась большим вкладом в русское национальное самосознание. Как монумент, она возвышается в истории русской культуры.

Кто знает, читал ли Александр Николаевич Бердяева и Карамзина. Он родился в деревне, молодым парнем попал в армию, сражавшуюся в Отечественной войне. Там началась его партийная карьера, вскоре принявшая большой размах. Яковлев стал главой Агитпропа, академиком, автором десятка книг. Говоря точнее, на титульном листе десятка книг стояла его фамилия. В восьми из них он разоблачал буржуазную идеологию, не брезгую передергиванием цитат, переписывая сотни страниц из одной книги в другую. В двух последних книгах, написанных в годы «перестройки», он восхищался этой идеологией. Вот таким автором был А.Н. Яковлев, никогда закончивший скромный технический вуз и ставший светочем советской идеологии. Но со статьей в «Литгазете» его постигла неудача. Статья шокировала даже видавших виды партийных товарищей. Яковлев лишился поста шефа Агитпропа и был отправлен послом в Канаду. Зато позже он стал одним из «прорабов перестройки».

Да, времена менялись. Шли семидесятые, потом восьмидесятые годы, советская власть еще держаласьочно, а ста-

ли выходить один за другим альбомы, посвященные древним русским церквам, о великом прошлом России вспоминали все смелее. Так мы подошли к концу восьмидесятых, когда мнения и суждения высказывались уже открыто, стал выходить журнал «Наше наследие», Д.С. Лихачев получил звезду героя соцтруда. А вскоре сбылась мечта советской интеллигенции – режим пал, Советский Союз перестал существовать (что, впрочем, в интеллигентских кругах было воспринято различным образом).

И что дальше? В стране, лишенной твердой власти, воцарился дикий капитализм. И интеллигенты снова опустили головы. Поругивали большевиков, писали, что большевики были утописты, пытавшие насилием навязать стране утопию и быстро погрязшие в терроре и преследовании инакомыслящих. Похоже, так и было. Но дело, может быть, в том, что и интеллигенция советских времен была тоже во власти утопии. Большевики думали, что достаточно свергнуть капитализм, как страна зацветет. Диссидентствующая интеллигенция полагала, что стоит произвести обратный маневр – свергнуть социализм и учредить капитализм – и страна захлебнется от изобилия благ и свобод. Методологическая подоплека была та же – марксистский тезис о том, что производственные отношения определяют общественное сознание. В действительности все оказалось гораздо сложнее.

Но, увлеквшись панорамой идейной жизни в советское время, мы потеряли из виду Э.В. Соколова. Как человек, он тяжело пережил переломные восьмидесяти – девяностые годы, как ученый, как автор он прошел мимо испытаний, которые достались на долю его родины. После 1989 года он написал две хорошие книги, одну о выдающихся культурологах («Культурология», 1994), другую – о психоаналитиках («Введение в психоанализ», 1998). В первой почти все очерки были посвящены западным сюжетам, во второй – все без исключения. В статье, опубликованной в сборнике «Запад или человечество?» Эльмар Владимирович твердо стоит на своих обычных позициях, рассуждая о вечном мире, международной справедливости и т. д. Глобализм мил его сердцу, неплохо было бы только его подправить.

Годы «Культуры и личности» были позади. Ученый в этом отношении не был исключением. В начале девяностых годов на прилавки книжных магазинов хлынуло половодье переизданий. Это была эмигрантская литература, новые издания русских авторов XX века, мало издававшихся в советское время. Появилось много переводов западной литературы по гуманитарным наукам. Все это, конечно, было отрадно. Но это была культура прошлого, или чужого. Понемногу стали выходить и книги российских ученых, но их авторами были пожилые люди, расцвет научной деятельности которых относился к временным давно прошедшим. Иногда они переделывали в книги свои старые лекционные материалы, иногда переделывали свои старые труды, изгоняя из них многочисленные марксистские штампы. Об этом я говорю по собственному опыту. Молодые таланты не спешили проявить себя. Молодежь писала хорошие дипломные работы, защищала хорошие кандидатские диссертации, но эти труды как-то не доходили до настоящей зрелости, до действительно оригинального взлета. У Эльмара Владимиrowича было не менее двух десятков аспирантов, как и у того, кто пишет эту статью. Но стал ли хотя бы один из этих гадких утят ослепительным лебедем?! Семидесятые годы остаются как бы вершиной отечественного научного творчества прошлого века.

Отчего же это так? Ведь в эти годы существовал неусыпный идеологический надзор, цензура, страх из-за неосторожной фразы лишиться работы, подвергнуться ostrакизму. Печататься было непросто, книгу, да и просто статью, надо было втиснуть в издательский план, широко раскрывавший ворота именитым ученым, и косо смотревший на еще неизвестных. А люди умудрялись работать, и работать творчески и интересно. Как это объяснить?

Может быть, дело было прежде всего в традиционной вере русской интеллигенции в светлое будущее (если хотите, в «утопию»). В те годы в ее среде господствовало убеждение, что времена меняются к лучшему, что вскоре появится возможность говорить и жить свободнее. Казалось, что на горизонте уже зарделась заря желанной свободы. Еще немного, и личность выпрямится во весь рост (говоря словами Н.А. Бердяева). Перед нашим мысленным

взором вырастала «Россия надежд и юных сил» (А.И. Герцен). Высказывания, которые я процитировал, относятся к другим временам – но русская интеллигенция всегда была верна своему оптимизму.

Действовали, по-видимому, и более прозаические факторы. В послевоенный период наука и ученые пользовались престижем. Преподаватели и сотрудники исследовательских институтов были материально обеспечены (скромно по западным меркам, но хорошо по сравнению с другими слоями советского общества). В официальных кругах, в пропаганде неустанно отмечалось, что наука не просто академическая деятельность, это воспитание масс. Усиленно поддерживалось просветительское по сути дела представление об интеллигенте как человеке, который призван нести свет разума во тьму непросвещенного народа. Хотя догма о «ведущей роли» пролетариата сохранялась, в нее мало кто верил, а социальное значение интеллигенции становилось все очевиднее.

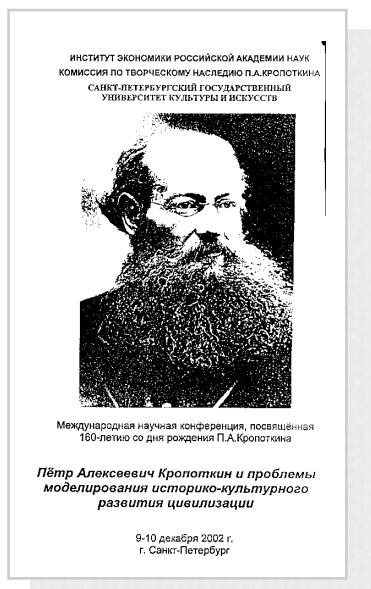
Молодой человек, выбравший своей профессией науку – а к этому стремились все настойчивей – мог рассчитывать на хорошую карьеру, уважение со стороны ок-

ружающих и чувство собственной значительности. Деньги играли определенную роль, но они не были универсальным мерилом достоинства личности, какими они стали после перестройки.

В наши дни научное сообщество России, русская интеллигенция в целом переживают трудные времена. Иных уже нет – как нет Эльмара Владимиевича – иные истощили свои силы в погоне за рублем, пытаясь поддержать свой прежний уровень жизни. Но «утопизм» русской интеллигенции неискореним. Интеллигенты снова надеются, что Россия возродится. Ждет ли их новое разочарование, подобное тому, которое они испытали в начале девяностых годов?.. Автор этого очерка русский интеллигент и, следовательно, утопист. Он и его единомышленники надеются, что сегодняшняя мечта о России претворится в действительность – эта мечта опирается не на выкладки западных теоретиков, не на заманчивые посулы радиоголосов. Она сильна тем, что призывает верить тысячелетней традиции, в которой эпизоды упадка и смуты неизменно сменялись периодами роста и достижений.

Конференции года

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
по тематике
Международной
научной конференции
«Петр Алексеевич Кропоткин
и проблемы
историко-культурного
моделирования
цивилизации», –
посвященной 160-летию
со дня рождения
П. А. Кропоткина,
проводившейся
в г. Санкт-Петербурге,
г. Дмитрове Московской обл.
и г. Москве
с 9 по 12 декабря 2002 г.

Данная международная конференция является продолжением тех мероприятий по проблемам российского и международного анархизма, которые, начиная с 1990 г., предпринимает созданная в 1989 г. на базе Института экономики Российской Академии Наук Комиссия по творческому наследию П.А. Кропоткина. Под эгидой этой комиссии были выпущены два сборника «Памяти М.А. Бакунина» (первый – М., 1990; второй – М., 1999), в которых были в числе прочих отражены вопросы биографии и мировоззрения П.А. Кропоткина; два выпуска «Трудов Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина» (М., 1992), три из четырех выпусков «Материалов Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина» (первый – «Идеи П.А. Кропоткина в философии». – М., 1995; второй – «Идеи П.А. Кропоткина в социально-экономических науках». – М., 1997; третий – «П.А. Кропоткин и революционное движение». – М., 2000; четвертый – «Идеи П.А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П.А. Кропоткина» – до сих пор находится в печати). Конференция, посвященная 160-летию со дня рождения П.А. Кропоткина является очередным шагом в изучении жизни, деятельности, мировоззрения, научного и эпистолярного наследия выдающегося революционера-анархиста, мыслителя, академического исследователя с мировым именем.

Проведение конференции было обусловлено следующими основными задачами:

- привлечь к значимой в отечественном и международном масштабе проблеме внимание молодых специалистов из Российской Федерации и специалистов не только и не столько из столичных городов, сколько из российской провинции;
- оценить и исследовать новые грани энциклопедического наследия П.А. Кропоткина;
- вовлечь в научный оборот новые пласти архивных документов;
- показать актуальность научных изысканий П.А. Кропоткина и его последователей в вопросах социальной модернизации современного общества;
- показать научное и революционное мировоззрение П.А. Кропоткина в тесной связи с проблемами историко-культурного развития цивилизации, такими, как эволюция социальных (прежде всего, исторической) и естественных наук; краеведение; регионалистика; этика и др.

— проследить по жизнеописаниям выдающегося соотечественника специфику исторического развития российской нации и оценить прогностическую актуальность социальных изысканий исследователя.

Конференция показала, что научный потенциал отечественных ученых по вопросам кропоткиноведения достаточно высок и затрагивает самый широкий спектр проблем. По-прежнему, не ослабевает интерес к философскому и культурологическому творчеству в наследии П.А. Кропоткина. Это продемонстрировали доклады:

«Князь П.А. Кропоткин и теория классического анархизма» — доктора философских наук, профессора М.А. Арефьева и кандидата исторических наук, доцента А.Г. Давыденковой (Санкт-Петербург),

«Кропоткин как философ: нравственность и свобода в контексте социального идеала» — доктора философских наук, профессора В.М. Артемова (Москва),

«Ценностные ориентации П.А. Кропоткина и современность» — кандидата исторических наук, доцента Н.В. Брюханцевой (Томск),

«Религиозные аспекты этического учения П.А. Кропоткина» — доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника РАН А.В. Гордона (Москва),

«Историософия П.А. Кропоткина» — кандидата философских наук, доцента П.В. Рябова (Москва),

«Социально-философская формула прогресса П.А. Кропоткина» — кандидата исторических наук, доцента П.И. Талерова (Санкт-Петербург).

Целый ряд участников конференции обратился к традиционной для отечественной науки проблеме, связанной с ролью П.А. Кропоткина в истории российского и международного революционно-освободительного движения (включая анархизм). Прозвучали доклады:

«Анархистское книгоиздание в Советской России» — секретаря Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина А.В. Бирюкова (Москва),

«Молодежная субкультура как фактор возрождения анархизма в России в конце XX в.» — аспиранта Д.Е. Бученкова (Нижний Новгород),

«Русские анархисты в Швейцарии в 70-80-х гг. XIX в.» — доктора исторических наук В.Я. Гросула (Москва),

«Развитие анархо-коммунизма П.А. Кропоткина в либертарной мысли 1920-1930 гг.» — кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника В.В. Дамье (Москва),

«„Убежденный“ анархист Франческо Гецци (по материалам следственного дела)» — сотрудника НИПЦ «Мемориал» Л.А. Должанской (Москва),

«П.А. Кропоткин и традиция „мистического анархизма“» — доктора юридических наук, профессора И.А. Исаева (Москва),

«К вопросу о датировке конца анархо-движения в СССР в начале 1930-х гг.» — кандидата исторических наук, доцента Я.В. Леонтьева (Москва),

«Русская либеральная эмиграция и анархизм» (конец 50-х – середина 60-х гг. XIX в.) — кандидата исторических наук, доцента Л.Ю. Гусмана (Санкт-Петербург),

«П.А. Кропоткин и формирование ортодоксально-народнической концепции „русской интелигенции“» — кандидата исторических наук, доцента Г.Н. Мокшина (Воронеж),

«Анархизм и русское революционное народничество 70-80-х гг. XIX в.» — доктора исторических наук, профессора Е.Р. Ольховского (Санкт-Петербург),

«Идеи П. Кропоткина в восприятии анархистов современной России» — главного редактора газеты «Новый свет» П.А. Рауша (Санкт-Петербург),

«П.А. Кропоткин и становление идей российского анархо-синдикализма в начале XX в.» – студента Д.И. Рублева (Москва),

«Философия анархо-коммунизма П.А. Кропоткина и концепция ливийского народовластия М. Каддафи» – аспиранта А.В. Рясова (Москва),

«П. Кропоткин, О. Веймар, М. Ребиндер: история архивного поиска» – члена Союза журналистов Е.И. Фроловой (Санкт-Петербург).

Большой интерес у научной аудитории вызвали выступления, связанные с социально-экономическими воззрениями П.А. Кропоткина:

– «**Аграрно-крестьянский вопрос в трудах П.А. Кропоткина**», кандидата исторических наук, доцента А.Н. Гарявина (Санкт-Петербург),

– «**Место кооперации в теории анархизма П.А. Кропоткина**», доктора исторических наук, профессора И.Н. Коновалова (Саратов),

– «**Производственный федерализм П.А. Кропоткина и попытки его осуществления на Тверской земле (к истории создания и деятельности Бежецкой трудовой земледельческой коммуны)**», старшего преподавателя В.П. Суворова (Тверь),

– «**Проблемы общественной ассоциации в трудах П.А. Кропоткина**», заместителя председателя Комиссии по творческому наследию П.А. Кропоткина доктора экономических наук, ведущего научного сотрудника РАН Н.К. Фигурковской (Москва).

Три доклада были связаны с краеведческой проблематикой: «**Кропоткин в Петербурге**» – методиста-краеведа М.И. Жвания (Санкт-Петербург), «**Кропоткин в Чите**» – доктора исторических наук, профессора М.В. Константинова (Чита) и «**Кропоткин и Нижний Новгород**» – кандидата исторических наук В.П. Сапона (Нижний Новгород).

Ряд выступавших освещали исторические взгляды П.А. Кропоткина: кандидат исторических наук Е.М. Мягкова (Тамбов) – в докладе «Крестьянство против Республики. Вандейское восстание 1793 г. в общей концепции Французской революции П.А. Кропоткина», кандидат исторических наук, доцент О.С. Сафонов (Воронеж) – в докладе «Взгляды П.А. Кропоткина на историю России и освободительного движения в России» и доктор исторических наук, профессор Е.В. Старостин (Москва) – в докладе «Кропоткин как историк России».

Наконец, вопросы естественнонаучного знания в мировоззрении П.А. Кропоткина рассматривали: доктор геолого-минералогических наук Г.П. Вдовыкин – «П.А. Кропоткин и В.И. Вернадский: некровное родство», кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник РАН А.Н. Земцов – «Вклад П.А. Кропоткина в развитие представлений о вулканизме континентальной Азии», кандидат географических наук, старший научный сотрудник РАН В.А. Маркин – «Духовно близкие Кропоткин и Вернадский», аспирантка О.С. Романова – «Значение Олекминско-Витимской экспедиции П.А. Кропоткина в картографировании Якутии» (все – из Москвы), доктор геолого-минералогических наук, профессор Г.Ф. Уфимцев (Иркутск) – «Орография и морфотектоника Восточной Азии: П.А. Кропоткин и после него».

Научный сотрудник музея-заповедника «Дмитровский Кремль» Я.Л. Прусский (г. Дмитров Московской обл.) сделал доклад о переписке Кропоткина с женой Софьей Григорьевной по материалам местного архива.

Принципиально новыми для науки были следующие поставленные, докладчиками проблемы:

1) **«П.А. Кропоткин как историк России».** Ранее в науке рассматривались исторические взгляды П.А. Кропоткина исключительно в связи с Великой Французской революцией (Н.И. Карапетян, Е.В. Старостин, А.В. Гордон). На конференции впервые критически взвешенно была оценена роль

П.А. Кропоткина в изучении отечественной истории и отечественного общественного движения (Е.В. Старостин (Москва), О.С. Сафонов (Воронеж)).

2) «**Литературно-критические взгляды П.А. Кропоткина** (на основе книги «Идеалы и действительность в русской литературе»). Несмотря на то, что эта книга в последние годы редко, но стала вводиться в научный оборот (например, участниками конференции – историками А.Н. Гарявиным и П.И. Талеровым), впервые был сделан доклад профессиональным филологом и литературоведом – доктором филологических наук, профессором М.В. Михайловой (Москва).

3) «**П.А. Кропоткин и М. Каддафи**» (А.В. Рясов). Ранее такая проблема вообще не поднималась.

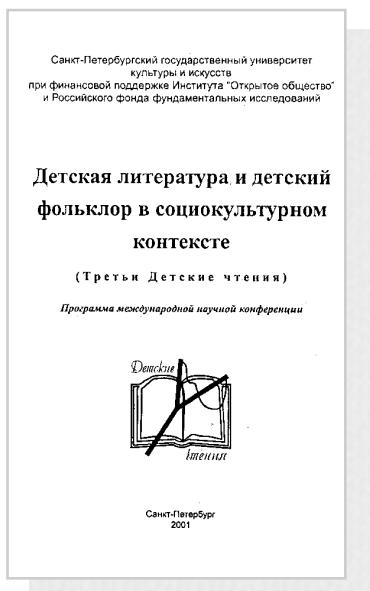
4) «**Идеи П.А. Кропоткина в археологии**». Впервые эта тема была поднята на данной конференции в докладе профессионального археолога – доктора исторических наук, профессора М.В. Константинова (Чита).

Таким образом, все научные направления хорошо обеспечены имеющими многолетний опыт исследовательской работы специалистами (М.А. Арефьев, В.А. Артемов, А.В. Гордон, В.Л. Гросул, А.Г. Давыденкова, В.Д. Ермаков, А.Н. Земцов, И.А. Исаев, И.Н. Коновалов, М.В. Константинов, В.А. Маркин, Е.Р. Ольховский, Е.В. Старостин, Г.Ф. Уфимцев, Н.К. Фигуровская), молодыми специалистами в области анарховедения и кропоткиноведения, уже внесшими свой вклад в изучение данной проблемы (А.В. Бирюков, А.Н. Гарявин, Я.В. Леонтьев, И.Ю. Подшивалов, П.А. Рауш, П.В. Рябов, В.И. Сапон, О.С. Сафонов, В.П. Суворов, П.И. Талеров), а также дебютантами в анархо- и кропоткиноведении (Н.В. Брюханцева, Л.Ю. Гусман, Л.А. Должанская, М.И. Жвания, Г.Н. Мокшин, Д.И. Рублев, А.В. Рясов).

Тематика конференции и ее реальное воплощение в докладах и выступлениях, получившее финансовую поддержку РFFI, полностью соответствуют друг другу. Цели, поставленные в обозначенном проекте, были успешно достигнуты.

Конференции

Детские чтения: «Формовка детского писателя: рычаги, стимулы, среда»

С 1999 года на кафедре детской литературы СПбГУКИ проводятся конференции под общим названием «Детские чтения». Всего прошли четыре конференции, каждая из которых имела свою тему: «Советская детская литература: текст и миф» (1999); «Детский текст – текст о детях – текст для детей» (2000); «Детская литература и детский фольклор в социокультурном контексте» (2001) и «Формовка детского писателя: рычаги, стимулы, среда» (2002).

При формировании программы Оргкомитет конференций принципиально стремился к тому, чтобы на ней прозвучали доклады специалистов, представляющих различные гуманитарные дисциплины – историки литературы, культурологи, фольклористы, лингвисты, искусствоведы, психологи. Кроме того, формулируя проблематику конференций и производя отбор докладов, организаторы ставили во главу угла те проблемы, которые в меньшей степени разработаны в отечественных гуманитарных дисциплинах.

Ниже дается краткий обзор последних двух конференций, наиболее значительных по количеству представленных докладов и разнообразию их тематики. Конференция проходила при финансовой поддержке Института «Открытое общество» и Российского фонда фундаментальных исследований.

Доклады, представленные на конференции, можно условно разделить по нескольким тематическим блокам.

Первая группа докладов была связана с историко-литературной проблематикой.

В докладе Т.Д. Исмагуловой (Санкт-Петербург) «Реальная и мифологическая биографии Лидии Чарской» были представлены результаты архивных разысканий исследовательницы, заставляющие пересмотреть традиционный взгляд на биографию популярной детской писательницы, сфальсифицировавшей некоторые факты своей жизни. Доклад Е.Д. Толстой (Иерусалим) «Биографические и культурные реминисценции в „Золотом ключике“ А.Н. Толстого» представлял комментарий к сказке, в которой, по мнению докладчицы, «зашифрованы» многочисленные реалии жизни автора в 1920-е – 1930-е годы. В докладе проф. М.В. Строганова (Тверь) «К. Чуковский и С. Михалков в литературной полемике» доказывалось предположение о направленных против К. Чуковского полемических аллюзиях в пьесе С. Михалкова «Веселое сновидение, или Смех и слезы». В докладе Н.А. Гуськова (Санкт-Петербург) «Культурные функции персонажа детс-

ких стихов С. Маршака: 1920-е годы» рассматривалась творческая история стихотворения Маршака «Пожар», выявлялись «внешние» и «внутренние» факторы, приведшие к возникновению нескольких редакций классического стихотворения. В сообщении проф. Л.Ю. Брауде (Санкт-Петербург) «Современная литературная сказка Скандинавии» шла речь о творчестве малоизвестных в России детских писателей скандинавских стран.

Другая группа литературоведческих докладов была посвящена интерпретации произведений детской литературы.

Доклад И. Антиповой и М.Л. Лурье (Санкт-Петербург) «Мой друг Мишка: К ономастическому коду советской детской литературы» представлял разыскания авторов в сфере литературного ономастикона. В соответствии с выводами доклада, ономастикон детской литературы стремится к «нейтральности», не создавая заметного культурного ореола того или иного имени; исключение же, своего рода «ономастический феномен» представляет имя Михаил, получающее устойчивую культурную репутацию. В докладе Б. Хеллмана (Хельсинки) предлагалась социологическая интерпретация классического рассказа В. Одоевского «Городок в табакерке», в соответствии с которой сюжет рассказа связан с постижением принципов общественного устройства. В докладе проф. М.П. Чередниковой (Ульяновск) «Миф–сказка–игра в цикле А. Ремизова „Посолонь“» анализировались принципы работы писателя над фольклорно-этнографическим материалом. В докладе проф. Е.О. Путиловой (Санкт-Петербург) «Восприятие современности в детской поэзии второй половины XX века» и А.А. Литягина (Санкт-Петербург) «Детские писатели как диссиденты» обсуждалась специфика выражения социального протesta в детской литературе и приложимость понятия «диссидентские» к произведениям, созданным для детей. В докладе М.С. Костюхиной (Санкт-Петербург) «Тибулл и Тиберий в московской бане: К проблеме культурного символа в детской литературе» шла речь о «постмодернистском» направлении в детской литературе. В докладе проф. Д. Шакевичюте (Каунас) «Финал произведения как социошифр в современной детской литературе» социологический смысл произведений для детей раскрывался на примере финалов литовских детских текстов. По мнению докладчицы, пристрастие к пессимистическим финалам, характерное для литовской эмигрантской детской литературы, связано с тем, что эта культура в принципе ориентирована на прошлое. В докладе А.П. Ефремова (Санкт-Петербург) «Герои Анатолия Алексина: Болезнь и добродетель» на примере творчества Алексина рассматривалась одна из особенностей советской детской литературы – стремление авторов возложить моральную ответственность за зло, царящее в мире, на героя-ребенка. В докладе проф. В.В. Головина (Санкт-Петербург) «Резонер в новейшей детской литературе» рассматривалась фигура резонера – носителя «абсолютного» знания в детских произведениях последних лет и выявлялись те принципы, в соответствии с которыми современные писатели, творящие в условиях девальвации привычных нравственных ценностей, обосновывают право своих персонажей на низведение. Наконец, возможности своеобразного социолингвистического подхода к произведениям детской литературы были продемонстрированы в докладе Т.О. Гавриловой (Санкт-Петербург) «Baby-talk в детской литературе: К проблеме стереотипа». По мнению докладчицы, проанализировавшей литературные детские бестиарии, специфика «женских» и «мужских» образцов жанра может быть объяснена через сопоставление с мужским и женским baby-talk, т.е. речевым регистром, при помощи которого взрослые общаются с детьми.

В двух докладах – «На стороне Иванова Павла» А.Ф. Белоусова (Санкт-Петербург) и «Ребенок в поэме Вен. Ерофеева „Москва–Петушки“: семантика и рецепция образа» Ю.В. Доманского (Тверь) анализировался образ ребенка в произведениях «взрослой» литературы. В первом из них рас-

сматривался цикл фельетонов В. Дорошевича о гимназисте Иванове Павле, образ которого, по мнению докладчика, во много заложила стереотип изображения ребенка в литературе XX века. Во втором докладе речь шла об амбивалентном образе ребенка в символической системе Вен. Ерофеева, совмещающем в себе черты жертвы и убийцы – носителя возмездия.

В нескольких докладах речь шла о «не-литературных» фактах культуры, создаваемой взрослыми для детей. В докладе М.В. Осориной (Санкт-Петербург) «Детская игрушка как культурный текст» описывались универсальные психологические свойства, которыми должна обладать игрушка; в докладе Е.Н. Томашевой (Санкт-Петербург) «О сюжетах компьютерных игр» была сделана попытка типологизировать сюжеты наиболее популярных компьютерных игр для детей. Для обоих докладов была важна направленность на определенную психолого-педагогическую экспертизу игрушек/игр, создаваемых для детей. Наконец, в лекции искусствоведа В.М. Домитеевой (Санкт-Петербург) «Алексей Пахомов: иллюстрации к детской книге» речь шла о крупном детском художнике 1920-х – 1940-х годов А. Пахомове, его творческой эволюции. В качестве иллюстративного материала были представлены произведения из коллекции, хранящейся у потомков художника; многие из произведений выставлялись впервые.

Другая группа докладов была посвящена феномену советского детства и идеологическим моделям, направленным на формирования нормативных представлений о советском ребенке. В докладе А.М. Губергриц (Таллинн) «Русская драматургия 1920-х – 1930-х годов для детей в контексте формирующейся субкультуры» «пионерская» драматургия раннего советского периода анализировалась как феномен субкультуры, постепенно занимающей место «магистрального» литературного течения. В докладе С.Г. Леонтьевой (Санкт-Петербург) «Красный Петрушка или Петя-пионер» анализировались генетические связи между кукольным театром Петрушки и советскими детскими пьесами 1920-х годов. По мнению докладчицы, традиционная фигура Петрушка повлияла на формирование нормативного образа советского ребенка, формировавшегося в идеологическом дискурсе советской эпохи. По мнению А.П. Минаевой (Москва) (доклад «Картина детства в „наивной литературе“»), анализировавшей крестьянские мемуары XX века, авторы воспоминаний, бессознательно учитывавшие требования политической конъюнктуры, фактически «отсекали» раннюю часть своей жизни, редуцируя ее до уровня стереотипных и мало соответствующих действительности клише. В докладе А.В. Тарабукиной (Санкт-Петербург) «„Здравствуй, дружок!“: Подросток в детской сексологии» была проанализирована предназначенная для подростков советская научно-популярная литература на медицинские и сексологические темы, выявлены практиковавшиеся в различные десятилетия нормативные концепции сексуальной жизни советского молодого человека. В докладе Л.В. Степановой (Санкт-Петербург) «Образ детства. Эстетика мышления в литературе развитого социализма» рассматривались идеологемы советского детства в 1970-е годы.

Кроме того, идеологическая составляющая антропологии детства была специально рассмотрена на круглом столе, посвященном пионерской культуре. Председателем круглого стола был П.А. Клубков (Санкт-Петербург), в ходе работы круглого стола была заслушана и обсуждены сообщения Н.А. Березиной (Санкт-Петербург) «Наше пионерское детство» и В.П. Романова (Петрозаводск) «Вожатый глазами вожатого в культурологическом контексте эпохи». В этих сообщениях, авторы которых имели значительный стаж вожатской работы, содержалась информация, позволяющая проследить эволюцию пионерской работы на различных этапах существования пионерской организации. Среди вопросов, поднимавшихся во время работы круглого стола, следует выделить: проблему специфики пионер-

кой символики; вопросы эволюции ритуальных практик, культивировавшихся пионерской организацией; культурно-антропологическую проблему рецепции этих практик «реципиентами» – советскими школьниками.

Ритуальным практикам, связанным с детьми, но уже на материале XIX века, был посвящен доклад проф. Е.В. Душечкиной (Санкт-Петербург) «Сборники детских поздравительных стихов XIX века». В докладе рассматривалась традиция поэтических благопожеланий, произносившихся детьми, высказывалось предположение о генетических связях феномена с польской католической церковной обрядностью.

Доклад Я.Э. Ахапкиной (Санкт-Петербург) «Метадетская металитература: К вопросу жанра» был посвящен другому культурному феномену, также направленному на формирование нормативного детского поведения – изанию образцовых школьных сочинений XIX – начала XX века. В докладе рассматривались теоретико-педагогические обоснования такого типа изданий, кроме того, они сопоставлялись с новейшим аналогом – «золотыми сочинениями» 1980-х – 1990-х годов.

Наконец, последняя группа докладов была посвящена детской субкультуре. В лингвистическом докладе П.А. Клубкова (Санкт-Петербург) «Бедный Снепорок: коммуникативные неудачи в диалоге „ребенок–взрослый“» рассматривались особенности неверной рецепции детьми тех или иных вербальных текстов. Доклад А.Ю. Веселовой (Санкт-Петербург) «Историческое прошлое в сочинениях школьников на свободную тему» был посвящен типичным ошибкам школьников, пишущим на исторические темы; по мнению автора сообщения, анализ этих ошибок позволяет реконструировать картину национальной истории в сознании современного школьника. В докладе А.В. Хромовой (Санкт-Петербург) «Письма детей к Деду Морозу» были представлены результаты работы автора в архивах «Почты Деда Мороза» в Великом Устюге; выявлялись основные особенности рецепции образа Деда Мороза современными детьми, коммуникативные стратегии, используемые детьми в общении с этим персонажем. В докладе А.С. Архиповой (Москва) «А и Б сидели на трубе: К исторической типологии детской загадки» прослеживалась эволюция жанра детской загадки-«обманки». По мнению докладчицы, этот жанр, «взрослый» по своему происхождению, во второй половине XIX века постепенно становится важной частью инициационных обрядов в различных детских сообществах.

Тематически к этой группе докладов примыкают два этнографических видеофильма, представленных на конференции. Фильм М.Г. Матлина и М.Н. Одинокой (Ульяновск) «Мифы 2 „А“» представляет уникальный материал по детским магическим практикам. Комментарием к фильму служил доклад М.Н. Одинокой «Вызывающие 2 „А“», в котором материалы, зафиксированные в фильме, рассматривались на фоне традиции детских «вызывающих». Фильм Д.Н. Мамедовой «Что у тебя в портфеле? Материальный мир современного школьника» и комментарий к нему отвечали на вопросы: чем и как пользуется ребенок в повседневной жизни; каким хочет представить себя, показывая тот или иной предмет или рассказывая о нем взрослому?

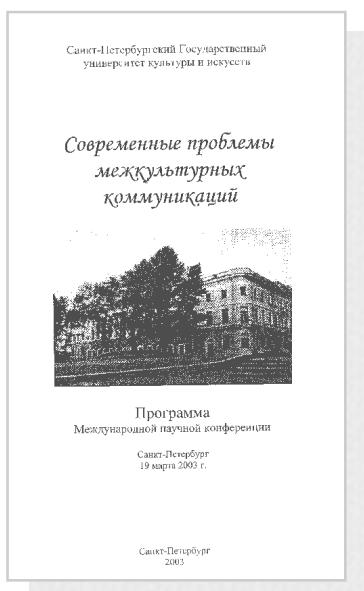
На основе прозвучавших докладов и выступлений можно обозначить ряд итоговых соображений концептуального характера: прежде всего, обнаруживает себя принципиальная амбивалентность большинства феноменов, относящихся к осмыслиению образа ребенка и образа детства. Наиболее продуктивным оказался анализ программирующих функций детской литературы и детского фольклора, что было особенно заметно при использовании исследователями социального подхода к обозначенному кругу проблем. Доклады и сообщения, базирующиеся на социологической методике, были широко представлены на конференции. Установлено, что детская литература и детская субкультура находятся в сложных отношениях с программирующими моделями взрослого социума, с одной стороны воспри-

нимая и отражая эти модели, а с другой стороны – отталкиваясь от них и формируя свои собственные. Результаты исследований доказывают плодотворность методологии визуальной антропологии, которая позволяет представить уникальный материал по широкому кругу проблем, связанных, в частности, с материальной культурой современного детства, и другими субкультурными феноменами.

По итогам конференций 1999 – 2001 годов выпущено издание «Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства» (М., 2003). Планируется издание материалов конференции 2002 года.

Конференции

Современные проблемы межкультурных коммуникаций: международная научная конференция

Конференция проведена 19 марта 2003 года в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств кафедрами: межкультурных коммуникаций, теории и истории культуры, философии и политологии, искусствоведения; при участии Международной академии наук высшей школы, Академии гуманитарных наук, Комитета по культуре администрации Санкт-Петербурга, Государственной полярной академии, Института телевидения, бизнеса и дизайна (Невский Университет)

Оргкомитет конференции: председатель – П.А. Подболотов, доктор ист. наук, проф., ректор СПбГУКИ. Заместитель председателя – Е.П. Борзова, доктор филос. наук, проф., С.Н. Иконникова, доктор филос. наук, проф. Члены оргкомитета: И.И. Бурдукова, доктор филос. наук, проф., И.Ф. Кефели, доктор филос. наук, проф., Т.П. Жаворонкова, кандидат культурологии, доцент, М.Г. Заборская, кандидат филос. наук, Г.В. Скотникова, кандидат пед. наук, доцент.

Открыл конференцию проректор по научной работе СПбГУКИ доктор филол. наук, профессор В.В. Головин. Были представлены доклады:

«Проблемы международных вузовских контактов» П.А. Подболотова, «Мировые цивилизации: столкновение или сотрудничество?» С.Н. Иконниковой, «Модернизация высшей школы как коммуникативный процесс» А.А. Сукало.

В секции «Виды и формы межкультурных коммуникаций: философия, наука, культурология» (рук.: проф. Е.П. Борзова) выступило 33 человека; в секции «Лингвистические проблемы коммуникативной культуры» (рук.: ст. преп. О.А. Якименко) было представлено 9 выступлений; 9 докладов было выслушано на секции «Музыкальное искусство как сфера межкультурных коммуникаций» (рук.: ст. преп. О.И. Гладкова).

24 марта в 12.00 в рамках конференции состоялось выступление норвежского хора (г. Тунсет).

После проведения конференции по ее итогам составлен сборник статей участников, который в настоящее время готовится к публикации.

Конференции года

Литературные чтения

В феврале 2000 года кафедра литературы провела конференцию, посвященную творческому наследию А.С. Пушкина. Она наглядно показала, как интересна и широка сфера профессиональных интересов сотрудников кафедры. Среди исследований педагогов работы по изучению творчества русских и зарубежных писателей в культурологическом и историко-функциональном контексте эпох, исследования в области теории и истории литературы, театра, анализ современного литературного процесса в России и за рубежом. Тогда стало очевидным, сколь важна коллегам и для собственных научных изысканий, и для учебной работы возможность услышать друг друга. Интересно было увидеть их в сопряжении с научными изысканиями историков и теоретиков литературы за пределами СПбГУКИ. Было принято решение о проведении ежегодных научных конференций «Литературные чтения». Название, на наш взгляд, точно отражало принципиальное желание освободиться от жесткой регламентации тематики, учесть многообразие научных интересов ученых.

Первая же конференция подтвердила актуальность для филологов предложенного нами диалога. «Литературные чтения» прошли с 28 по 1 марта. В пленарном заседании, в работе трех секций («Литература XVII – XVIII веков», «Литература XIX века», «Литература XX века») приняли участие 27 ученых Петербурга, Москвы, Вологды, Орла. Среди докладчиков были ученые МГУ, СПбГУ, ИРЛИ, РГПУ. Тем более лестным был интерес к исследованиям преподавателей СПбГУКИ. Очень плодотворным оказался диалог специалистов в области русской и зарубежной литературы, ведь достаточно редко на филологических конференциях они оказываются вместе. Статьи по материалам докладов «Литературных чтений» 2002 года составили сборник, подготовленный к печати в нашем университете.

В 2003 году «Литературные чтения» состоялись 21–22 марта. В заседаниях двух секций приняли участие 29 докладчиков, представлявших СПбГУКИ, ИРЛИ, СПбГУ, РГПУ, МГУ, МГУП. Кафедре было важно привлечь внимание к конференции именно сложившихся ученых, чей авторитет в науке подтвержден яркими и глубокими работами. В результате диапазон воп-

росов, обсуждаемых на конференции, включал в себя проблемы теории и истории литературы, философские аспекты творчества писателей, проблемы взаимодействия литературы и театра, вопросы методики преподавания литературы и т. п. Не менее интересными были дискуссии, вызванные материалом докладов. Все гости кафедры говорили и о плодотворных результатах обмена мнениями, о важности в сегодняшнее непростое время иметь возможность встретиться с коллегами, узнать о современных направлениях научных поисков. Всем хотелось верить, что традиция «Литературных чтений» будет продолжена и в 2004 году.

Конференции

XIII Смирдинские чтения

Международная книговедческая конференция тринадцатые «Смирдинские чтения» прошла в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств 24–26 марта 2003 года. Конференция была посвящена юбилею Санкт-Петербурга. И именно поэтому, в отличие от предшествующих «Смирдинских чтений», традиционно имевших широкую программу «Книга. Культура. Общество», её основной темой стала «Книжная культура Петербурга».

Конференция, как обычно, организована кафедрой общей библиографии и книговедения названного университета. Председателем организационного комитета была зав. кафедрой, доктор филологических наук, профессор И.А. Шомракова, секретарем – докторант кафедры П.Н. Базанов.

На конференции было заявлено 47 докладов, прочитано 39, остальные были в качестве стеновых. В конференции приняли участие ведущие книговеды (доктора наук, профессора И.Е. Баренбаум, С.В. Белов, А.В. Блюм, А.В. Шевцов, И.А. Шомракова), библиографоведы (доктор пед. наук, профессор О.М. Зусьман), философы (доктор филос. наук, профессор В.А. Петрицкий). В числе участников, кроме преподавателей и аспирантов Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, были и представители других вузов: Санкт-Петербургского государственного университета, Северо-Западного института печати, Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, Российского гуманитарного университета (Москва), Челябинского государственного института искусств и культуры, Орловского государственного института искусств и культуры, сотрудники Российской национальной Библиотеки, Библиотеки Российской академии наук, Института мировой литературы им. М. Горького (Москва), Музея печати (Петербург), Архива УФСБ по Петербургу. В конференции принимали участие учёные из Израиля (Т. Друбецкая, доктор философии, Хайфский университет, С. Лапицкая, доктор философии).

В общей сложности в течение трех дней в конференции приняло участие более ста человек – учёные, практики-библиотекари, издатели. По традиции наряду с известными учёными выступали и молодые: аспиранты, докторанты. Участие молодых особенно отрадно, так как не только подтверждает интерес к книговедческой тематике в широком смысле (теория книговедения, история книги, источниковедение, библиотековедение, библиографоведение).

ние, книжные связи, издательско-книготорговые проблемы и т.п.), но, и это исключительно важно, продолжение и развитие книговедческой науки.

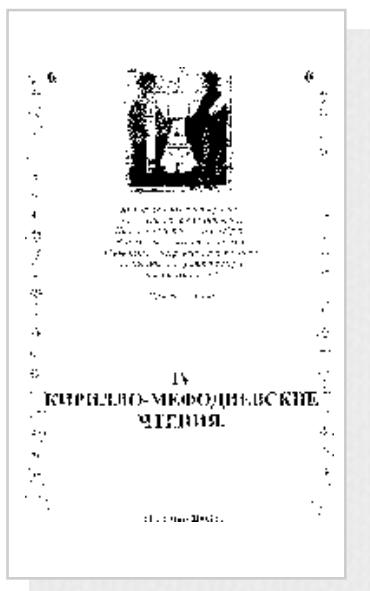
На конференции работали две секции: 1. «Книга. Читатель. Деятели книги» (председатели – доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств А.В. Блюм, И.А. Шомракова); 2. «Библиотека. Библиография» (председатели – доктор филологических наук, и.о. профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств Г.В. Михеева, кандидат пед. наук, докторант СПбГУКИ П.Н. Базанов).

Конференцию открывал проректор по учебной работе Санкт-Петербургского государственного университета, доктор пед. наук, профессор А.А. Сукало. Он поздравил собравшихся с открытием конференции и отметил неизменную основополагающую роль КНИГИ в развитии культуры, науки и образования. А.А. Сукало подчеркнул важность изучения всех аспектов книжного дела, так как именно развитие и совершенствование издания, распространения и использования книги может помочь человечеству найти выход из современных политических, социальных, этнических противоречий. Книга может помочь людям понять друг друга, ибо в ней заключается все достижения культуры и науки, накопленные человечеством на протяжении тысячелетий. Книга может стать средством объединения людей разных верований и политических убеждений. Современные технические средства не могут полностью заменить книгу. Она может измениться внешне, как уже не раз бывало в её истории, но суть её останется неизменной. И в виде дискеты, кассеты, любой другой формы, она всегда будет важнейшим средством общения между поколениями, народами разных стран, своеобразной и вечной «машиной времени». А.А. Сукало поздравил кафедру общей библиографии и книговедения с сохранением традиции в организации такого представительного научного форума и пожелал успеха в работе.

Конференция закончилась обсуждением докладов и подведением итогов. В отличие от предшествующих, тринадцатые «Смирдинские чтения» при всем разнообразии представленных докладов, были ограничены петербургской тематикой. Это положение участники и гости конференции признали вполне приемлемым. Традиционной особенностью конференции было большое число докладов, основанных на архивных источниках, раскрывающих новые, ранее неизвестные факты и материалы. Это же обстоятельство обусловило аналитичность, глубину и доказательность выводов. Несмотря на юбилейный характер чтений, актуальность заявленных докладов не уступала предшествующим. Высокий научный ценз конференции (в её работе приняли участие 9 докторов наук, 24 кандидата наук) обусловил высокий научный уровень докладов. По итогам конференции, как обычно, будет опубликован сборник докладов.

Конференции

IV Кирилло- мефодиевские чтения

Сотрудники кафедры истории русской культуры, возглавляемой доктором филос. наук, профессором В.А. Щученко, явились одними из инициаторов и активных участников IV Кирилло-Мефодиевских чтений, проходивших в Санкт-Петербурге 20–24 мая.

Сотрудниками кафедры была разработана общая концептуальная направленность научно-просветительской конференции, определен круг ее участников. Организационная работа по подготовке и проведению чтений была поручена преподавателю кафедры Р.В. Басмановой. Организационный комитет IV Кирилло-Мефодиевских чтений располагался на базе факультета. В подготовке чтений приняли участие педагоги, аспиранты, студенты и выпускники факультета истории русской культуры.

Традиционные Кирилло-Мефодиевские чтения проходят под эгидой Межвузовской Ассоциации «Покров», организованной по инициативе Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга. В ее состав входят Санкт-Петербургские Духовные Академия и Семинария, девять ведущих вузов Санкт-Петербурга, Высшие военные учебные заведения. Президент Ассоциации «Покров» – архиепископ Тихвинский Константин, ректор Санкт-Петербургских Духовных Академии и Семинарии.

IV Кирилло-Мефодиевские чтения, по сравнению с предшествующими, состоялись с расширенным составом участников, в него вошли представители академических институтов, крупнейших библиотек и музеев Санкт-Петербурга, Союза православных ученых России, Епархиального отдела религиозного образования и духовного проповедования.

Значительное внимание в ходе чтений было уделено просветительской миссии святых Кирилла и Мефодия в славянских странах и ее значению для культуры России. Основная идея конференции – отразить взаимосвязь духовной культуры православия и светской культуры в многообразии ее сфер (философской, экономической, художественной культуры, педагогики). Доклады раскрывали догматические основы христианской культуры и ее рецепцию в светской традиции. Предложенные внимание участников и слушателей доклады были посвящены как истории византийской, славянской, древнерусской культуры, так и актуальным проблемам культуры современной России.

Кирилло-Мефодиевские чтения имели не только научно-исследовательский, но и просветительский характер: для гостей и участников конферен-

ции были проведены три экскурсии, предложены певческие выступления, концерт гусяря.

Была подготовлена, отпечатана и доставлена программа чтений. Тезисы докладов и статьи готовятся к публикации

Информационную поддержку Кирилло-Мефодиевским чтениям осуществляли радио «Мария», «Град Петров», службы новостей системы Internet.

Кирилло-Мефодиевские чтения прошли успешно, имели широкий общественный резонанс.

Итоги IV Кирилло-Мефодиевских чтений:

20–24 мая состоялись IV Кирилло-Мефодиевские чтения, с инициативой организации которых выступили: Межвузовская Ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров»; Санкт-Петербургские Духовные Академия и Семинария; Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Епархиальный отдел религиозного образования и духовного просвещения; Александро-Невский союз молодежи.

20 мая, вторник. Смоленское кладбище. Чтения начались двумя экскурсиями. Первая была проведена строителем-реставратором Храма Светлого Христова Воскресения, дьяконом Николаем Бондаревым, и посвящена истории храма. Вторая экскурсия – по святыням Смоленского кладбища – была проведена Е.В. Семеновой

Александро-Невская Лавра. Святоуховский центр. Официальное открытие конференции началось молебном святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, учителям Словенским, который провели преподаватели СПбДАиС иеромонахи Кирилл и Мефодий (Зеньковские).

Пленарное заседание открыли доклады протоиерея Александра Зелененко, председателя Епархиального Отдела религиозного образования и духовного просвещения, и В.А. Щученко, доктора филос. наук, профессора СПбГУКИ. Протоиерей Александром был сделан доклад на тему: «Этапы и критерии становления личности христианина». Тема доклада профессора В.А. Щученко: «Метафизика исторических катастроф: к проблеме культурной прерывности в современной России».

Конференция объединила православное духовенство, педагогов, представителей научной и творческой интеллигенции Петербурга.

В чтениях приняли участие ученые, представляющие университеты Санкт-Петербурга, библиотеку Академии наук, Российскую национальную библиотеку, Художественно-промышленную академию, институт истории искусств АН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Консерваторию, Российский этнографический музей.

Работу педагогической секции в Епархиальном отделе религиозного образования и духовного просвещения, куда были приглашены директора общеобразовательных и воскресных школ, учителя и родители, возглавил протоиерей Александр Зелененко, председатель отдела.

Праздничный характер научно-просветительской конференции придали выступления гусяря Андрея Байкальца. Древнерусские, греческие, сербские песнопения прозвучали в исполнении преподавателя регентского отделения СПбДАиС Ю.В. Гундаровой. Они сопровождались слайд-фильмами по истории средневекового зодчества и живописи.

21 мая, среда. Факультет истории русской культуры СПбГУКИ. В рамках Молодежного клуба русской культуры прошло заседание секции, объединившей студентов, аспирантов, молодых ученых.

С докладом «Современный церковнославянский язык. Связь церковнославянского языка с менталитетом» выступил С.А. Наумов, ассистент кафедры русского языка СПбГА им. И.И. Мечникова.

22 мая, четверг. Государственный Эрмитаж. Отдел византийского искусства. Ю.А. Пятницкий, старший научный сотрудник, хранитель византийских икон, провел занятие на экспозиции византийского отдела.

24 мая, суббота, день святых Кирилла и Мефодия. Факультет Истории русской культуры СПбГУКИ. Круглый стол с обсуждением творческих и научно-исследовательских работ участников молодежной секции провел Ю.Ю. Булычев, кандидат филос. наук (СПбГУКИ).

Александро-Невская Лавра. Святоуховский центр. Круглый стол по проблемам традиций христианской культуры в XX веке, с участием лингвистов, филологов, искусствоведов и молодых ученых, провел А.Д. Ярмоленко, доцент, (СПбГХПА).

Рекомендации участников IV Кирилло-Мефодиевских чтений

Организаторы и участники IV Кирилло-Мефодиевских чтений предлагают:

- Провести семинар в фонде славянской книги БАН для преподавателей вузов и специалистов в области славянской культуры;
- Объединить вокруг факультета истории русской культуры СПбГУКИ разрозненно проходящие в институтах и музеях Санкт-Петербурга чтения, посвященные празднику святых Кирилла и Мефодия, в единые чтения с участием Санкт-Петербургских Духовных Академии и Семинарии, Академических институтов, высших учебных заведений и музеев Санкт-Петербурга;
- На базе вузов и музеев Санкт-Петербурга организовать постоянно действующий научно-исследовательский Кирилло-Мефодиевский семинар с периодическим слушанием и научным рецензированием докладов. Материалы семинара должны составить периодический сборник научных трудов;
- Разработать и провести цикл авторских и коллективных учебных курсов по проблемам христианской культуры, в частности: «Традиции искажизма в богословии, философии, литературе, певческом искусстве, иконописи», «Христианская культура XVI века»;
- Разработать целостную программу научных и методологических исследований, раскрывающих порядок взаимосвязи духовной культуры православия и светской культуры;
- Привлечь внимание богословов, философов, ученых гуманитарных, точных и общественных наук, педагогов и представителей творческой интеллигенции Санкт-Петербурга к актуальным проблемам современной России, требующим системного осмысления и разрешения;
- Организовать цикл радиопередач на радиостанции «Град Петров» с выступлениями участников Кирилло-Мефодиевского семинара по истории христианской культуры в сфере богословия, философии, педагогики, церковнославянского языка и славянской книжности, певческого и изобразительного искусства;
- Восстановить при поддержке Межвузовской ассоциации «Покров» и Александро-Невского Союза молодежи храм св. Александра Невского в комплексе Смольного монастыря; это начинание станет продолжением дореволюционной традиции духовного просвещения и воспитания, которая велась в закрытом Воспитательном Обществе благородных девиц (известном как Смольный институт);
- Организовать в СПбДАиС курсы для преподавателей вузов и аспирантов по богословию и церковному праву в связи с вовлечением в учебные курсы и аспирантские работы богословских тем;
- В рамках Молодежного клуба русской культуры проводить встречи по отдельным богословским вопросам с приглашением представителей СПбДАиС;

- Предоставить возможность преподавателям и аспирантам вузов в рамках Ассоциации «Покров» ознакомиться с материалами богословских диссертаций, защищаемых в Духовной Академии.

Председатель оргкомитета Кирилло-мефодиевских чтений – архиепископ Тихвинский Константин, ректор СПбДАиС, президент Межвузовской ассоциации «Покров». Сопредседатель оргкомитета Кирилло-Мефодиевских чтений – ректор СПбГУКИ, П.А. Подболотов. Заместитель председателя оргкомитета В.А. Щученко, доктор филос. наук, профессор, декан факультета Истории русской культуры СПбГУКИ. Ответственные секретари оргкомитета: С.Е. Прокофьев, ответственный секретарь научно-методического совета Межвузовской Ассоциации «Покров», Р.В. Басманова, преподаватель кафедры истории русской культуры СПбГУКИ.

Конференция

Менеджмент, бизнес и культура

26 июня 2003 года состоялась научная конференция, посвященная 25-летию кафедры менеджмента и экономики культуры СПбГУКИ.

С кратким вступительным словом на конференции выступил заведующий кафедрой, доктор философии, проф. И.М.Болотников.

С докладами на конференции выступили: доктор техн. наук, проф., заслуженный деятель науки В.А. Абчук «Большое будущее малого бизнеса»; доктор культурологии, проф. С.В. Перминова «Корпоративная этика: современные проблемы»; доктор экон. наук, проф. А.И. Дымникова «Поиск новых источников финансирования организаций культуры»; доктор филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ Г.Л. Тульчинский «Культура и социально-экономическое развитие Санкт-Петербурга».

В конференции приняли участие профессора и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, а также гости из Москвы и Минска.

На конференции провели презентацию сборника научных трудов «Менеджмент: наука, образование, культура», (СПб., 2003, 312 с. Труды СПбГУКИ. Т. 155). В сборнике рассматриваются проблемы: менеджмент как вид профессиональной деятельности (концепция, методология, технологии, ценности), взаимовлияние менеджмента и культуры, современные технологии менеджмент-образования. Авторский коллектив сборника – не только «юбиляры», но и их коллеги, работающие в различных вузах и других учреждениях Москвы, Петербурга, а также за рубежом.

Конференции

XIII

Виноградовские чтения: Детский фольклор и культура детства: методология собирания, описания, изучения

Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств
Библиотечно-информационный факультет
Кафедра детской литературы

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР
И СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА:
МЕТОДОЛОГИЯ СОБИРАНИЯ,
ОПИСАНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ

XIII Виноградовские чтения

ПРОГРАММА
научной конференции

27 – 30 июня

Санкт-Петербург
2003

С 27 по 30 июня 2003 года на кафедре детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств прошли очередные, тринадцатые Виноградовские чтения – конференция «Детский фольклор и культура детства: методология собирания, описания, изучения». Доклады и сообщения, прочитанные на конференции, их обсуждение и полемика группировались вокруг нескольких тематических направлений.

По сложившейся традиции конференцию открыли доклады, обращенные к научному наследию Г.С. Виноградова и других исследователей прошлого.

Т.А. Круглякова в докладе «Отражение индивидуальных стратегий воспроизведения текста в сборнике считалок Г.С. Виноградова» обратилась к вариантам, записанным ученым, как к ценному психолингвистическому материалу. Проанализировав грамматические, паронимические и синонимические замены в текстах, автор приходит к выводу, что наличие вариативности не только фактор языкового творчества, но и необходимость, продиктованная особенностями процессов восприятия на слух, удержания в памяти и последующего воспроизведения текста. Факты совпадения ошибок, зафиксированных в сборнике Виноградова и в публикациях по детской речи, свидетельствуют о подключении механизмов порождения речи при воспроизведении стихотворных текстов. В считалках отчетливо проступает стремление к семантизации, а появление некоторых «заумных» слов и выражений целесообразно рассматривать как результат процесса семантизирующего понимания.

Доклад В. Ф. Шевченко (Москва) «Д.Н. Садовников и „детская“ литература» носил биобиографический характер. В нем впервые были проанализированы публикации детского фольклора и оригинальные произведения «для детей» известного собирателя, писателя и поэта XIX века, его взаимоотношения с «детскими» изданиями. Новые архивные материалы раскрыли неизвестные страницы его ранней биографии и детского творчества.

В ряде докладов тексты детского фольклора, магические и игровые практики рассматривались как составляющие повседневной жизни детского сообщества, элементы субкультурной традиции класса, дворовой или дачной компании.

В докладе В.В. Головина (Санкт-Петербург) «Дети и охота в традиционной культуре» рассмотрен вопрос об участии детей в охотниччьем промысле. Доказывая экономическую важность охоты для самих детей, автор доклада осветил некоторые ас-

пекты вхождения детей в охотничью культуру, в частности на примерах игр с охотничими сюжетами и обучения «порсканью» (охотничим выкрикам). В докладе также прокомментированы данные по ловле детьми певчих птиц и некоторые позиции детского охотничьего права.

Доклад И.А. Морозова (Москва) «Дом на дереве» посвящен известной в детской среде традиции сооружать специальные игровые домики: «шалаши», «будки», «клетки». Особое внимание было уделено распространенной практике сооружения детских игровых домиков на деревьях, которая, с одной стороны, опирается на образцы, известные по литературе, кино, рекламным роликам, с другой — восходит к традиции строительства укрытий на времена охоты, выпаса скота и охраны поселков. Доклад сопровождался демонстрацией видеоматериалов.

В сообщении М.Н. Одинокой (Ульяновск) «Розыгрыши в группе младших школьников», основанном на материалах включенного наблюдения и интервьюирования учеников нескольких школ, розыгрыши рассматриваются в контексте детского смехового фольклора и данных возрастной психологии. Розыгрыши как коммуникативные ситуации возникают на втором году обучения, когда ребенок освоил правила поведения в школе, установил взаимоотношения с педагогом и одноклассниками. Автором предложена типология формулировок, посредством которых дети подтрунивают друг над другом и таким образом устанавливают взаимоотношения в группе.

В докладе М.П. Чередниковой (Ульяновск) «Они вызывали Крюгера... (Неожиданные последствия подросткового магического ритуала)» было дано описание и этнографический анализ драматической ситуации, случившейся в одном из сел Ульяновской области, когда подростковое «вызывание» послужило причиной психического расстройства одной из участниц ритуала. По наблюдениям докладчицы, экстремальное событие актуализировало традиционные социальные модели (в качестве авторитетных интерпретаторов происшедшего стали выступать представители старшего поколения жителей села) и вызвало к жизни пластины традиционного знания (случившееся мотивировалось, в частности, нарушением ряда пространственных и временных запретов).

В докладе М.В. Осориной (Санкт-Петербург) «Троемирие игрушки» традиционные и современные детские игрушки рассматриваются как культурные тексты. Их содержанием являются культурная информация и программы желаемого поведения ребенка с игрушкой, запечатленные изготовителем в «теле» игрушки — в ее облике и устройстве.

Наиболее многочисленными оказались доклады, направленные на рассмотрение жанровых форм современного (по преимуществу городского) детского и подросткового фольклора, как уже обращавших на себя внимание исследователей, так и прежде не изучавшихся.

В сообщении М.Д. Алексеевского (Москва) «Телефонные хулиганства как жанр детского фольклора» впервые телефонные розыгрыши были рассмотрены с фольклористических позиций. Телефонные хулиганства, распространенные в основном среди подростков 11 — 15 лет, в крупных городах имели место еще в 1970-х годах, а концу XX века практиковались уже и в сельской среде. Устойчивые тексты розыгрышей, как правило, представляют собой диалог, который в простейшей форме состоит из трех частей: вопрос звонящего — предсказуемый ответ разыгрываемого — неожиданная реплика звонящего. Широкое распространение компьютеров и Интернета позволило записывать удачные «приколы» и делать их широко доступными. В результате в России формируется субкультура пранкеров — подростков, главным увлечением которых становится пранк — телефонные хулиганства. Тексты пранков в большей степени основаны на импровиза-

ции, а главной целью пранкеров становится запись «смешной» реакции разыгрываемого (неожиданные ответы, нецензурная брань и т. п.).

В докладе В.А. Шевцова (Москва) «Детский страшный повествовательный фольклор: жанры и тексты» данная область детского фольклора рассматривается как система гетерогенных жанров. В качестве релевантных жанровых признаков приняты ряд структурных, pragматических и генетических характеристик текста: нарратологический, социокультурный и возрастной статус героя, степень клишированности текстов на сюжетно-композиционном уровне, модель отношений рассказчика с воображаемым миром повествования, характер доминирующих образов «страшного» / «чужого», наличие или отсутствие парадискурсивных элементов, возраст рассказчиков, условия и цели трансляции, интертекстуальные связи нарратива. Предложена предварительная таксономия жанров: страшные нарративы (основной корпус) и пародии на них, страшные паранарративы и пародии на них, страшные мемораты, страшные фабулаты, детские слухи и толки, детские былички и детские фантастические нарративы.

Ю.С. Ланская (Нижний Новгород) прочитала доклад «Художественное пространство в русских „страшных историях“ и американских „urban legends“». Сопоставление этих жанров современного фольклора представляется автору возможным, т.к. и те, и другие непосредственно связаны с категорией страшного и отражают мир формирующейся личности (дети и подростки). При общем сходстве (противопоставление своего, надёжного и чужого, опасного миров) отмечены и различия: в русских страшилках действие, как правило, происходит в доме, в американских – вне дома; русских детей пугает чужой предметный мир, героев американских «urban legends» – неосвоенные социальные пространства. Эти различия объясняются возрастной разницей (ребёнок осваивает предметы, подросток – социальные связи), а также особенностями национальных культур.

В докладе Е.Е. Левкиевской (Москва) «Персонажи страшилок в сравнении с персонажами традиционной мифологии» сделана попытка сравнить принципы изображения мифологического в страшилках и традиционных быличках с точки зрения pragmatики текста. Автор полагает, что в быличках на первом месте стоит познавательно-классификационная цель, затем обучающая (задача – научить слушателей правильному поведению при столкновении с мифологическим существом) и лишь на третьем месте – эмоциональная (сопереживание по поводу страшного события). В страшилке, напротив, эмоциональная цель (переживание страха) занимает главенствующие позиции, тогда как познавательно-классификационная и обучающая цели второстепенны. На разнице pragматических задач былички и страшилки строятся и принципы описания страшного в этих текстах.

В докладе М.Л. Лурье (Санкт-Петербург) «Садистский стишок: между детским и взрослым» сделана попытка рассмотреть этот жанр школьного фольклора в контексте культуры среди его происхождения и бытования. Являясь жанром двойного бытования, садистский стишок вобрал в себя ряд общих мест, тематических универсалий, приемов комического, содержательных мотивов детского и взрослого фольклора позднесоветской эпохи. При этом «стишок» задал оригинальную жанровую структурно-семантическую модель – модель чрезвычайно компактную, интонационно емкую, формально стабильную и вместе с тем прозрачную, а потому чрезвычайно привлекательную и удобную для конструирования новых текстов. Автор доклада оспаривает укоренившееся в науке мнение о заостренной polemичности и контрпропагандистской направленности садистского стишка по отношению к официальной (взрослой) культуре как основном свойстве данного жанра. По его мнению, именно изучение морфологии «стишка», описание систематических закономерностей сочетаемости и взаимодей-

ствия элементов текстовой структуры может привести к выявлению значимых факторов жанровой специфики.

А.А. Власова (Тверь) в докладе «Садистские стишки в субкультуре XXI века» анализирует модели использования садистских стишков в рок-культуре, воспринимающей их как сложившийся фольклорный жанр, с которым можно «играть», а «субкультурность» этого жанра поддерживает альтернативный статус исполнителя. Исполнительница Старуха Изергиль использует форму садистских стишков, вкладывая в нее новое содержание: модель «смешно, потому что этого не может быть» сменяется моделью «жутковато, потому что это может быть на самом деле». Панк-группа «Красная Плесень» экспериментирует с формой, исполняя компиляции садистских стишков и других известных песенных текстов. Группа «Ленинград» проводит своеобразный итог этим экспериментам, в композиции «Маленький мальчик» то цитируя «стишки», то изменяя в них субъектно-объектные отношения.

В докладе А.В. Филипповой (Санкт-Петербург) «„Он сказал слово, и она умерла“ (К вопросу о прояснении ситуации)» был впервые дан фольклористический анализ «игры в ситуации», в которой играющий должен путем наводящих вопросов восстановить сюжет, в начале игры редуцированный до малопонятной, но интригующей сжатой формулировки. Автор анализирует коммуникативные стратегии игры, предлагает типологию ее сюжетов, делает предположения о времени и возможных источниках распространения в детско-подростковой среде «игры в ситуации».

В докладе М.В. Калашниковой (Санкт-Петербург) «Топосы детских альбомов и их текстовые реализации» рассмотрены современные альбомы малолетних осужденных в сравнении с блокнотами солдат срочной службы. В докладе выделены основные концепты, характерные для письменно-го фольклора обеих (тюремной и солдатской) субкультур, а также охарактеризованы основные персонажи фольклорных текстов. Отмечено, что, при частичном совпадении персонажного набора (мать, девушка и пр.), в альбоме осужденных отсутствует образ антагониста, каковым является сержант/старшина в армейском фольклоре. Это связано с тем, что лирический герой тюремного альбома – «раб судьбы», а для солдата-срочника источник страданий персонифицирован в образе армейского начальника. Автор отмечает также, что концепт времени в альбомах осужденных и солдат разворачивается по-разному: срок службы солдата может быть измерен различными способами, у солдата есть будущее, тогда как для осужденного будущего нет времени непреодолимо.

В основу доклада Н.Е. Ревякова (Москва) «Ребенок рассказывает „взрослый“ анекдот» были положены результаты экспериментального исследования. В ходе эксперимента детям предлагалось пересказать анекдоты, «соль» которых была связана с заведомо непонятными им реалиями. Полученный материал позволил выявить типы трансформаций, которым подвергается текст в пересказе детей и прояснить специфику «детского юмора».

Отдельное заседание конференции было посвящено современной подростковой субкультуре.

Материалом сообщения Н.В. Гончаровой (Санкт-Петербург) «Рассказ о преступлении в дискурсе подростков-девиантов» стали устные рассказы о собственных и чужих преступлениях, записанные от подростков, осужденных по различным статьям УК РФ и находящихся в специнтернате. Повторяемость сюжетных линий, стандартный набор персонажей, устойчивые элементы топики позволяют отнести этот класс устных историй к фольклору. Автор отмечает, что большей степенью стереотипности и установкой на создание героико-романтического образа преступника-оди-

ночки характеризуются историей, сюжет которых не совпадает с реально совершенным преступлением.

В докладе Г.С. Прохорова (Москва – Коломна) «Эсхатологические представления у русских скинхедов», построенном на анализе песенных текстов группы «Коловрат», отмечается серьезная модификация традиционной эсхатологии. Согласно последней, эсхатон выступает как непосредственная реакция, вызванная Божественным вмешательством в мир, в результате которого происходит окончательная победа Добра над Злом. Во многих текстах скинхедов можно заметить инверсированный эсхатон. В нем адепту известно о предстоящем тяжелом сражении, в котором ему, возможно, предстоит умереть. При этом у него нет никакой уверенности в победе и в своем личном соучастии в ней. Автор предполагает, что инверсия возникает из-за приверженности ряда скинхедов (в частности, участников и слушателей рок-группы «Коловрат») к пантеизму, согласно положениям которого человек, как и Бог, растворяется в природе и полностью подчиняется ее законам.

Доклад М.Л. Лурье (Санкт-Петербург) «Бомберы и райтеры: к описанию субкультуры граффитистов» посвящен одной из составляющих хип-хоп культуры в современной России. Предметами описания стали структура сообщества граффитеров, сленг, формы самопрезентации, деятельностные практики. Важным элементом специфики этой субкультуры является наличие двух противопоставленных и взаимодополняющих форм основной деятельности: бомбинг (создание нелегальных граффити в запрещенных для этого местах) и райтинг (создание композиций по коммерческому заказу или в рамках разрешенных мероприятий). Существование и равная престижность этих практик в сообществе граффитеров, по мнению докладчика, отражает общую ситуацию в подростковой субкультуре: интенция к легитимности и коммерциализации при сохранении альтернативной позиции по отношению к макросоциуму.

В докладе Е.В. Кулешова (Санкт-Петербург) «Где ты берешь все эти русские?» (Субкультура русских подростков в США) были представлены результаты полевых исследований в Нью-Йорке. По мнению докладчика, эмигранты, переехавшие в США в подростковом возрасте (13–14 лет или старше) и испытывающие трудности адаптационного периода, не сохраняют в своей культуре этнических черт, стремясь «стать американцами». В то же время, в среде молодых русских американцев, живущих в Америке с раннего детства, возникают группы, определяющие себя через этнические русские маркеры. Эта субкультура значительно отличается от российской подростковой субкультуры и оперирует символикой американской молодежной культуры. Тот факт, что группы, презентирующие себя через этническую символику, возникают именно в среде социально адаптированной молодежи, не подтверждает распространенный в западной социологии взгляд на молодежную культуру как культуру «протesta».

Необходимый контекст для изучения детского фольклора и субкультуры детства предоставляют исследования, посвященные теме «Дети и детство в культуре взрослых».

В докладе П.А. Клубкова (Санкт-Петербург) «Юные фольклористы и другие специалисты» рассматривается история слова юный и система коннотаций, связанных с выражениями типа юный физик, юный натуралист и пр. В XIX в. юный – стилистический синоним слова молодой, а в XX – прилагательное указывает скорее на детский возраст, частично утрачивает соотнесенность со словом юность (юный натуралист или юный друг пограничника, – дети, а не юноши). Высказывается предположение, что прилагательное юный ресемантизировалось под влиянием немецкого jung, для которого характерна сема незрелости, потенциальности. Историческим фоном для этого процесса послужили скаутское и пионерское движения, а также педагогические эксперименты 1910-х – 1920-х годов. В качестве

характерного примера в докладе анализируется одно из методических пособий 1950-х годов – «Памятка юного фольклориста».

Автор сообщения «Колыбельные в Интернете», А.А. Кучумова (Санкт-Петербург) описывает цифровые аудиозаписи, опубликованные в сети Интернет, которые автор или издатель называет колыбельными. Эти произведения сильно отличаются друг от друга, и, скорее всего, не могут рассматриваться в рамках одного жанра. Объединяются они не жанровыми характеристиками, а ориентацией на представление о колыбельной песне, которое получает различное воплощение в авторских текстах и мелодиях. Выступление сопровождалось аудиоиллюстрациями.

Предметом анализа в докладе М.В. Ахметовой (Москва) «Мать-ведьма и сын-праведник в литературе Богородичного Центра» стали ранние тексты возникшего в конце 1980-х годов нового религиозного движения. Современные реалии описываются в «богородичной» литературе как апокалиптический «мир наизнанку», где мать становится во главе семьи вместо отца, а в качестве избранного носителя правды и избранного выступает «низкий герой» – униженный ребенок. Мать изображается как заключившая завет с дьяволом нечестивца, главной целью которой является полностью подчинить своей воле ребенка и не допустить его к Богу, что соотносится с мотивами агиографической литературы, а также сказок и быличек о ведьмах. Методы и стиль воспитания (кормление с ложечки и запреты, забота и ругань) преподносятся как магические приемы, подавляющие волю. При этом образ семейного подавления неотделим от негативных представлений о тоталитарном социалистическом прошлом России.

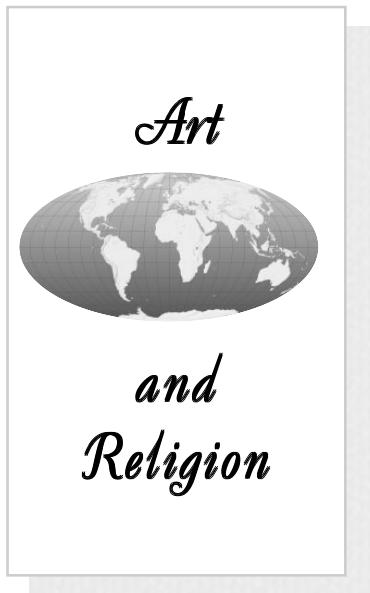
В докладе С.Г. Леонтьевой и А.В. Тарабукиной (Санкт-Петербург) «„Сказка ложь, да в ней намек...“», или Сказочное в методике преподавания литературы» речь идет о методических рекомендациях по преподаванию фольклорной и литературной сказки в средней школе. Авторы затрагивают проблему специфического языка методических пособий и школьных учебников. В докладе анализируются понятия «сказочный реализм» и «сказительство», популярные в методике, а также рассматриваются признаки сказочного жанра, выдвигаемые ведущими методистами.

В докладе Е.В. Маркасовой (Санкт-Петербург) «„Мама мыла раму“: модели детского мира в образовательной практике 1920-х годов» был дан обзор применявшихся в начале XX века методик обучения чтению (синтетико-аналитический слоговой метод, метод целых слов и др.) и сделаны неожиданные предположения о связи между особенностями той или иной методики и эволюцией русской культуры (в частности, между синтетико-аналитическим слоговым методом и формированием русского модернизма).

По материалам XIII Виноградовских чтений планируется издание сборника статей.

Конференции года

Отчет о международной конференции «Искусство и религия» 9 – 11 июля 2003, Санкт-Петербург

С 9 по 11 июля 2003 г. в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств проходила международная конференция «Искусство и религия», приуроченная к 300-летию Санкт-Петербурга. Конференция была организована факультетом истории русской культуры (декан факультета, профессор В.А. Щученко) и явилась итогом многолетнего сотрудничества факультета с зарубежными ассоциациями исследователей социогуманитарной сферы.

В конференции приняли участие члены ассоциации «Искусство и христианство» («ACE»), – ученые из университетов Великобритании, США, Франции, Австралии и Финляндии.

Программа ассоциации включает широкий тематический спектр исследований историко-культурного характера в сфере философии, социологии, истории церкви, эстетики. Научная работа членов ассоциации ориентирована на анализ художественной культуры в аспекте ее взаимодействия с христианской религией (православием, католичеством, протестантизмом). Ассоциация объединяет ученых более, чем из сорока стран; ее сессии проводятся с периодичностью раз в два года. Программа исследований определила и тематику докладов на минувшей конференции. Помимо ученых зарубежных стран и преподавателей факультета истории русской культуры на конференцию в качестве содокладчиков и слушателей были приглашены специалисты из других вузов Санкт-Петербурга, аспиранты и выпускники.

Председателем конференции был избран профессор В.А. Щученко (СПбГУКИ).

Анализ историко-культурных процессов в традиционной и современной культуре России содержался в докладе профессора В.А. Щученко «Типологические характеристики русской культуры». Автором были обозначены исторические предпосылки формирования русского менталитета, выявлены ценностные напряжения в культуре современного общества, дан аксиологический анализ основных тенденций в выборе пути исторического развития современной России.

Проблемы формирования и развития русской культуры актуальны и для зарубежных исследователей. К анализу истории русской религиозной философии, в частности софиологии В.Соловьева, обратилась в своем сообщении Е. Кармак (Великобритания).

Метафизика современной России рассматривалась зарубежными специалистами на примере творчества Андрея Тарковского. По результатам изуче-

ния его наследия были представлены доклады Д. Вивера (США) и Д. Пэттисона (Великобритания).

Ряд выступлений был посвящен христианскому искусству России и Запада. В.Н.КЛебедев, канд. филос. наук (факультет истории русской культуры) в своем докладе затронул проблемы истории христианского искусства «Художественное наследие Валаамского монастыря», П. Негри (Австралия) и Дж. Хаус (Великобритания) остановились на рассмотрении проблемы сохранения наследия духовной культуры и развития образной системы канонического искусства в современных условиях. Л. Рэн (США) посвятил свой доклад выявлению особенностей форм социальной активности мастеров искусства.

Участниками конференции была многоаспектно затронута тема влияния движения экуменизма на эстетику и стилистические процессы в развитии современной архитектуры Запада. Примечательно, что, по мнению И. Линдер-Гейлард (Франция), при очевидном стремлении к объективной характеристике и оценке этих явлений, общее отношение к ним имеет негативный характер.

В ходе конференции были представлены нетрадиционные методики изучения средневекового искусства. В частности, в докладе Н.В. Регинской (факультет истории русской культуры СПбГУКИ) показано применение теории архетипов и этнопсихологических методик в исследовании народной религиозной живописи южных и западных славян. Были заслушаны два доклада, являющихся альтернативными. Один из них, посвященный созерцанию в иконописи и в традиции йоги, основывался на сравнительном анализе (Д. Хэйнс, США). Во втором докладе Александрийская традиция «интеллектуальной мистики» рассматривалась в аспекте ее влияния на формирование восточнохристианского искусства (Р.В. Басманова, факультет истории русской культуры СПбГУКИ)

В заключение следует отметить, что конференция прошла успешно. Большинство докладов, представленных исследователями, вызвали конструктивную дискуссию и были тепло встречены участниками. Во время «Круглого стола», проведенного по результатам конференции, были определены приоритетные направления сотрудничества факультета истории русской культуры с Ассоциацией. Материалы конференции готовятся к печати в бюллетене Ассоциации «ACE Enquiry» и в сборнике научных трудов нашего университета.

Конференции

Русская народная песня как предмет науки

В декабре 1973 года появился ministerский приказ о создании в Ленинградском институте культуры кафедры русского народного хора. Таким образом была официально закреплена специализация, на которую, по решению ректора института Е.Я. Зазерского, уже были набраны два курса. Через 30 лет кафедра собрала своих выпускников, друзей, коллег. Достигнут первый возраст мудрости – так говорят, поздравляя перешагнувшего этот рубеж человека. Для коллектива, который создал и одушилил своей изумительной энергией, обаянием и отвагой И.А. Волков, это пора зрелости, утверждения своего профессионального лица в разнообразных творческих замыслах, научных поисках, методических обретениях.

Конференция, вписанная в насыщенную программу этих дней, наглядно продемонстрировала развитие специализации. Перемены отразились и в изменении названия кафедры: акцент сместился с прикладного плана – деятельности, к которой готовили выпускников кафедры, на сущностный – самый предмет, обращение к которому может иметь разнообразные выходы.

Открытие конференции, происходившее в Белом зале дворца Салтыкова после приветствия ректората и благословения о. Артемия (Скрипкина), настоятеля храма Петра Павла в РГПУ им. Герцена, превратилось в своеобразную перекличку: кафедру приветствовали выпускники, приехавшие со всех концов России: с Сахалина, из Пскова, из Перми, Калининграда, Волгоградской, Вологодской области, республики Коми, Литвы.

Статья А.Н. Серова, название которой дало имя конференции, в свое время удивительно точно и широко очертила круг дисциплин, которые должны соединиться в постижении искусства народной песни: народоведение, физиология голоса, история, языкознание, церковная археология. Вступительное слово проректора по науке СПбГУКИ, доктора филол. наук В.В. Головина было посвящено этому феномену. Им был очерчен круг проблем, развитых в докладах пленарного заседания: «Архетипы русской культуры» (доктора филос. наук В.А. Щученко, СПбГУКИ); «Фольклорное слово» (канд. иск. А.Ф. Некрылова, зав. сектором фольклора РИИИ); «Взаимодействие церкви, государства и общества в сфере народной культуры: история и современность» (С.Е. Прокофьев, межвузовская ассоциация «Покров»). Доклады секции «Историко-теретический контекст в изучении традиционной музыкальной культуры» продолжили тематику, заново приобретающую актуальность в связи с освоением новых

Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств

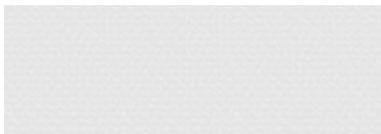
Русская народная песня как предмет науки

2-6 декабря 2003 г.

Программа

Санкт-Петербург
2003

материалов и выработкой методических подходов к решению сложных историко-культурных проблем: «Устное и письменное: две природы песенного текста и их взаимоотношения» (канд. иск. Е.Е. Васильева, доцент СПбГУКИ); «Вариантность „книжной песни“: к проблеме исполнительства» (Н.О. Атрощенко, аспирант РИИИ, вып. 2000 г.); «Взаимодействие локальной фольклорной традиции и обиходного клиросного пения: об особенностях многоголосия лужского села Николаевское» (Т.С. Молчанова, зав. фольклорным кабинетом кафедры, вып. 1999 г.); «Древнерусские песнопения как предмет науки» (канд. иск. А.Н. Кручинина, профессор СбГК); «Синодальное училище и Новомосковская композиторская школа: история, судьбы, наследие» (В.А. Королева, ст. преп. СПбГУКИ).

Наука о музыкальном фольклоре (для Серова еще безымянная), постепенно вырабатывала собственную проблематику, особые исследовательские методики. К концу XX века для этномузыкознания наиболее продуктивной областью стали исследования локальных песенных традиций и созданных ими феноменов музыкально-песенного искусства. В секции «Феномены и артефакты традиционной культуры» были прочитаны доклады, посвященные классическим темам этого направления: «Севернорусская групповая причеть: форма-символ, форма-структура, форма – исполнительский результат» доктор иск. В.А. Лапин, вед. научный сотр. РИИИ); «Некоторые закономерности музыкально-поэтического языка протяжных форм» (канд. иск. Г.А. Дорджиева, СПбГУКИ); «Невельская голосиня» (А.А. Гаджиева, РЭМ, вып. 1986 г.); «К исторической интерпретации многоголосия Подбужских песен» (Н.Ю. Горянина, аспирант РИИИ, вып. 2002 г.); «Песенные традиции тихвинской земли» (Н.А. Видякина, г. Тихвин, вып. 1992 г.).

Контекст художественной жизни, который в середине XIX композитору и музыкальному деятелю представлялся естественным продолжением жизни русской народной песни, оказался спустя два века иным. Фольклор живет не только в качестве источника и основы национальной композиторской школы: он порождает специфические исполнительские формы, взаимодействует с праздничной и концертной жизнью, является одной из фундаментальных составляющих воспитания и музыкального образования. Певческое освоение локальных песенных традиций – секция, собравшая выступления исследовательской и методической направленности: «Некоторые аспекты методики работы над традиционным материалом Белгородской области» (А.И. Гришин, зав. кафедрой, доцент СПбГУКИ); «Аутентичный текст устной песенной традиции возможности его интерпретации» (М.А. Кузнецова, ст. преп. СПбГУКИ вып. 1979 г.); «Сценическая интерпретация фольклора в работе с детьми» (канд. пед. наук В.М. Сивова, доцент СПбГУКИ); «Методика работы с мужскими голосами» (О.С. Дзюбенко, ст. преп. СПбГУКИ); «Формирование исполнителя традиционной песни» (Н.В. Силина, Муз. училище им. Мусоргского, вып. 1979 г.); «Фольклорное пение: вокальный аппарат и работа с ним» (С.Н. Каргополова, Ханты-Мансийск, вып. 1977 г.).

Особую секцию составили сообщения, посвященные воспитанию и педагогике на основе традиционной культуры. Т.В. Шастина (ст. преп. СПбГУКИ, вып. 1981 г.), Н.Г. Кожанова (Пермский Институт искусств, вып. 1997 г.), Е.А. Алешко (Южно- сахалинская школа искусств, вып. 1987 г.), Е.С. Родинская (СПб гимназия № 91, вып. 1981 г.); Т.Д. Дорогова (муз. школа Красного Села, вып. 1985 г.), Т.Н. Резникова (центр экологического воспитания в г. Обнинске, вып. 1986 г.) делились опытом работы с детскими голосами, воссоздания естественного органичного контекста, способного выявить достоинства и творческие возможности детей.

Работа секции была обильно иллюстрирована видеозаписями и живыми показами, которые непосредственно переплетались с темой особого заседания «Образы традиционного искусства в сценической интерпретации». После докладов «Этнографический театр

В.Н. Всеволодского-Гернгросса: история и уроки» (В.Г. Пушкарев, РЭМ) и «Потехи, зрелище, народный театр» (А.В. Грунтовский) в кинозале Российского этнографического музея состоялся необычный концерт, соединивший разные формы общения с песней: кубанские щедровки, привезенные из экспедиции и ставшие основой концертной программы студенческого ансамбля (рук. В.М. Сивова); брянские уроки детской фольклорной студии «Горница»; гимназические посиделки показанные Е.С. Рогинской (гимназия № 91) и И.И. Петровым (лицей искусств «Санкт-Петербург»); могилевская свадьба, воссозданная по материалам Смоленской экспедиции студ. ансамблем (рук. М.А. Кузнецова); «Царь Максимилиан» фольклорного театра «Цвети наш край» (рук. Н.А. Видякина). Споры, что важнее – профессионально совершенный сценический показ или включение в естественную стихию праздничной жизни и другие формы традиционного быта; формулировка творческой идеи и поиски адекватного художественного воплощения; определение необходимого контекста в современной концертной жизни – все это проблемы, которые не могут иметь окончательного или единственно верного разрешения.

Множественный (по принципу дополнительности) подход был сформирован самой структурой конференции и сопутствующих ей творческих показов. Средоточием праздничного переживания стал мастер-класс Г.В. Емельяновой «Массовые хореографические формы народных гуляний», соединивший всех участников в классической вечерине. Камерный концерт «Лики традиционной музыкальной культуры», в котором ансамбль кафедры древнерусского певческого искусства СПбГК исполнял образцы древних роспевов, «Псалмопевцы» – «книжные песни» XVIII века, произведения раннего русского барокко и песни аутентичных крестьянских традиций, а студентки Н.В. Силиной классические арии Моцарта и классический западно-русский календарь, предлагал поразмыслить о месте песенного фольклора на концертной эстраде в контексте исторического музирования.

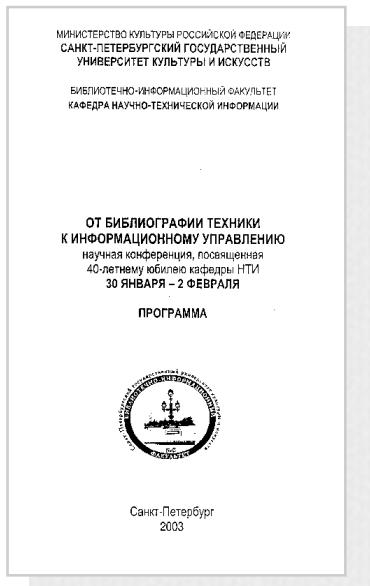
Апофеозом концертной части стал показ всех творческих коллективов кафедры в «Театре на Моховой». Все стадии работы: фольклорные экспедиций в Смоленскую, Белгородскую, Калужскую, Новгородскую области, на Кубань и на Дон; расшифровка песен и обработка этнографических материалов, искусное моделирование живых партитур; колористическое богатство костюмов, среди которых трудно различить подлинные и сшитые по образцам; владение сценой и залом как смысловым, игровым пространством соединились в замечательном спектакле, который задумали и подготовили руководители курсовых фольклорных ансамблей (А.И. Гришин, М.А. Кузнецова, В.М. Сивова, Т.В. Шастина), хореограф А. Аверина, концертмейстер А.В. Шастин и все студенты кафедры. Своеобразным лирическим эпилогом прозвучала песня В. Левашова «Люблю тебя, моя Россия», как будто возвратившая те начальные годы, когда авторская песня составляла существенную часть творческой жизни кафедры. Сводным хором дирижировал А.И. Гришин.

Круглый стол, проходивший в последний день работы конференции, не столько подводил итоги, сколько обозначил следующий ряд насущных проблем, требующих обсуждения. В высказываниях выпускников отчетливо сформулирован запрос: более всего востребована педагогическая подготовка для работы с детьми в русле традиционной культуры и народного пения. Необходимо расширить, упрочить эту сферу специализации. Отрадно, что мнение выпускников совпадает с планами кафедры.

Необходимость регулярных встреч для всех участников конференции и круглого стола очевидна, так же как и сосредоточение на определенных темах. Ближайшим сюжетом обсуждений должны стать методические проблемы вокальной работы.

Конференции

«От библиографии техники к информационному управлению»

Юбилейная научная конференция: о чём она может рассказать

31 января – 1 февраля 2003 г. в университете прошла научная конференция «**От библиографии техники к информационному управлению**», приуроченная к 40-летнему юбилею кафедры научно-технической информации. Пригласительный билет и программа конференции открывались словами: «**Светлой памяти основателей кафедры – И.А.Мохова, Д.Ю.Теплова, Л.В.Зильберминц посвящается**». Благодаря усилиям этих педагогов и ученых в 1962 г. была создана кафедра, носившая название сначала кафедры технических библиотек, а потом – научно-технической литературы. Кафедра являлась комплексной, объединяющей специалистов в области отраслевого библиотековедения и библиографоведения. Сегодня эту фразу написать легко, а в 60-70 г.г. ставился под сомнение сам факт существования отраслевой библиографии, и тем более библиотековедения. Правомерность, важность, своевременность подготовки кадров не для библиотек вообще, а именно для научно-технических, медицинских, сельскохозяйственных приходилось доказывать. Аргументом в этом споре могла быть только специфика деятельности библиотек не-гуманитарной сферы, вытекающая из особенностей информационных потребностей читателей – ученых, инженеров, врачей, и отраслевого документального потока. Именно поэтому исследованию этих особенностей уделялось самое пристальное внимание. Большой вклад в развитие отраслевого библиотековедения и библиографоведения внесли: **И.А.Мохов** (первый заведующий кафедрой), **Л.В.Зильберминц, Д.Ю.Теплов** (первый доктор наук по специальности «Библиотековедение и библиография»), **В.В.Гнучева, Б.Ю.Эйдельман**. Многие годы на кафедре работал **Д.Е.Шехурин**. Постепенно сформировалась **Школа технической библиографии**, во главе которой стояли два ярких и талантливых человека – **Л.В.Зильберминц и Д.Ю.Теплов**.

За истекший срок выросло несколько поколений педагогов-исследователей, опубликовано более 600 работ, защищены 4 докторских и 58 кандидатских диссертаций. Эти цифры должны были бы свидетельствовать о наличии большого исследовательского коллектива. Однако, на протяжении всех 40 лет на кафедре работало не более 7-8 штатных преподавателей. Они являлись непременными, но не единственными участниками проводимых исследований. «Незримый коллектив» кафедры был значи-

тельно больше и включал – студентов, выпускников, аспирантов, соискателей, коллег из других образовательных и научных учреждений. Плодотворность подобного научного сотрудничества, заложенного еще основателями кафедры, продемонстрировала и прошедшая конференция, в которой очно и заочно приняли участие: Р.С.Гиляревский (ВИНИТИ), И.Г.Моргенштерн (Челябинская государственная академия культуры и искусств), Т.И.Ключенко (Казанская государственная академия культуры), Р.Ф.Багаева (Национальная библиотека Республики Татарстан), С.П.Меньщикова (ГПНТБ России), Е.В.Кулакова и Т.Б.Сабинина (Тюменский государственный институт искусств и культуры), Н.И.Гендина, И.С.Пилко, О.Н.Морева (Кемеровская государственная академия культуры и искусств), Е.М.Смирнов, Е.М.Смирнова и Н.В.Огурцова (Омский государственный университет).

Направления сегодняшних научных изысканий и содержание учебных дисциплин далеко ушли от проблем технической библиографии. Однако все они базировались и базируются на принципах, заложенных Учителями. Именно эту преемственность идей и подходов и пытались показать докладчики, выступившие на конференции. Еще одной задачей конференции была проверка правильности избранного пути и обсуждение с коллегами перспектив развития.

С докладами выступили 3 группы представителей «незримого коллектива»: преподаватели кафедры, выросшие ученики и нынешние ученики – студенты и аспиранты.

Тематика докладов оказалась весьма разнообразной, что явилось подтверждением правомерности ориентации Школы технической библиографии на постоянное расширение круга решаемых задач.

В своем докладе **В.А. Минкина** охарактеризовала основные этапы научно-педагогической деятельности кафедры НТИ СПбГУКИ. Кафедра осуществила последовательный переход от определения библиографической обеспеченности различных отраслей к изучению закономерностей развития документального потока и информационных потребностей специалистов, а затем к исследованию состояния и тенденций развития самой научно-производственной деятельности. Была обоснована концепция информационного менеджмента как управления деятельностью организации с использованием для этого информационных средств воздействия. **Э.Е. Рокицкой** были рассмотрены особенности интеллектуального преобразования информации в ходе управления; описаны условия ее превращения в стратегический ресурс развития организации. Изменению ресурсной базы и совершенствованию методов аналитико-синтетической переработки информации как предпосылок перехода от библиотечно-библиографического к информационному обслуживанию, был посвящен доклад **В.В. Брежневой**. Она говорила об ориентации информационного обслуживания специалистов на безусловный приоритет потребностей пользователей, защиту их прав, гарантую качества и удобства использования информационной продукции для дальнейшего развития обслуживания как сервисной деятельности. **О.М. Зусьман** и **Т.В. Захарчук** продемонстрировали возможности информационных исследований научной деятельности, в т.ч. изучения вклада научных коллективов, организаций, сообществ в развитие науки; широты и интенсивности научных связей, научно-технического потенциала региона; инновационной перспективности отраслей техники.

Вторая группа докладов была представлена выступлениями выросших учеников: Г.В.Варгановой, Е.Д.Жабко, Е.Ю.Качановой, Т.В.Ляшенко, О.Ю.Устиновой, которые наглядно показали возможность реализации идей Школы в научной и практической информационно-библиотечной деятельности.

Интерес у аудитории вызвали результаты исследования **Е.Д. Жабко**, посвященного справочному обслуживанию специалистов в электронной среде, в т.ч. опыту такого обслуживания в РНБ. **О.Ю. Устинова** остановилась на проблемах информационного взаимодействия в регионе, расширения деловых связей между библиотеками и различными информационными и образовательными центрами. Она говорила об обоюдосторонней пользе таких отношений, а также об открывающихся при этом новых возможностях обслуживания читателей. Основные выводы подкреплялись примерами работы ЦГПБ им. В.В.Маяковского. Доклад **Т.В. Ляшенко** был посвящен созданию информационно-аналитических систем и подготовке специалистов, способных к их разработке и реализации. Она говорила о том, что для принятия решений в сфере управления финансовыми, материальными, трудовыми и иными ресурсными потоками необходим надежный инструмент анализа большого числа противоречивых и трудно сопоставимых параметров объекта управления. В условиях неопределенности внешних экономических факторов и в ситуациях внутренних противоречий особенно актуально создание механизма информационного взаимодействия всех субъектов хозяйственной деятельности. Таким инструментом служат информационно-аналитические системы, понимаемые как накопительная база данных, исследующая весь спектр взаимосвязанных структурных единиц. Подобные системы основываются на использовании новых технологий, но одновременно учитывают богатый опыт аналитико-синтетической переработки информации накопленный отраслевой библиографией. **Г.В. Варгановой** обосновывалась необходимость диффузии результатов научно-исследовательских работ как важного фактора интеллектуализации библиотечно-библиографической деятельности. **Е.Ю. Качанова** познакомила собравшихся с некоторыми результатами своего докторского диссертационного исследования, посвященного инновационной деятельности библиотек. Основным тезисом ее выступления явилось доказательство плодотворности использования достижений смежных наук, и прежде всего инноватики, для развития библиотечной сферы.

Затем слово было предоставлено и сегодняшним ученикам – студентам и аспирантам, что также является традицией Школы: равные возможности в высказывании своих идей и их апробации вне зависимости от возраста и званий.

А.В. Панкратовой рассмотрены референтные отношения в науке, предложены способы выявления и изучения референтных групп с использованием методов информационного анализа: цитирования, соавторства, благодарностей в научных документах. Обоснована возможность создания новой библиографической продукции – научно-вспомогательных указателей и рубрикаторов трудов членов референтной группы. Доклад **А.А. Грузовой** был посвящен определению путей повышения информативности документов, являющихся результатом научных исследований, для их преобразования в инновационные предложения.

Тематика студенческих сообщений также находилась в русле научных интересов Школы. Исследование проблем информационного управления не означает отказа от изучения истории отраслевой литературы и библиографии. **Е.В.Ковалевой** представлены результаты тематико-типологического анализа новых негуманитарных периодических и продолжающихся изданий, вышедших в Санкт-Петербурге с 1995 г. **И.Ю.Матвееву** интересовали процессы выделения библиографирования в самостоятельную область деятельности и авторство указателей литературы по естествознанию и технике XIX – начала XX веков.

Конференцию открыл проректор по научной работе СПбГУКИ **В.В.Головин**, который подчеркнул важность проведения подобных мероприятий для университета в целом: отчеты научных школ демонстрируют исследо-

вательскую состоятельность вуза. Глубоко символичным явилось выступление одного из основателей социальной информатики – **Р.С.Гиляревского**. Более 40 лет назад Л.В.Зильберминц пригласила его для чтения лекций на вновь открывшемся отделении технических библиотек. Сегодняшние студенты и аспиранты, присутствовавшие зале, с таким же вниманием слушали его выступление, стараясь не проронить ни слова. Р.С.Гиляревский говорил о сегодняшних тенденциях и проблемах развитии научно-информационной деятельности, наметившихся в этой сфере шансах и угрозах, важности сохранения традиций, значимости процессов интеллектуального преобразования документальной информации. Воспоминание А.В.Соколова, одного из первых преподавателей отделения технических библиотек, было посвящено памяти людей, стоявших у истоков отраслевой библиографии.

Таким образом, на юбилейной конференции обсуждались различные проблемы. Что же явилось объединяющим моментом и позволило собрать в одном зале специалистов, занятых решением столь разных проблем? Таким объединяющим моментом явилась убежденность присутствующих в том, что будущее информационно-библиотечной деятельности связано с интеллектуализацией процессов: поиска, отбора, переработки, распространения и хранения информации.

Благодаря содействию главного редактора журнала «Научно-техническая информация» Р.С.Гиляревского, основные материалы конференции опубликованы в тематическом номере этого издания (Серия 1. Организация и методика информационной работы, № 6 за 2003 г.).

В работе конференции, помимо преподавателей Университета, приняли участие представители более чем 30 учреждений. Именно благодаря им юбилейную конференцию можно считать состоявшейся. Однако, все-таки основными слушателями и помощниками ее устроителей явились сегодняшние студенты. Значит, у кафедры есть надежда, что дело, начатое Учителями, будет продолжено.

ДИССЕРТАЦИИ
зашитенные в 2002 году
в Санкт-Петербургском государственном
университете культуры и искусств

Докторские диссертации

Лелеко В. Д. (Санкт-Петербург). Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Кафедра теории и истории культуры.

Перминова С. В. (Санкт-Петербург). Культура в системе развития деловой активности. Кафедра менеджмента и экономики культуры.

Котков В. М. (Санкт-Петербург). Становление и развитие социально-культурной деятельности в русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Кафедра социально-культурной деятельности.

Кандидатские диссертации

Глазеров С. Е. (Санкт-Петербург). Издательская деятельность на территориях антибольшевистских правительств Северо-Запада России в период гражданской войны, 1918 – 1920 гг. Кафедра общей библиографии и книговедения.

Дацик И. В. (Санкт-Петербург). А.А. Кроленко и его роль в развитии книжного дела России. Кафедра общей библиографии и книговедения.

Дефорж В. Е. (Санкт-Петербург). Парижский университет в культуре Франции XVII века. Кафедра теории и истории культуры.

Друбецкая Т. Б. (Израиль). Формирование и развитие книгоиздания детской литературы в Израиле после провозглашения Независимости (1948 – 2000 гг.). Кафедра общей библиографии и книговедения.

Капитонов А. И. (Санкт-Петербург). Социально-культурная деятельность в системе адаптации молодежи в воинских коллективах. Кафедра социально-культурной деятельности.

Кидъялла Р. Д. (Танзания). Библиотечно-библиографические ресурсы университетских библиотек стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). Кафедра библиотековедения.

Корчагин Е. Н. (Санкт-Петербург). Историко-патриотическое воспитание средствами музеиной деятельности. Кафедра социально-культурной деятельности.

Курганова С. А. (Санкт-Петербург). Организация взаимодействия учреждений культуры и туризма. Кафедра менеджмента и экономики культуры.

Мишина И. В. (Санкт-Петербург). Музей в системе ценностных ориентаций российского студенчества. Кафедра музееведения и экскурсоведения.

Новиков А. И. Реализация культурообразующего потенциала досуга средствами туризма. Кафедра социально-культурной деятельности.

Отеген М.Ж. (Казахстан). Экслибрис в культуре Казахстана. Кафедра теории и истории культуры.

Панкова Е. В. (Санкт-Петербург). Информатика в системе библиотечного профессионального образования. Кафедра информатики.

Сабинина Т. Б. (Тюмень). Организационная культура как фактор развития персонала библиотеки. Кафедра научно-технической информации.

Черкашина С. А. (Санкт-Петербург). Культурная деятельность русской эмиграции в Китае (1917 – 1945 гг.). Кафедра теории и истории культуры.

Шпаковская Е. Б. (Санкт-Петербург). Джазовая импровизация как способ воспитания творческой индивидуальности исполнителя и слушателя. Кафедра теории и истории музыки.

Рефераты диссертаций

Докторские диссертации

Котков В.М. Становление и развитие социально-культурной деятельности в русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05: 07.00.02: В 2 кн. / В.М. Котков; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 630 с. – Прил.: с. 504–630. – Библиогр.: с. 461–504. – Автореф. – 49 с.

Объектом исследования является система СКД по формированию профессиональной, духовно-нравственной и общей культуры военнослужащих русской армии в исследуемый период. Цель – изучить характер и особенности СКД, обобщит опыт, накопленный в данной области деятельности с учетом его значимости для решения задач воспитательной работы в Вооруженных Силах РФ. Методология исследования основана на принципах историзма и объективности, системного и конкретного рассмотрения вопросов СКД. Обоснован феномен СКД, средствами которой преодолевалась безграмотность и малограмотность солдат, пропагандировались литература и искусство, развивалась художественная самодеятельность, организовывался духовно насыщенный досуг. Работа прошла широкую апробацию в 23-летней практики организации СКД в войсках ЛенВО, ЮГВ, в деятельности вузов, Домов офицеров, музеев, библиотек и т.д.

Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: Дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / В.Д. Лелеко; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 320 с. – Библиогр.: с. 279–320. – Автореф. – 35 с.

Объект – повседневность в европейской культуре. Цель – исследование сущности и основных особенностей повседневности, пространства повседневности в европейской культуре, его основных форм, культурной семантики, социального функционирования и основных тенденций исторического развития. В основу исследования положены принципы междисциплинарного и системного подходов. В работе впервые дан историографический очерк становления и развития проблемы повседневности в гуманитарных науках второй половины XIX – XX вв., предложена философско-культурологическая концепция повседневности, на основе авторской концепции осуществлен культурологический анализ повседневности. Работа позволяет более глубоко и всесторонне понять феномен повседневности, своеобразие, характерные особенности современной повседневной жизни. Материалы могут быть положены в основу нового вузовского курса «Культура повседневности», а также использоваться при чтении курсов культурологии, социологии, этики, эстетики, истории мировой и русской культуры.

Перминова С.В. Культура в системе деловой активности: Дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / С.В. Перминова; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 498 с. – Прил.: с. 410–443. – Библиогр.: с. 444–498. – Автореф. – 37 с.

Объект – теория и практика современной деловой активности, отечественный и зарубежный опыт успешного бизнеса и эффективного менеджмента. Цель – в раскрытии места, роли и значения гуманитарной культуры в системе развития деловой активности, в технологиях и стратегиях современного менеджмента, содержании и организации бизнес-образования. Исследование базировалось на современных философско-культурологических концепциях понимания культуры и ее влияния на все стороны жизнедеятельности человека, в т.ч. и на сферу бизнеса. Использовались сравнительно-исторический и историко-генетический методы, типологический метод анализа, общие социологические методы, эксперимент. Научная новизна состоит в обосновании роли гуманитарной культуры как фактора развития деловой активности; разработан алгоритм процесса формирования предпосылок высокого уровня деловой культуры; предложена и обоснована структура системы подготовки менеджеров высшей квалификации на базе гуманитарного вуза. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении курсов «Этика бизнеса», «Психология менеджмента», «Управление персоналом».

Кандидатские диссертации

Глазеров С.Е. Издательская деятельность на территориях антибольшевистских правительств Северо-Запада России в период гражданской войны, 1918 – 1920 гг.: Дис. ... канд. филолог. наук: 05.25.03 / С.Е. Глазеров; Науч. рук. Г.В. Михеева. – СПб., 2001. – 426 с. – Прил.: с. 227–426. – Библиогр.: с. 201–226. – Автореф. – 18 с.

Объект – издательское дело на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам на Северо-Западе России в период гражданской войны. Целью является всестороннее историко-книговедческое исследование издательской деятельности на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам на Северо-Западе России в 1918 – 1920 гг. Методологической основой является принцип историзма; книговедческие и библиографические методы, в т.ч. конкретно-исторический, сравнительно-исторический, функциональный, персоналистический и другие подходы; методы анализа документального потока по типам и видам, по тематике, авторам, издательским коллективам. Данное исследование впервые многоаспектно охватывает издательскую деятельность белого движения на Северо-Западе России, раскрывает ее как часть всего издательского дела белого движения в период гражданской войны и как часть отечественного книгоиздания после 1917 г.

Дацик И.В. А.А. Кроленко и его роль в развитии книжного дела России: Дис. канд. филолог. наук: 05.25.03 / И.В. Дацик; Науч. рук. И.А. Шомракова; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 287 с. – Прил.: с. 284–287. – Библиогр.: с. 263–283. – Автореф. – 17 с.

Объект – научно-практическая деятельность А.А. Кроленко с точки зрения ее значения для становления и развития российского книжного дела. Цель – всестороннее историко-книговедческое исследование и анализ многогранной деятельности А.А. Кроленко. Методологической основой является принцип историзма. Применены исторические, культурологические, книговедческие методы. Новизна исследования определяется всесторонним историко-книговедческим исследованием научно-практической деятельности А.А. Кроленко, анализом и систематизацией редакционно-издательских методов его работы, определением роли книговедческой и издательской деятельности А.А. Кроленко в становлении и развитии книжного дела России. Разработана новая методика, включающая исторические, культурологические, психологические и искусствоведческие методы. Результаты изучения деятельности А.А. Кроленко вносят вклад в переосмысление общего контекста развития книжного дела и культуры России в целом. Материалы исследования могут быть использованы в курсах лекций по истории книжного дела России XX века.

Дефорж В.Е. Парижский университет в культуре Франции XVII века: Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / В.Е. Дефорж; Науч. рук. Л.В. Петров; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 236 с. – Прил.: с. 191–236. – Библиогр.: с. 175–236. – Автореф. – 20 с.

Объект – французская культура и Парижский университет как центр образования во Франции XVII века. Цель – определение места и роли Парижского университета в развитии французской культуры XVII века. Методологической основой является комплексный анализ культурно-исторических явлений на основе междисциплинарного подхода. Применены компаративистский подход, сравнительно-исторический анализ, аксиологический метод, методы теоретического анализа. Новизна исследования в том, что парижский университет рассматривается в контексте развития французской культуры, как органичный представитель консервативных тенденций рассматриваемой эпохи. Произведено теоретическое осмысление широкого круга латиноязычных источников, некоторые из них введены в научный оборот впервые. Материалы могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории культуры и образования во Франции, по теоретическим проблемам культурологии, при составлении лекционных курсов и в учебном процессе

Друбецкая Т.Б. Формирование и развитие книгоиздания детской литературы в Израиле после провозглашения независимости (1948 – 2000 гг.): Дис. ... канд. филолог. наук: 05.25.03 / Т.Б. Друбецкая; Науч. рук. И.А. Шомракова; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 314 с. – Прил.: с. 296–300. – Библиогр.: с. 231–257. – Автореф. – 16 с.

Объект – история детской литературы в Израиле во второй половине XX века. Цель – создание достоверной картины истории и современного состояния книгоиздания детской литературы в Израиле с 1948 по 2000 гг. Использованы историко-сравнительный, статистический, аналитико-тематический, библиографический методы. Это первое подобное исследование, хронологически охватывающее вторую половину ХХ вв. и обобщающее накопленный разносторонний опыт книгоиздателей Израиля. Результаты могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, прогнозировании потребностей и колебаний книжного рынка, приоритетов развития той или иной издательской отрасли. Были определены особенности детского книгоиздания в Израиле.

Капитонов А.И. Социально-культурная деятельность в системе адаптации молодежи в воинских коллективах: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / А.И. Капитонов; Науч. рук. М.А. Ариарский; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 215 с. – Библиогр.: с.193–215. – Автореф. – 28 с.

Объект – молодые солдаты и матросы, вовлеченные и не вовлеченные в различные формы социально-культурной деятельности. Цель – в раскрытии сущности и механизма реализации преобразовательно-созидающих функций СКД в системе адаптации молодежи в воинском коллективе. Использовался комплекс методов, включающий целенаправленное наблюдение, анализ и обобщение опыта работы воинских подразделений и культурно-просветительных учреждений, изучение их документации, а также отчетов о морально-психологическом состоянии личного состава, социологические методики собеседования, интервьюирования, анкетирования. Научная новизна проявилась в обосновании концепции адаптации молодежи в воинском коллективе средствами СКД. В процессе исследования раскрыт механизм социальной адаптации молодых военнослужащих к новым условиям бытия средствами СКД. Выводы могут быть использованы органами государственного и военного управления при переходе ВС России на профессиональную основу, для эффективного выполнения задач призыва молодежи на военную службу.

Кидьялла Р.Д. Библиотечно-библиографические ресурсы университетских библиотек стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда): Дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Р.Д. Кидьялла; Науч. рук. Г.В. Варганова; СПбГУКИ. – СПб., 2001. – 218 с. – Прил.: с. 191–218. – Библиогр.: с. 171–190. – Автореф. – 18 с.

Объект – деятельность университетских библиотек названного региона; цель – изучение и анализ современного состояния библиотечно-библиографических ресурсов университетских библиотек стран Восточной Африки. Новизна исследования – в выявлении закономерностей экономической и социокультурной детерминированности деятельности университетских библиотек; в определении основных направлений деятельности университетских библиотек; в изучении процессов формирования и использования библиотечно-библиографических ресурсов библиотек Восточной Африки. Результаты могут быть использованы при чтении учебных курсов «Библиотечно-библиографические и информационные ресурсы» и «Библиотечное дело в странах Восточной Африки» на библиотечно-информационных факультетах вузов культуры и искусств.

Корчагин Е.Н. Историко-патриотическое воспитание средствами музыкальной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Е.Н. Корчагин; Науч. рук. Г.П. Бутиков, М.А. Ариарский; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 442 с. – Прил.: с. 264–442. – Библиогр.: с. 240–263. – Автореф. – 24 с.

Объект – историко-патриотическое воспитание разных групп населения средства-

ми музейной деятельности. Цель – разработка социально-педагогической концепции историко-патриотического воспитания средствами музейной деятельности и обоснование механизма ее реализации. Методика исследования строилась на совокупности взаимодополняющих методов историко-культурного, социологического, социально-психологического и педагогического анализа. Широко применялись методы теоретического анализа и синтеза документов; статистический и качественный анализ планов, отчетов, справок; формирующий социально-педагогический эксперимент в Центральном военно-морском музее и его филиалах. Новизна проявилась в обосновании социально-педагогической концепции историко-патриотического воспитания разных групп населения средствами музейной деятельности. Выводы исследования могут использоваться в музеях разных типов и разной направленности, в учебных заведениях, воинских подразделениях, в системе культурно-досуговых учреждениях. Создана научная школа историко-патриотического воспитания средствами музейной деятельности, объединившая широкий круг специалистов учебно-воспитательных музейных и клубных учреждений, офицеров армии и флота, студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

Курганова С.А. Организация взаимодействия учреждений культуры и туризма: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / С.А. Курганова; Науч. рук. Г.Л. Тульчинский; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 171 с. – Прил.: с. 136–171. – Библиогр.: с. 125–135. – Автореф. – 15 с.

Объект – взаимодействие учреждений и организаций сферы культуры и туризма в системе развития культурно-просветительской деятельности. Предмет – организационное информационное обеспечение взаимодействия учреждений и организаций сферы культуры и туризма. Методика и организация строились на использовании метода анализа теоретических источников и практической документации, включенного наблюдения и экспертных оценок. Новизна исследования – в выявлении содержания организационно-информационного обеспечения взаимодействия учреждений культуры со сферой туризма, позволяющего расширить круг учреждений культуры, реально включаемых в это взаимодействие. Разработана Программа по интеграции малых и средних учреждений культуры в сферу въездного туризма и методические рекомендации по включению в туристические программы дополнительных просветительно-образовательных услуг, способствующих повышению педагогического потенциала взаимодействия учреждений культуры и туризма.

Мишина И.В. Музей в системе ценностных ориентаций российского студенчества: Дис. ... канд. культурологии: 24.00.03 / И.В. Мишина; Науч. рук. Л.М. Шляхтина; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 198 с. – Библиогр.: с. 164–198. – Автореф. – 21 с.

Объект – современное студенчество как категория музейной аудитории. Цель – раскрыть особенности социокультурного взаимодействия музеев и студенчества в современных социальных условиях. В основу исследования положены принципы сравнительно-исторического, системного, типологического и социологического методов. Впервые дана системная характеристика взаимодействия музеев и современной студенческой аудитории, раскрыты изменения в ценностных ориентациях и интерес студентов к музеям. Практическая значимость в том, что результаты исследования позволяют расширить область представлений о духовных запросах современного российского студенчества и могут быть использованы при организации научно-просветительской и учебно-педагогической работе музеев и вузов, в ходе преподавания музееведческих дисциплин.

Новиков А.И. Реализация культурообразующего потенциала досуга средствами туризма: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / А.И. Новиков; Науч. рук. М.А. Ариарский; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 218 с. – Библиогр.: с. 205–218. – Автореф. – 19 с.

Объект – туристический досуг. Цель – выявление механизма реализации культурообразующего потенциала досуга средствами туризма. Новизна исследования – в обо-

сновании концепции реализации культурообразующего потенциала досуга средствами туризма, основанной на феномене интеграции конструктивных начал досуга как формы соединения рекреации и разностороннего развития личности. Практическая значимость – в разработке и осуществлении социально-педагогической программы реализации культурообразующего потенциала досуга средствами туризма. Программа реализации культурообразующего потенциала досуга средствами туризма используется рядом фирм СПб и учебных заведений, готовящих для них кадры.

Отеген М.Ж. Экслибрис в культуре Казахстана: Дис. ... канд. культурыологии: 24.00.01 / М.Ж. Отеген; Науч. рук. Н.Н. Суворов; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 255 с. – Прил.: с. 194–255. – Автореф. – 24 с.

Объект исследования – экслибрис в культуре Казахстана. Цель – определение роли экслибриса в культуре Казахстана; культурологический анализ основных форм, социального функционирования и тенденций исторического развития. Использованы историко-культурологический, историко-сравнительный, системно-функциональный подходы к изучению культурного процесса, при которых приоритетным становится рассмотрение культуры как функционирующей системы. Новизна заключается в научно обоснованной связи экслибриса и тамги, в выявленных факторах, обусловивших становление тамги как семиотического аспекта искусства и ее развитие в историко-культурном ряде. Впервые предметом изучения становится история казахского экслибриса. Материалы диссертации используются при чтении вузовских курсов по графике, истории культуры Казахстана и спецкурсах, также на семинарах в институте усовершенствования и повышения квалификации для учителей изобразительного искусства школ районов Актюбинской области и города.

Панкова Е.В. Информатика в системе библиотечного профессионального образования: Дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Е.В. Панкова; Науч. рук. В.М. Мотылев; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 301 с. – Прил.: с. 193–301. – Библиогр.: с. 164–187. – Автореф. – 23 с.

Объект – информатика как область научно-практической деятельности. Цель – в определении содержания предметной области «информатика» и разработке структуры и наполнения учебной дисциплины «Информатика», применительно к подготовке библиотекарей-библиографов. Использовались методы анализа документов, анкетирование, наблюдение, включенное наблюдение, статистический анализ, методика структурно-логического синтезирования. Разработан аппарат, позволяющий синтезировать предметную область и определить структуру и содержание учебной дисциплины «Информатика», получены характеристики уровня подготовленности студентов в области информационных технологий на разных ступенях библиотечного профессионального образования. Разработанный аналитический аппарат можно применять в учебном процессе при определении содержания курса «информатика» и выработке рекомендаций по его наполнению.

Сабинина Т.Б. Организационная культура как фактор развития персонала библиотеки: Дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Т.Б. Сабинина; Науч. рук. В.А. Минкина; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 318 с. – Прил.: с. 275–318. – Библиогр.: с. 247–274. – Автореф. – 22 с.

Объект – организационная культура библиотеки. Цель – изучение особенностей организационной культуры с точки зрения возможностей ее влияния на развитие персонала библиотеки. Использован контент-анализ, категориальный и классификационный анализ, анкетный опрос, интервьюирование и включенное наблюдение. Впервые организационная культура библиотеки рассматривается как комплексное, многоаспектическое явление, а ее особенности связываются со спецификой самой библиотечной деятельности и внешними условиями, в которых функционирует библиотека. Разработана комплексная методика изучения взаимовлияния отдельных компонентов организационной культуры и ее самой на поведение персонала; созданы учебные курсы «Библиотечный менеджмент», «Управление персоналом в учреждениях системы документально-информационный коммуникаций».

Черкашина С.А. Культурная деятельность русской эмиграции в Китае (1917 – 1945 гг.): Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / С.А. Черкашина; Науч. рук. С.Н. Иконникова; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 258 с. :12 с. ил. – Прил.: с. 193–247. – Библиогр.: с. 178–192. – Автореф. – 20 с.

Объект исследования – русская эмиграция в Китае. Цель – дать историко-культурологический анализ и выявить особенности культурной деятельности русской эмиграции в Китае. Методологическая основа – принцип историзма. Использованы историко-культурологический, историко-сравнительный, системно-функциональный подходы к изучению культурного процесса. В работе проведен комплексный анализ культурной деятельности русской эмиграции в Китае, предложена периодизация культурной жизни на основе изменения политического и экономического положения русской эмиграции в Китае, выявлены направления и формы этнокультурного взаимодействия русской и китайской культур, введены новые архивные материалы и неопубликованные ранее источники, создан биографический словарь, где нашли отражение ранее неизвестные имена деятелей русской культуры в Китае.

Шпаковская Е.Б. Джазовая импровизация как способ воспитания творческой индивидуальности исполнителя и слушателя: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е.Б. Шпаковская; Науч. рук. В.В. Молзинский; СПбГУКИ. – СПб., 2002. – 191 с. – Библиогр.: с. 177–191. – Автореф. – 21 с.

Объект – джазовая импровизация как способ творческого воспитания. Цель – выявить теоретические положения и практические формы внедрения в практику учебного процесса джазовую импровизацию как способа воспитания творческой индивидуальности исполнителя и слушателя. Практическая значимость в разработке, апробации и внедрении методов и специальной программы изучения джазовой импровизации в высших учебных заведениях. Результаты исследования могут быть использованы для усовершенствования программ современных гуманитарных вузов, оптимизации построения концертных программ.

Издания СПбГУКИ 2002 года

Монографии

Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века: Монография. В 2 ч. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 25,75 п.л.

Демьяненко С.Р. Психология делового общения: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 9,75 п.л.

Ласкин А.С. Русский период деятельности Дягилева. Формирование новаторских художественных принципов: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 14,75 п.л.

Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 20 п.л.

Молгинский В.В. Старообрядчество в русском искусстве второй половины XIX – начала XX века как проблема отечественной науки: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 16 п.л.

Мультатули В.М. Пушкин во французских переводах: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 7,75 п.л.

Орлов О.Л. Праздничная культура России: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 10 п.л.

Суртаев В.Я. Молодежь и искусство: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 22 п.л.

Тимофеева Т.К. Книжное дело в Германии в 1933–1945 года: Монография. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 8,5 п.л.

Сборники научных трудов

Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдин. чтений / Ред. И.А. Шомракова. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 16,25 п.л. – (Труды СПбГУКИ. – Т. 154).

Учебные пособия

Алова Г.Н. Экономическая социализация детей и молодежи: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 1 п.л.

Брежнева В.В. Информационное обслуживание: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 3 п.л.

Ванеев А.Н. Методика изучения читателей и библиотечной практики: обзор публикаций 20-х гг.: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 0,5 п.л.

Григорьянц А.С., Ржеуцкая С.М. Технические средства в социально-культурной деятельности: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 3,5 п.л.

Минкина В.А., Рокицкая Э.Е. Информационная поддержка делового сотрудничества: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 7 п.л.

Нагаев И.Я. Защита населения в чрезвычайных ситуациях: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 2 п.л.

Плоткин В.И. Введение в теорию и практику инсценирования: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 9 п.л.

Помпеев Ю.А. История и философия отечественного предпринимательства: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 12 п.л.

Рыбакова Е.Л. Становление и развитие профессионального образования по специальности «Музыкальное искусство эстрады» / Науч. ред. С.Н. Иконникова. – 2-е изд., доп. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 3 п.л.

Савкова З.В. Культура речи: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 3,25 п.л.

Суетов Л.А. Отечественная история: Учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 8 п.л.

Туровская А.А. Справочные издания по искусству: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 3 п.л.

Библиографические указатели

Светлана Николаевна Иконникова: Библиогр. указ. / Науч. ред. С.Т. Махлина; Сост. Л.И. Воронова. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 5,25 п.л. – (Ученые Ун-та культуры и искусств).

Юрий Александрович Помпеев: Библиогр. указ. / Ред. Е.С. Бондаренко; Сост. Н.А. Сидоренко. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – 3 п.л. – (Ученые Ун-та культуры и искусств).

Книги преподавателей СПбГУКИ, вышедшие в других издательствах

Монографии, сборники

- Аль Д.Н.* Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный: Монография. – СПб.: Блиц, 2002. – 8,45 п.л.
- Альшиц Д.Н.* Историю России рассказывает Санкт-Петербург: К 300-летию культурной столицы: Монография. – М.-СПб.: Нева-Олма-Пресс, 2002. – 21 п.л.
- Векслер А.Ф., Тульчинский Г.Л.* Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. – М.: PR-эксперт, 2002. – 11 п.л.
- Ласкин А.С.* Ангел, летящий на велосипеде. – СПб.: Стройиздат, 2002. – 13,5 п.л.
- Ласкин А.С.* Долгое путешествие с Дягилевым. – Екатеринбург, 2002. – 14 п.л.
- Орлов О.Л.* Генетические корни праздничной культуры: Монография. – СПб.: Остров, 2002. – 1,75 п.л.
- Псков. Вехи истории:* Монография / [Среди авт. Н.Н. Масленникова и др.]. – Псков: ГПИ им. С.М. Кирова, 2002. – 13,5 п.л.
- Рукописный песенник XVIII в. с голосами,ложенными на ноты / Отв. ред. Е.Е. Васильева. – СПб.: Композитор, 2002. – 10 п.л.
- Русские канты от Петра Великого до Елизаветы Петровны / Сост., вступ. ст. и comment. Е.Е. Васильева, В.А. Лапин. – СПб.: Композитор, 2002. – 10 п.л.
- Слонимская Р.Н.* С.М. Слонимский. Фестиваль музыки С. Слонимского: Материалы, интервью, каталог. – СПб.: Композитор, 2002. – 11 п.л.
- Тульчинский Г.Л.* PR-фирмы: технология и эффективность. – СПб.: Алетейя, 2002. – 19 п.л.
- Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманистической парадигмы. – USA-UK-Canada: E. Mellen Press, 2002. – 32 п.л.

Учебные пособия

- Блюменау Д.И.* Информационный анализ/синтез для формирования вторичного потока документов: Учеб. пособие. – СПб.: Профессия, 2002. – 21 п.л.
- Демьяненко С.Р.* Основы бизнес-планирования туристической фирмы: Учеб. пособие. – М.: Сов. спорт, 2002. – 19 п.л.
- Захаров В.П.* Информационные системы (документальный поиск): Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 11,7 п.л.
- Начала философии: Учебник. В 2 кн. / [Среди авт. Тульчинский Г.Л.] – СПб.: Тип. И. Федорова, 2002. – Кн.1. Мир. Человек. – 20 п.л.; Кн.2. Общество. Культура. – 20 п.л.
- Начала философии: Хрестоматия / [Среди сост. Г.Л. Тульчинский.]. – СПб.: Тип. И. Федорова, 2002. – 18 п.л.
- Новикова И.А.* Музеи Америки. Образовательно-воспитательная деятельность: Учеб. пособие. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2002. – 8,5 п.л.
- Орлов О.Л.* Теоретические аспекты изучения праздничной культуры России: Учеб. пособие. – СПб.: Нестор, 2002. – 1,6 п.л.
- Петров Б.Н.* Массовые спортивно-художественные представления: основы режиссуры, технологии, организации и методики: Учебник. – М., 2002. – 22 п.л.
- Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова, 2002. – 29 п.л.
- Теория организации и основы менеджмента в социально-культурной сфере: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Абчука; [Среди авт. Г.Л. Тульчинский.] – СПб.: РГПУ, 2002. – 28 п.л.
- Управление библиотекой: Учеб. пособие / [Авт.: А.Н. Ванеев, А.С. Аверьянов, В.Г. Горев, Н.И. Мошкина, Ж.С. Шадрина, Д.И. Ступин]. – СПб.: Профессия, 2002. – 19 п.л.

Справочная литература

- Домашняя библиотека: Справочник / Сост. В.С. Крейденко; Под ред. А.Н. Ванеева – СПб.: Профессия, 2002. – 20 п.л.
- Справочник библиографа / [Среди авт.: Т.В. Захарчук, О.М. Зусьман, Г.Ф. Гордукалова и др. ученые ун-та]; Науч. ред. А.Н. Ванеев, В.А. Минкина. – СПб.: Профессия, 2002. – 33 п.л.

Библиографические указатели

- Е.Ю. Кузьмина-Караваева (Мать Мария): Библиограф. указ. произвед. и крит. лит. / [Среди сост.: О.А. Александрова, И.П. Кузнецова, В.В. Подсиорина, М.Д. Чернышева]. – СПб.: Сударыня, 2002. – 10 п.л.

Примечание: в квадратных скобках указаны только преподаватели СПбГУКИ, выступающие в качестве соавторов и составителей.

Рецензии на работы преподавателей СПбГУКИ

Библиотечное краеведение: терминологический словарь / СПбГАК; Сост. В.С. Крейденко, А.В. Мамонтов. – СПб., 1998. – 86 с.

Базанов П.Н. Краеведам в помощь / П.Н. Базанов // Мир библиографии. – 1999. – № 3. – С. 80.

Ванеев А.Н. Конфликты в библиотеке: предупреждение и разрешение. – СПб.: Профессия. – 2001. – 128 с. – (Библиотечный практикум).

Пашин А.И. Надо ли избегать конфликтов в библиотеке? / А.И. Пашин // Библиотековедение. – 2002. – № 4. – С. 108–111.

Варганова Г.В. Библиотековедческие и информационные исследования в США / СПбГУКИ. – СПб.: Профессия, 2001. – 192 с.

Скворцов В.В. «...Одна из лучших научно-исследовательских работ...» / В.В. Скворцов // Библиотековедение. – 2002. – № 3. – С. 122–124.

Гордуалова Г.Ф. Информационные ресурсы гуманитарных наук: Экономика: Учеб. пособие. Вып. 1. – СПб.: СПбГУКИ, 2000. – 260 с.

Леонович О.П. Информационные ресурсы гуманитарного знания: комплексная характеристика развития и использования / О.П. Леонович, Е.М. Смирнова // Библиография. – 2001. – № 5. – С. 89–91.

Издательское и библиографическое дело русского зарубежья (1918 – 1998 гг.): Учеб. пособие / СПбГУКИ. – СПб., 1999. – 136 с.

Колганова А.А. Новый взгляд на русское зарубежье / А.А. Колганова // Мир библиографии. – 2001. – № 2. – С. 80–81.

Методология исследовательской работы: Материалы постоянно действующего семинара «Новые методы изучения библиотечной отрасли» / СПбГУКИ. – СПб., 1999–2001. – Вып. 1–6.

Соколов А.В. Парад библиотечной методологии / А.В. Соколов // Библиотековедение. – 2001. – № 5. – С. 06–109.

Писатели нашего детства: Биогр. слов. В 3 ч. / Сост. И.Я. Линкова, Н.О. Воронова, Н.П. Ильчук и др.; РГДБ. – М.: Либерия, 1998–2000.

Томашева Е.Н. Детство остается с нами навсегда / Е.Н. Томашева // Библиография. – 2002. – № 2. – С. 69–73.

Современное библиотечно-информационное образование: Учеб. тетради. Вып. 1. / Ред. В.А. Минкина; СПбГАК, Библ.-информ. фак. – СПб.: СПбГАК, 1996. – 127 с.

Орлова Н. Трибуна для обсуждения учебных материалов / Н. Орлова, А. Штолер // Библиотека. – 1997. – № 11. – С. 44.

Справочник библиографа / Науч. ред. А.В. Ванеев, В.А. Минкина. – СПб.: Профессия, 2002. – 528 с. – (Библиотека).

1. *Захаренко М.П. Первый справочник библиографа / М.П. Захаренко, Е.М. Смирнова // Мир библиографии. – 2002. – № 3. – С. 52–54.*

2. *Янонис О. Первый помощник библиографа / О. Янонис // Библиография. – 2002. – № 5. – С. 75–76.*

Справочник библиотекаря / Науч. ред. А.Н. Ванеев, В.А. Минкина. – СПб.: Профессия, 2000. – 425 с.

1. *Багаева Р.У. Интеллектуальный транслятор знаний / Р.У. Багаева, Т.И. Ключаренко // Научные и технические библиотеки. – 2001. – № 5. – С. 74–76.*

2. *Балкова И.В. Новый справочник библиотекаря / И.В. Балкова // Научные и технические библиотеки. – 2001. – № 5. – С. 83–87.*

3. *Денисенко Н.В. Долгожданное издание / Н.В. Денисенко, Е.М. Смирнов // Научные и технические библиотеки. – 2001. – № 5. – С. 77–80.*

4. *Ильин Э.А. Ценный справочник / Э.А. Ильин // Научные и технические библиотеки. – 2001. – № 5. – С. 81–82.*

5. *Соколов А.В. Справочник библиотекаря – 2000 / А.В. Соколов // Библиотековедение. – 2000. – № 6. – С. 110–114.*

6. *Сукиасян Э.Р. Странные недочеты нового «Справочника библиотекаря» / Э.Р. Сукиасян // Научные и технические библиотеки. – 2001. – № 3. – С. 151–155.*

7. *Сухоруков К.М. Информационный прорыв на информационном фронте / К.М. Сухоруков // Книжное дело. – 2001. – № 1. – С. 44–45.*

Сведения об авторах

- Артановский С.Н.** – доктор философских наук, профессор каф. теории и истории культуры СПбГУКИ
- Баренбаум И.Е.** – доктор филологических наук, профессор каф. общей библиографии и книговедения СПбГУКИ, заслуженный деятель науки РФ
- Брегвадзе Б.Я.** – профессор, зав. кафедрой хореографии СПбГУКИ, народный артист России, лауреат Государственной премии СССР
- Брежнева В.В.** – кандидат педагогических наук, доцент каф. научно-технической информации СПбГУКИ
- Ванеев А.Н.** – доктор педагогических наук, профессор каф. библиотековедения СПбГУКИ, заслуженный работник культуры РФ
- Грицкевич В.П.** – доктор культурологии, доцент каф. музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ
- Ильина О.Н.** – кандидат педагогических наук, доцент каф. гуманитарной информации СПбГУКИ
- Лукьянин И.В.** – доктор филологических наук, профессор каф. литературы СПбГУКИ
- Марченко О.И.** – доктор философских наук, доцент каф. театрализованных представлений и праздников СПбГУКИ
- Минкина В.А.** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой научно-технической информации СПбГУКИ, заслуженный работник высшей школы
- Михеева Г.В.** – доктор педагогических наук, и.о. профессора каф. общей библиографии и книговедения СПбГУКИ
- Мультатули В.М.** – кандидат искусствоведения, доцент каф. сценической речи и риторики СПбГУКИ
- Подболотов П.А.** – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей истории отечества, ректор СПбГУКИ
- Тульчинский Г.Л.** – доктор философских наук, профессор каф. менеджмента и экономики культуры СПбГУКИ, заслуженный деятель науки РФ
- Щученко В.А.** – доктор философских наук, профессор, декан факультета истории русской культуры СПбГУКИ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ПРИГЛАШАЕТ В АСПИРАНТУРУ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИМ**

05.25.03 – Библиотековедение, библиографоведение и книговедение
09.00.03 – История философии
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (музыка)
13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности
22.00.06 – Социология культуры, духовной жизни
24.00.01 – Теория и история культуры
24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ:

- очная – 3 года
- заочная – 4 года
- соискательство – 5 лет (без вступительных экзаменов)

**Аспирантам дневного отделения предоставляется отсрочка
от призыва в армию на период обучения**

**Прием документов в аспирантуру – с 1 сентября по 15 сентября
Соискательство оформляется в течение учебного года**

**Зав. аспирантурой и докторантурой – Казовская Татьяна Михайловна Тел.- 312-82-85
Адрес: Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2, СПбГУКИ, отдел аспирантуры, 475 кабинет**

Вниманию авторов

Редакция журнала «Вестник СПбГУКИ» принимает оригинальные статьи, очерки и публикации объемом в 0,5 – 1 авторского листа (20-40 тыс. зн.); обзоры – до 16 стр.; рецензии, письма и заметки (6 – 8 стр.) коротко о книгах – 2–3 стр. заметки о статьях, опубликованных в других издательствах и зарубежных журналах – 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в 1 экз. (на бумаге формата А4), а также в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word, интервал полуторный, шрифт 14 пт, имя файла должно содержать фамилию автора. На диске должна быть указана фамилия автора и название работы. Примечания в статьях оформляются верхним индексом и приводятся в конце, ссылки на литературу обозначаются квадратными скобками и также помещаются в конце статьи. Все инициалы перед фамилиями набираются слитно с одним пробелом перед первой буквой фамилии.
Образец: А.И. Иванов.

**По всем интересующим Вас вопросам обращайтесь в научную часть тел. 314 10 86,
или в редакционно-издательский отдел по тел. 312 85 73, или e-mail rio@omen.ru**